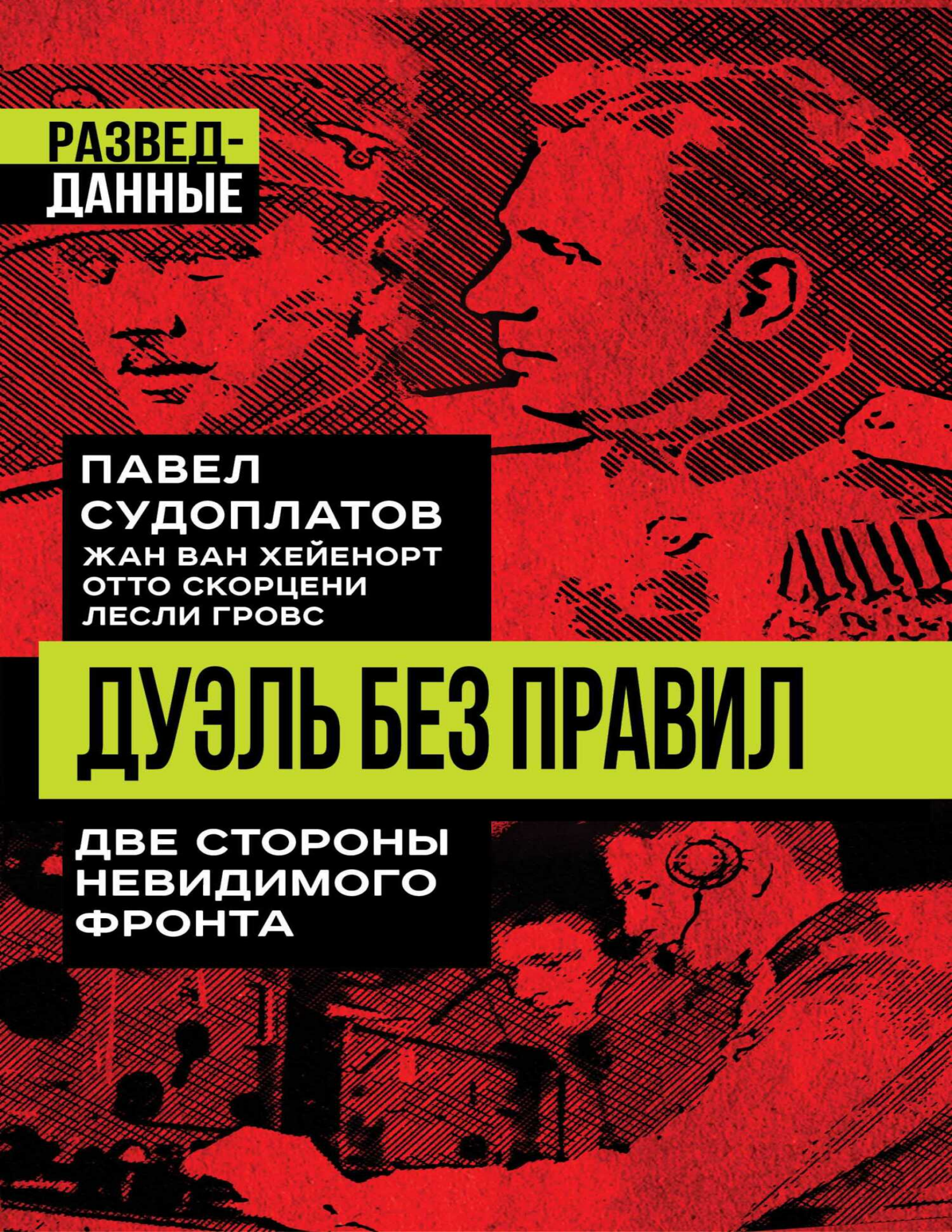




**РАЗВЕД-
ДАННЫЕ**

**ПАВЕЛ
СУДОПЛАТОВ
ЖАН ВАН ХЕЙЕНОРТ
ОТТО СКОРЦЕНИ
ЛЕСЛИ ГРОВС**

ДУЭЛЬ БЕЗ ПРАВИЛ

**ДВЕ СТОРОНЫ
НЕВИДИМОГО
ФРОНТА**

Annotation

Любые свидетельства из первых рук неизбежно страдают односторонностью, поскольку никто не может знать всего. Это особенно ярко проявляется при попытке рассказать об операциях спецслужб, когда события в лагере противника скрыты. В данной книге уже известные воспоминания Павла Судоплатова о борьбе с Троцким, радиоиграх с немецко-фашистским командованием и добыче информации об атомной бомбе дополнены свидетельствами тех, против кого он работал — телохранителя Троцкого Жана ван Хейенорта, гитлеровского обер-диверсанта Отто Скорцени и руководителя «Манхэттенского проекта» Лесли Гровса.

- [Павел Судоплатов, Жан Ван Хейенорт, Отто Скорцени, Лесли Гровс](#)
 - [Дуэль первая: операция «Утка»](#)
 - [Павел Судоплатов: долгая охота](#)
 - [Диверсанты, сталин дал приказ!](#)
 - [Ледоруб поставит точку.](#)
 - [Жан ван Хейенорт: в лагере Троцкого](#)
 - [Дуэль вторая: стратегическая игра](#)
 - [Павел Судоплатов: «Монастырь» и «Березино»](#)
 - [Отто Скорцени: окруженный отряд](#)
 - [Дуэль третья. Битва за атом](#)
 - [Павел Судоплатов: слухи подтверждаются](#)
 - [Лесли Гровс: Оппенгеймер в Лос-Аламосе](#)
 - [Павел Судоплатов: все больше тревожных сообщений](#)
 - [Лесли Гровс: 1942 г. Манхэттенский инженерный округ](#)
 - [Павел Судоплатов: группа «С»](#)
 - [Лесли Гровс: служба безопасности «Манхэттенского проекта»](#)
 - [Павел Судоплатов: суэта вокруг Оппенгеймера](#)
 - [Лесли Гровс: Ок-Ридж](#)
 - [Павел Судоплатов: ученые в ядерную эпоху.](#)

- [Эндшпиль. Секретные доклады на заседании спецкомитета правительства СССР по атомной проблеме](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

**Павел Судоплатов, Жан Ван Хейенорт,
Отто Скорцени, Лесли Гровс
Дуэль без правил. Две стороны
невидимого фронта**

Дуэль первая: операция «Утка»

Павел Судоплатов: долгая охота

...В июле 1938 года, накануне побега Орлова, нашего резидента в Испании, циркулировали слухи о том, что он вскоре заменит Пассова на посту руководителя разведки НКВД. Однако арест его зятя, Кацнельсона, заместителя наркома внутренних дел Украины, репрессированного в 1937 или 1938 году, испугал Орлова.

Настоящая фамилия Орлова-Никольского — Фельдбин, он же «Швед» или «Лева» в материалах оперативной переписки. На Западе, впрочем, он стал известен как Александр Орлов. Я встречался с ним и на Западе, и в Центре, но мимолетно. Тем не менее считаю важным остановиться на этой фигуре подробнее, так как именно его разоблачения в 50-х и 60-х годах в значительной мере способствовали пониманию характера репрессий 37-го года в Советском Союзе. Кстати, вопреки его утверждению, Орлов никогда не был генералом НКВД. На самом деле он имел звание майора госбезопасности, специальное звание, приравненное в 1945 году к рангу полковника. В начале 30-х годов Орлов возглавлял отделение экономической разведки Иностранного отдела ОГПУ, был участником конспиративных контактов и связей с западными бизнесменами и сыграл важную роль в вывозе новинок зарубежной техники из Германии и Швеции в Союз.



Вдобавок Орлов был еще и талантливым журналистом. Он не был в Москве, когда шли аресты и расправы в 1934–1937 годах, но его книжная версия этих событий была принята публикой как истинная. Некоторые из наших авторов даже используют эту версию еще и сегодня для описания зверств сталинского режима. Конечно, в том, что им написано, немало правды, но надо помнить: этот человек был не слишком осведомлен о реальных событиях.

Орлов отлично владел английским, немецким и французским языками. Он весьма успешно играл на немецком рынке ценных бумаг. Им написан толковый учебник для высшей спецшколы НКВД по привлечению к агентурному сотрудничеству иностранцев. Раиса Соболев, ближайшая подруга моей жены, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, в 20-х годах работала в Экономическом отделе ГПУ под его началом и необычайно высоко его ценила. Из числа своих осведомителей Орлову удалось создать группу неофициальной аудиторской проверки, которая выявила истинные доходы нэпманов. Этой негласной ревизионной службой Орлова руководил лично Слуцкий, в то время начальник Экономического отдела, который затем, став руководителем Иностранного отдела,

перевел Орлова на службу в закордонную разведку. В 1934–1935 годах Орлов был нелегальным резидентом в Лондоне, ему удалось закрепить связи с известной теперь всему миру группой: Филби, Маклин, Берджес, Кэрнкросс, Блант и др.

В августе 1936 года он был послан в Испанию после трагического любовного романа с молодой сотрудницей НКВД Галиной Войтовой. Она застрелилась прямо перед зданием Лубянки, после того как Орлов покинул ее, отказавшись развестись со своей женой. Слуцкий, его близкий друг, немедленно выдвинул его на должность резидента в Испании перед самым назначением Ежова наркомом внутренних дел в сентябре 1936 года. Орлову поручались ответственные секретные задания, одним из которых была успешная доставка золота Испанской республики в Москву. За эту дерзкую операцию он был повышен в звании. Газета «Правда» сообщала о том, что старший майор госбезопасности Никольский награждается орденом Ленина за выполнение важного правительственного задания. В том же номере газеты сообщалось, что майор госбезопасности Наумов (в действительности — Эйтингон) награждается орденом Красного Знамени, а капитан госбезопасности Василевский — орденом Красной Звезды.

Орлова весьма уважал также и Шпигельглаз. Он часто посещал Испанию и рассказывал мне о том, что находившийся там Орлов прекрасно справлялся с заданиями по вербовке важной агентуры.

Кстати, Орлов сыграл видную роль в ликвидации руководителя испанских троцкистов Андрея Нина. Вся операция по изъятию Нина из тюрьмы была проведена при личном участии Орлова-Никольского с помощью специальной группы боевиков — немецких антифашистов, бойцов диверсионного партизанского отряда. Во главе немецкой группы был Густав Руберлейн, впоследствии во времена ГДР заведующий международным отделом ЦК Социалистической Единой партии Германии. Участие немцев в этой акции как бы подтверждало версию Никольского о причастности немецких спецслужб к похищению своего агента из республиканской тюрьмы. Тем не менее скандал, связанный с похищением Нина так и не был урегулирован. Республиканское правительство крайне болезненно реагировало на этот инцидент. Именно в силу этих обстоятельств Нин за участие в мятеже троцкистов в Барселоне был арестован республиканскими

властями, а потом похищен Орловым из тюрьмы и убит неподалеку от Барселоны.

Акция по ликвидации Нина фигурирует в архивах НКВД как операция «Николай». Предыстория этого дела связана с успешным проникновением агентов Орлова-Никольского в троцкистское движение. Через министра республиканского правительства Каталонии Гаодосио Ориверо удалось блокировать прибытие анархистских подкреплений на помощь троцкистским мятежникам в Барселоне в июне 1937 года. Кроме того, завербованный Никольским начальник Каталонской республиканской службы безопасности В.Сала — «Хота» регулярно сообщал о намерениях троцкистов и способствовал полному контролю над перепиской и переговорами всех руководителей троцкистского движения в Каталонии, где оно имело свою опору.

Именно «Хота» захватил немецких курьеров, спровоцировавших беспорядки в Барселоне, которые быстро переросли в вооруженное выступление троцкистов. Неопровержимые доказательства причастности немецких спецслужб к организации беспорядков в Барселоне кардинально скомпрометировали троцкистских лидеров. Затем Орлов написал антитроцкистский памфлет, распространив его от имени Андрея Нина, и создал принятую официальными властями версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. Эта акция нанесла серьезный урон престижу троцкистского движения в Испании. Об успешных дезинформационных действиях Орлова и ликвидации троцкистов в Испании Ежов непосредственно докладывал Сталину.

В июле 1938 года Шпигельглаз, как намечалось заранее, должен был встретиться с Орловым на борту советского судна в бельгийских территориальных водах для получения регулярного отчета. Шпигельглаз подозревал, что у французской и бельгийской спецслужб имеются основания задержать его, так как годом раньше арестовали некоторых его агентов, оказавшихся замешанными в похищении белогвардейского генерала Миллера. По этой причине Шпигельглаз боялся сойти на берег. Орлов же боялся совсем другого: он подозревал, что свидание на судне подстроено, чтобы захватить его и арестовать. На встречу со Шпигельглазом он так и не явился.

Орлов скрылся, и лишь в ноябре нам стало известно, что он объявился в Америке. До того как это произошло, я подписал так

называемую «ориентировку» по его розыску, которую надлежало передать по нашим каналам во все резидентуры. В этом документе содержалось полное описание Орлова и его привычек, а также описание жены и дочери, которых в последний раз видели вместе с ним во Франции. В ориентировке указывалась причина возможного исчезновения Орлова и его семьи — похищение их одной из спецслужб: британской, германской или французской. В особенности я подчеркивал тот факт, что Орлов был известен французским и британским властям как эксперт советской делегации, участвовавший, притом дважды, в работе Международного комитета за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Другой причиной могла быть его измена: из сейфа резидентуры в Барселоне исчезло шестьдесят тысяч долларов, предназначавшихся для оперативных целей. Его исчезновение беспокоило нас еще и потому, что Орлов был хорошо осведомлен о нашей агентурной сети в Англии, Франции, Германии и, конечно, в Испании.

В ноябре 1938 года меня вызвал Берия и, давая указания, неожиданно распорядился прекратить дальнейший розыск Орлова. Возобновить поиски я должен был лишь по его прямому указанию. Орлов, оказывается, направил из Америки письмо лично Сталину и Ежову, в котором свое бегство объяснял тем, что опасался неизбежного ареста на борту советского судна.

В письме также говорилось, что в случае попыток выяснить его местопребывание или установить за ним слежку он даст указание своему адвокату обнародовать документы, помещенные им в сейф в швейцарском банке. В них содержалась информация о фальсификации материалов, переданных Международному комитету за невмешательство в гражданскую войну в Испании. Орлов также угрожал рассказать всю историю, связанную с вывозом испанского золота, его тайной доставкой в Москву со ссылкой на соответствующие документы. Это разоблачение поставило бы в неловкое положение как советское правительство, так и многочисленных испанских беженцев, поскольку советская военная поддержка республиканцев в гражданской войне считалась официально бескорыстной. Плата, полученная нами в виде золота и драгоценностей, была окружена тайной. Орлов просил Сталина не преследовать его пожилую мать, оставшуюся в Москве, и если его

условия будут приняты, он не раскроет зарубежную агентуру и секреты НКВД, которые ему известны.

Я не верю, что причина, по которой Орлов не выдал кембриджскую группу или обстоятельства похищения генерала Миллера, заключалась в его лояльности по отношению к советской власти. Речь шла просто о выживании.

В августе 1938 года я впервые узнал о похищениях и ликвидации троцкистов и перебежчиков, проводившихся ОГПУ— НКВД в Европе в 30-х годах. В этой связи заслуживает некоторых уточнений дело Рейсса (настоящая фамилия Порецкий), разведчика-нелегала, засланного в Западную Европу. Им были получены большие суммы денег, за которые он не смог отчитаться, и Рейсс опасался, что может стать жертвой репрессий. Он взял деньги, предназначавшиеся для оперативных целей, и скрылся. Деньги он положил в один из американских банков. Перед своим побегом в 1937 году Рейсс написал письмо в советское полпредство во Франции, в котором осуждал Сталина. Это письмо появилось затем в одном из троцкистских изданий и стало для него роковым, хотя из досье Рейсса было видно, что он никогда не симпатизировал ни самому Троцкому, ни какой-либо из групп, которые его поддерживали. Тем не менее после появления в троцкистской печати этого письма Рейссу заочно был вынесен смертный приговор.

Рейсс вел довольно беспорядочный образ жизни, и агентурная сеть Шпигельглаза в Париже весьма скоро засекла его. Ликвидация была выполнена двумя агентами: болгаринном (нашим нелегалом) Афанасьевым и его шурином Правдиным в Швейцарии. Они подсели к нему за столик в маленьком ресторанчике в пригороде Лозанны. Рейсс с удовольствием выпивал с двумя болгаринами, прикинувшимися бизнесменами. Афанасьев и Правдин имитировали ссору с Рейссом, вытолкнули его из ресторана и, запихнув в свою машину, увезли. В трех километрах от этого места они расстреляли Рейсса, оставив труп на обочине дороги.

Я принял Афанасьева и Правдина на явочной квартире в Москве, куда они вернулись после выполнения задания. Вместе с ними был и Шпигельглаз, который их курировал. Афанасьев и Правдин были награждены орденами. По специальному правительственному постановлению мать Правдина, проживавшая в Париже, получила

пожизненную пенсию. Афанасьев стал офицером разведки и прослужил до 1953 года, а Правдин поступил на работу в Издательство иностранной литературы в Москве, где работал до своей смерти в 1970 году. По-моему, следует уточнить: слухи о том, что Сергей Эфрон, муж поэтессы Марины Цветаевой, был одним из тех, кто навел НКВД на Рейсса, является чистым вымыслом. Эфрон, работавший на НКВД в Париже, не располагал никакими сведениями о местонахождении Рейсса.

Другой эпизод, также требующий комментариев, касается Агабекова. В 20-х годах Атабеков был резидентом ОГПУ в Стамбуле. Он стал перебежчиком из-за своей близости к Блюмкину, которого обвинили в сочувствии взглядам Троцкого. Полагают, что сыграла свою роль и его любовь к дочери британского разведчика в Стамбуле. Испытывая отчаянную нужду в деньгах, Атабеков написал и опубликовал на Западе две книги. Он также был замешан в темных махинациях с кавказскими эмигрантами, которым обещал контрабандой переправлять спрятанные ими семейные сокровища из Советского Союза.

Сообщалось, что Агабеков пропал в Пиренеях на границе с Испанией. На самом деле его ликвидировали в Париже, заманив на явочную квартиру, где он должен был якобы договориться о тайном вывозе бриллиантов, жемчуга и драгоценных металлов, принадлежащих богатой армянской семье. Греческий торговец, посредник в сделке, которого он встретил в Антверпене, был П.Тахчианов — сотрудник-нелегал НКВД во Франции. Он-то и заманил Агабекова на явочную квартиру, сыграв на его национальных чувствах. Там на квартире его уже ждали боевик, бывший офицер турецкой армии, и молодой нелегал Коротков, в 40-х годах ставший начальником нелегальной разведки МГБ СССР. Турок убил Агабекова ножом, после чего его тело запихнули в чемодан, который выкинули в реку. Труп так никогда и не был обнаружен.

Турок и Коротков провели еще одну террористическую операцию в 1938 году. Эйл Таубман, молодой агенте кодовым именем «Юнец», выходец из Литвы, сумел войти в доверие к Рудольфу Клементу, возглавлявшему троцкистскую организацию в Европе и являвшемуся секретарем так называемого IV Интернационала. В течение полутора лет Таубман работал помощником Клемента. Как-то вечером Таубман

предложил Клементу поужинать с его друзьями и привел его на квартиру на бульваре Сен-Мишель, где уже находились турок и Коротков. Турок заколол Клемента, опять же тело положили в чемодан, затем бросили в Сену. Тело было найдено и опознано французской полицией, но к этому времени Таубман, Коротков и турок находились уже далеко от Парижа.

В Москве их ждали награды, а я должен был позаботиться об их будущей работе. Турок стал «хозяином» явочной квартиры в Москве. П.Тахчианов стал одним из руководителей нелегальной разведки в 1940-х годах. Таубман сменил фамилию на Семенов и был послан на учебу в Институт химического машиностроения. Позднее он перешел на службу в органы госбезопасности.

Следующий эпизод связан с судьбой одного из перебежчиков в 30-х годах, Кривицкого. Офицер военной разведки Кривицкий, бежавший в 1937 году и объявившийся в Америке в 1939-м, выпустил книгу под названием «Я был агентом Сталина». В феврале 1941 года его нашли мертвым в одной из гостиниц Вашингтона. Предполагалось, что он был убит НКВД, хотя официально сообщалось, что это самоубийство. Существовала, правда, ориентировка о розыске Кривицкого, но такова была обычная практика по всем делам перебежчиков.

В Разведупре Красной Армии и НКВД, конечно, не жалели о его смерти, но она, насколько мне известно, не была делом наших рук. Мы полагали, что он застрелился в результате нервного срыва, не справившись с депрессией.

Диверсанты, сталин дал приказ!

...Я ожидал, что меня арестуют в конце января или, в крайнем случае, начале февраля 1939 года. Каждый день я являлся на работу и ничего не делал — сидел и ждал ареста. В один из мартовских дней меня вызвали в кабинет Берии, и неожиданно для себя я услышал упрек, что последние два месяца я бездельничаю. «Я выполняю приказ, полученный от начальника отделения», — сказал я. Берия не посчитал нужным как-либо прокомментировать мои слова и приказал сопровождать его на важную, по его словам, встречу. Я полагал, что речь идет о встрече с одним из агентов, которого он лично курировал, на конспиративной квартире. В сентябре 1938 года я дважды сопровождал его на подобные мероприятия. Между тем машина доставила нас в Кремль, куда мы въехали через Спасские ворота. Шофер остановил машину в тупике возле Ивановской площади. Тут я внезапно осознал, что меня примет Сталин.

Вход в здание Кремля, где работал Сталин, был мне знаком по прошлым встречам с ним. Мы поднялись по лестнице на второй этаж и пошли по длинному безлюдному коридору, устланному красным ковром, мимо кабинетов с высокими дверями, какие бывают в музеях. Нас с Берией пропустил тот же офицер охраны, который дежурил и тогда, когда меня приводил сюда Ежов. Сейчас он приветствовал уже не Ежова, а Берию: «Здравия желаю, товарищ Берия!»

Берия открыл дверь, и мы вошли в приемную таких огромных размеров, что стоявшие там три письменных стола выглядели совсем крошечными. В приемной находились трое: двое в кителях того же покроя, что и у Сталина, и один в военной форме. Берию приветствовал невысокий, казавшийся с виду коренастым, человек в зеленом кителе, голос которого звучал тихо и бесстрастно. (Уже потом я узнал, что это был Поскребышев, начальник секретариата Сталина.) Мне показалось, что в этой комнате было правило полное отсутствие внешних проявлений каких бы то ни было эмоций. И действительно, таков был неписанный и раз навсегда утвержденный Сталиным и Молотовым порядок в этом здании.

Поскребышев ввел нас в кабинет Сталина и затем бесшумно закрыл за нами дверь.

В этот момент я испытывал те же чувства, что и в прежние встречи со Сталиным: волнение, смешанное с напряженным ожиданием, и охватывающий всего тебя восторг. Мне казалось, что биение моего сердца могут услышать окружающие.

При нашем появлении Сталин поднялся из-за стола. Стоя посередине кабинета, мы обменялись рукопожатиями, и он жестом пригласил нас сесть за длинный стол, покрытый зеленым сукном. Рабочий стол самого Сталина находился совсем рядом в углу кабинета. Краем глаза я успел заметить, что все папки на его столе разложены в идеальном порядке, над письменным столом — портрет Ленина, а на другой стене — Маркса и Энгельса. Все в кабинете выглядело так же, как в прошлый раз, когда я здесь был. Но сам Сталин казался другим: внимательным, спокойным и сосредоточенным. Слушая собеседника, он словно обдумывал каждое сказанное ему слово, похоже, имевшее для него особое значение. И собеседнику просто не могло прийти в голову, что этот человек могбыть неискренним.

Было ли так на самом деле? Не уверен. Но Берию Сталин действительно выслушал с большим вниманием.

— Товарищ Сталин, — обратился тот к нему, — по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органах, справиться с выполнением заданий правительства.

Сталин нахмурился. Он по-прежнему продолжал держать трубку в руке, не раскуривая ее. Затем чиркнул спичкой (жест, знакомый всем, кто смотрел хоть один журнал кинохроники) и пододвинул к себе пепельницу.

Он ни словом не обмолвился о моем назначении, но попросил Берию вкратце рассказать о главных направлениях разведывательных операций за рубежом. Пока Берия говорил, Сталин встал из-за стола и начал мерить шагами кабинет, он двигался медленно и совершенно неслышно в своих мягких кавказских сапогах.

Хотя Сталин ходил не останавливаясь, мне казалось, он не ослабил свое внимание, наоборот, стал более сосредоточен. Его замечания отличались некоторой жесткостью, которую он и не думал скрывать. Подобная резкость по отношению к людям, приглашенным на прием, была самой, пожалуй, типичной чертой в его поведении, составляя неотъемлемую часть личности Сталина — такую же, как оспины на его лице, придававшие ему суровый вид.

По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо большую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких людей следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника Иностранного отдела, которым руководил тогда Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин.

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Он снова занял свое место напротив нас и начал неторопливо высказывать Неудовлетворенность тем, как ведутся разведывательные операции. По его мнению, в них отсутствовала должная активность. Он подчеркнул, что устранение Троцкого в 1937 году поручалось

Шпигельглазу, однако тот провалил это важное правительственное задание.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий, или как вы его именуєте в ваших делах, «Старик», должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по де-стабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

У нас нет исторического опыта построения мощной индустриальной и военной державы одновременно с укреплением диктатуры пролетариата, — продолжил Сталин, и после оценки международной обстановки и предстоящей войны в Европе он перешел к вопросу, непосредственно касавшемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде «акция» (вместо «ликвидация»), заметив при этом, что в случае успеха акции «партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей».

Когда я попытался возразить, что не вполне подхожу для выполнения этого задания в Мексике, поскольку совершенно не владею испанским языком, Сталин никак не прореагировал.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

— Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните, вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета. После встречи со Сталиным я был немедленно назначен заместителем начальника разведки. Мне был выделен кабинет на седьмом этаже главного здания Лубянки под номером 755 — когда-то его занимал Шпигельглаз.

Жена была обеспокоена моим быстрым повышением по службе в 1938 году. Она предпочитала, чтобы я оставался на незаметной должности, и была права, так как травля меня началась именно из-за этого, хотя назначение носило сугубо временный характер. Я был не врагом народа, а врагом завистливых коллег — таков был заурядный мотив для травли в годы чисток.

Новое назначение не оставляло времени на длительные раздумья о кампании против меня, которая чуть было не стоила мне жизни. Головокружительная скорость, с которой развивались события, увлекла меня за собой. Партийное собрание так и не рассмотрело мое персональное дело. Через два дня после беседы в Кремле мне сообщили, что партбюро пересмотрело свое решение об исключении меня из партии и вместо этого вынесло выговор с занесением в учетную карточку за потерю бдительности и неразоблачение вражеских действий бывшего руководства Иностранного отдела.

На следующий день, как только я пришел в свой новый кабинет, мне позвонил из дома Эйтингон, недавно вернувшийся из Франции.

— Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю. Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры.

Я ответил Эйтингону, что первый день на руководящей должности и ни о каких планах насчет его ареста мне неизвестно. Тут же я предложил ему прийти ко мне, затем позвонил Меркулову и доложил о состоявшемся разговоре. Тот, засмеявшись, сказал:

— Эти идиоты берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами.

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон — подходящая кандидатура для известного мне дела, к концу дня он ждет нас обоих с предложениями.

Когда появился Эйтингон, я рассказал о замысле операции в Мексике. Ему отводилась в ней ведущая роль. Он согласился без малейших колебаний. Эйтингон был идеальной фигурой для того, чтобы возглавить специальную нелегальную резидентуру в США и Мексике. Подобраться к Троцкому можно было только через нашу агентуру, осевшую в Мексике после окончания войны в Испании. Никто лучше его не знал этих людей. Работая вместе, мы стали близкими друзьями. Приказ о ликвидации Троцкого не удивил ни его, ни меня: уже больше десяти лет ОГПУ — НКВД вели против Троцкого и его организации настоящую войну.

Вынужденный покинуть Советский Союз в 1929 году, Троцкий сменил несколько стран (Турцию, Норвегию и Францию), прежде чем обосновался в 1937 году в Мексике. Еще до своей высылки он, по существу, проиграл Сталину в борьбе за власть и, находясь в изгнании, прилагал немалые усилия для того, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение, вызывая брожение в рядах коммунистов, ослабляя нашу позицию в Западной Европе и в особенности в Германии в начале 30-х годов.

По предложению Эйтингона операция против Троцкого была названа «Утка». В этом кодовом названии слово «утка», естественно, употреблялось в значении «дезинформация»: когда говорят, что «полетели утки», имеется в виду публикация ложных сведений в прессе.

Леонид знал нашу агентурную сеть в Соединенных Штатах и Западной Европе, так что был в состоянии реально представить, на кого из агентов мы можем с уверенностью положиться. К сожалению, Марию де Лас Эрас, нашего лучшего агента «Патрию», которую мы сумели внедрить в секретариат Троцкого еще во время его пребывания в Норвегии и которая была с ним в Мексике, необходимо было немедленно отозвать. Ее планировал использовать Шпигельглаз в 1937–1938 годах, но бегство Орлова, хорошо ее знавшего, разрушило этот план. Мы не могли рисковать и оказались правы. Не исключено, что вынужденный временный отказ от боевой операции в Мексике обусловил трагическую участь Шпигельглаза. Он слишком много знал и перестал быть нужным.

Судьба Марии де Лас Эрас оказалась легендарной. Во время Великой Отечественной войны ее забросили на парашюте в тыл к

немцам, где она сражалась в партизанском отряде Героя Советского Союза Медведева. После войны она активно работала в агентурной сети КГБ в Латинской Америке, выполняла обязанности радиста. В общей сложности Мария де Лас Эрас была нелегалом более двух десятков лет. В СССР она возвратилась только в 70-х в звании полковника, а умерла в 1988 году.

Через два месяца после своего бегства в Америку Орлов написал анонимное письмо Троцкому, предупреждая о том, что разрабатываются планы покушения на него и осуществлять эту акцию будут люди из его окружения, приехавшие из Испании. В то время мы не знали о письме Орлова с этим предостережением, но вполне допускали, что Орлов может пойти на подобную акцию. Мой первоначальный план состоял в том, чтобы использовать завербованную Эйтингоном агентуру среди троцкистов в Западной Европе и в особенности в Испании. Эйтингон, например, лично завербовал лидеров испанских троцкистов братьев Руанов. У него на связи находились симпатизировавшие Троцкому бывшие анархисты, министры республиканского правительства Испании Гаодосио Оливеро и Фредерико Амундсени. Однако Эйтингон настоял на том, чтобы использовать тех агентов в Западной Европе, Латинской Америке и США, которые никогда не участвовали ни в каких операциях против Троцкого и его сторонников. В соответствии с его планом необходимо было создать две самостоятельные группы. Первая — группа «Конь» под началом Давида Альфаро Сикейроса, мексиканского художника, лично известного Сталину, ветерана гражданской войны в Испании. Он переехал в Мексику и стал одним из организаторов мексиканской компартии. Вторая — так называемая группа «Мать» под руководством Каридад Меркадер. Среди ее богатых предков был вице-губернатор Кубы, а ее прадед являлся испанским послом в России. Каридад ушла от своего мужа, испанского железнодорожного магната, к анархистам и бежала в Париж с четырьмя детьми в начале 30-х годов. На жизнь ей приходилось зарабатывать вязанием. Когда в 1936 году в Испании началась гражданская война, она вернулась в Барселону, вступила в ряды анархистов и была тяжело ранена в живот во время воздушного налета. Старший сын Каридад погиб (он бросился, обвязавшись гранатами, под танк), а средний, Рамон, воевал в партизанском отряде.

Младший сын Луис приехал в Москву в 1939 году вместе с другими детьми испанских республиканцев, бежавших от Франко, дочь осталась в Париже. Поскольку Рамон был абсолютно неизвестен среди троцкистов, Эйтингон, в то время все еще находившийся в Испании, решил послать его летом 1938 года из Барселоны в Париж под видом молодого бизнесмена, искателя приключений и прожигателя жизни, который время от времени материально поддерживал бы политических экстремистов из-за своего враждебного отношения к любым властям.

К 1938 году Рамон и его мать Каридад, оба жившие в Париже, приняли на себя обязательства по сотрудничеству с советской разведкой. В сентябре Рамон по наводке братьев Руанов познакомился с Сильвией Агелоф, находившейся тогда в Париже, и супругами Розмерами, дружившими с семьей Троцкого. Следуя инструкциям Эйтингона, он воздерживался от любой политической деятельности. Его роль заключалась в том, чтобы иногда помогать друзьям и тем, кому он симпатизировал, деньгами, но не вмешиваться в политику. Он не интересовался делами этих людей и отвергал предложения присоединиться к их движению.

Был у нас и еще один важный агент под кодовой кличкой «Гарри» — англичанин Моррисон, не известный ни Орлову, ни Шпигельглазу. Гарри работал по линии Особой группы Серебрянского и сыграл ключевую роль в похищении в декабре 1937 года архивов Троцкого в Европе. (По моей подсказке этот архив был затребован Дмитрием Волкогоновым и использован им в его книге «Троцкий», 1992.) Гарри также имел прочные связи в седьмом округе управления полиции Парижа. Это помогло ему раздобыть для нас подлинные печати и бланки французской полиции и жандармерии для подделки паспортов и видов на жительство, позволявших нашим агентам оседать во Франции.

Эйтингон считал, что его агенты должны действовать совершенно независимо от наших местных резидентур в США и Мексике. Я с ним согласился, но предупредил, что мы не сможем перебазировать всех нужных людей из Западной Европы в Америку, полагаясь лишь на обычные источники финансирования. По нашим прикидкам, для перебазирования и оснащения групп необходимо было иметь не менее трехсот тысяч долларов. Для создания надежного прикрытия Эйтингон предложил использовать в операции свои личные семейные связи в

США. Его родственники имели большие льготы от советского правительства с 1930 вплоть до 1948 года при участии в пушных аукционах-ярмарках в Ленинграде. Мы изложили наши соображения Берии, подчеркнув, что в окружении Троцкого у нас нет никого, кто имел бы на него прямой выход. Мы не исключали, что его резиденцию нам придется брать штурмом. Раздосадованный отзывом агента «Патрии» из окружения Троцкого, согласившись на использование личных связей Эйтингона, Берия неожиданно предложил нам использовать связи Орлова, для чего мы должны обратиться к нему от его имени. Орлов был известен Берии еще по Грузии, где командовал пограничным отрядом в 1921 году. Эйтингон решительно возражал, и не только по личным мотивам: в Испании у него с Орловым были натянутые отношения. Он считал, что Орлов, будучи профессионалом, участвовавшим в ликвидации перебежчиков, наверняка не поверит нам, независимо от чьего имени мы к нему обратимся. Более того, заметив слежку или любые попытки выйти на него, он может поставить под удар всех наших людей. Скрепя сердце Берия вынужден был с нами согласиться. В результате переданный мне Берией приказ инстанции гласил: оставить Орлова в покое и не искать никаких связей с ним.

Берия был весьма озабочен тем, как использовать свои старые личные связи в оперативных делах. По линии жены Нины у Берии были два знаменитых родственника Гегечкори: один — убежденный большевик, его именем назвали район в Грузии, другой, живший в изгнании в Париже, — министр иностранных дел в меньшевистском правительстве Грузии. (Позднее это явилось основанием для обвинения, сфабрикованного против Берии, в том что он через свою родню связан с империалистическими разведками.) Наша резидентура во Франции была буквально завалена его директивами по разработке грузинской эмиграции, в особенности меньшевиков, правительство которых в изгнании находилось в Париже. Мне помнится, какие-то грузинские князья долго морочили нам голову слухами о невероятных сокровищах, якобы спрятанных в тайниках по всей нашей стране.

Из тогдашнего разговора с нами Берия, однако, понял, что нам действительно понадобится новая агентурная сеть, которая исключила бы возможность предательства. Он сказал, чтобы мы начали действовать, не беспокоясь о финансовой стороне дела. После того как

будет сформирована группа, он хотел добавить в нее нескольких агентов, известных ему лично.

Берия распорядился, чтобы я отправился вместе с Эйтинггоном в Париж для оценки группы, направляемой в Мексику. В июне 1939 года Георг Миллер, австрийский эмигрант, занимавший пост начальника отделения «паспортной техники», снабдил нас фальшивыми документами. Когда мы уезжали из Москвы, Эйтинггон как ребенок радовался тому, что одна из его сестер, хроническая брюзга, не пришла на вокзал проводить его. В их семье существовало суеверное убеждение, что любое дело, которое она благословляла своим присутствием, заранее обречено на провал. Из Москвы мы отправились в Одессу, а оттуда морем в Афины, где сменили документы и на другом судне отплыли в Марсель.

До Парижа добрались поездом. Там я встретился с Рамоном и Каридад Меркадер, а затем, отдельно, с членами группы Сикейроса. Эти две группы не общались и не знали о существовании друг друга. Я нашел, что они достаточно надежны, и узнал, что еще важнее, — они участвовали в диверсионных операциях за линией фронта у Франко. Этот опыт наверняка должен был помочь им в акции против Троцкого. Я предложил, чтобы Эйтинггон в течение месяца оставался с Каридад и Рамоном, познакомил их с основами агентурной работы. Они не обладали знаниями в таких элементарных вещах, как методы разработки источника, вербовка агентуры, обнаружение слежки или изменение внешности. Эти знания были им необходимы, чтобы избежать ловушек контрразведывательной службы небольшой группы троцкистов в Мексике, но задержка чуть не стала фатальной для Эйтинггона.

Я вернулся в Москву в конце или середине июля, а в августе 1939 года Каридад и Рамон отплыли из Гавра в Нью-Йорк. Эйтинггон должен был вскоре последовать за ними, но к тому времени польский паспорт, по которому он прибыл в Париж, стал опасным документом. После немецкого вторжения в Польшу, положившего начало второй мировой войне, его собирались мобилизовать во французскую армию как польского беженца или же интернировать в качестве подозрительного иностранца. В это же время были введены новые, более жесткие ограничения на зарубежные поездки для поляков, так что Эйтинггону пришлось уйти в подполье.

Я возвратился в Москву, проклиная себя за задержку, вызванную подготовкой агентов, но, к сожалению, у нас не было другого выхода. Мы проинструктировали нашего резидента в Париже Василевского (кодовое имя «Тарасов»), работавшего генеральным консулом, сделать все возможное, чтобы обеспечить «Тома» (так Эйтингон проходил по оперативной переписке) соответствующими документами для поездки в Америку. Василевскому потребовался почти месяц, чтобы выполнить это задание. Пока суд да дело, он поместил Эйтингона в психиатрическую больницу, главным врачом которой был русский эмигрант. По моему указанию Василевский использовал связи Моррисона, чтобы раздобыть Тому поддельный французский вид на жительство. Теперь Том стал сирийским евреем, страдающим психическим расстройством. Естественно, он был непригоден к военной службе, а документ давал ему возможность находиться во Франции и мог быть использован для получения заграничного паспорта. Василевский был уверен, что паспорт подлинный (французский чиновник получил соответствующую взятку), но все же оставалась проблема получения американской визы.

Наша единственная связь с американским консульством осуществлялась через респектабельного бизнесмена из Швейцарии — в действительности это был наш нелегал Штейнберг. Однако тут возникла дополнительная трудность. Он отказался возвращаться в Москву, куда его отзывали в 1938 году. В письме он заявлял о своей преданности, но говорил, что боится чистки в НКВД. Василевский послал для встречи с ним в Лозанне офицера-связника, нашего нелегала Тахчия-нова. Его подстраховывал другой нелегал, Алахвердов. Во время встречи Штейнберг готов был застрелить связника, боясь, что это убийца. В конце концов он согласился устроить визу для сирийского еврея, он не узнал Эйтингона на фотографии в паспорте — тот отрастил усы и изменил прическу. Через неделю Штейнберг достал визу, и наш посланец вернулся с ней в Париж.

Ледоруб поставит точку

Эйтингон прибыл в Нью-Йорк в октябре 1939 года и основал в Бруклине импортно-экспортную фирму, которую мы использовали как свой центр связи. И самое важное, эта фирма предоставила «крышу» Рамону Мер-кадеру, обосновавшемуся в Мексике с поддельным канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона. Теперь он мог совершать частые поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйтингоном, который снабжал его деньгами.

Постепенно в Мексике нашлось прикрытие и для группы Сикейроса. У нас было два нелегала-радиста, но, к несчастью, радиосвязь была неэффективной из-за плохого качества оборудования. Эйтингоном были разработаны варианты проникновения на виллу Троцкого в Койякане, пригороде Мехико. Владелец виллы, мексиканский живописец Диего Ривера, сдал ее Троцкому. Группа Сикейроса планировала взять здание штурмом, в то время как главной целью Рамона, не имевшего понятия о существовании группы Сикейроса, было использование своего любовного романа с Сильвией Агеллоф для того, чтобы подружиться с окружением Троцкого.

Рамон был похож на нынешнюю звезду французского кино Алена Делона. Сильвия не устояла перед присущим ему своеобразным магнетизмом еще в Париже. Она ездила с Рамоном в Нью-Йорк, но он старался держать ее подальше от Эйтингона. Случалось, Эйтингон наблюдал за Рамоном и Сильвией в ресторане, но ни разу не был ей представлен.

В троцкистских кругах Рамон держался независимо, не предпринимая никаких попыток завоевать их доверие «выражением симпатии к общему делу». Он продолжал разыгрывать из себя бизнесмена, «поддерживающего Троцкого в силу эксцентричности своего характера», а не как преданный последователь.

Группа Сикейроса имела план комнат виллы Троцкого, тайно переправленный Марией де Лас Эрас, до того как ее отозвали в Москву. Она дала характеристику телохранителей Троцкого, а также детальный анализ деятельности его небольшого секретариата. Эта весьма важная информация была отправлена мною Эйтингону.

В конце 1939 года Берия предложил усилить сеть наших нелегалов в Мексике. Он привел меня на явочную квартиру и познакомил с Григулевичем (кодовое имя «Юзик»), приехавшим в Москву после работы нелегалом в Западной Европе. Он был известен в троцкистских кругах своей политической нейтральностью. Никто не подозревал его в попытке внедриться в их организацию. Его присутствие в Латинской Америке было вполне естественным, поскольку отец Григулевича владел в Аргентине большой аптекой.

Григулевич прибыл в Мексику в апреле 1940 года и по указанию Эйтингона создал третью, резервную, сеть нелегалов для проведения операций в Мексике и Калифорнии. Он сотрудничал с группой Сикейроса. Григулевичу удалось подружиться с одним из телохранителей Троцкого, Шелдоном Хартом. Когда Харт 23 мая 1940 года находился на дежурстве, в предрассветные часы в ворота виллы постучал Григулевич. Харт допустил непростительную ошибку — он приоткрыл ворота, и группа Сикейроса ворвалась в резиденцию Троцкого. Они изрешетили автоматными очередями комнату, где находился Троцкий. Но, поскольку они стреляли через закрытую дверь и результаты обстрела не были проверены, Троцкий, спрятавшийся под кроватью, остался жив.

Харт был ликвидирован, поскольку знал Григулевича и мог нас выдать. Инцидент закончился арестом лишь Сикейроса, что дало хорошее прикрытие для продолжения действий Григулевича и Меркадера, все еще не знавших о существовании друг друга.

Покушение сорвалось из-за того, что группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции. Эйтингон по соображениям конспирации не принимал участия в этом нападении. Он бы наверняка скорректировал действия нападавших. В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов. Членами его группы были крестьяне и шахтеры с элементарной подготовкой ведения партизанской войны и диверсий.

Эйтингон передал по радио кодированное сообщение о провале операции. Сообщение поступило к нам с некоторым опозданием, потому что оно шло через советское судно, находившееся в Нью-Йоркской гавани, оттуда шифрограмма по радио ушла в Париж к Василевскому. Он передал ее в Москву, но не придавал сообщению особого значения, поскольку не знал шифра. В результате Берия и

Сталин узнали о неудавшемся покушении из сообщения ТАСС. Не помню точной даты, очевидно, это было майским воскресеньем 1940 года. Меня вызвали на дачу к Берии — за мной прислали его машину. На даче были гости: Серов, тогдашний нарком внутренних дел Украины, и Круглов, заместитель Берии по кадрам. Когда я вошел, они обедали.

Берия, судя по всему, не хотел обсуждать наше дело в их присутствии. Он жестом отослал меня в сад, где росли субтропические растения, посаженные им в надежде, что они сумеют выжить в суровом московском климате. Садом занимались его жена Нина, агроном по образованию, и сын Сергей. Берия представил меня им и прошел со мной в дальний угол сада. Он был взбешен. Глядя на меня в упор, он начал спрашивать о составе одобренной мною в Париже группы и о плане уничтожения Троцкого. Я ответил, что профессиональный уровень группы Сикейроса низок, но это люди, преданные нашему делу и готовые пожертвовать ради него своими жизнями. Я ожидаю подробного отчета из Мексики по радиоканалам через день-два. После нашего разговора мы вернулись в столовую, и Берия приказал мне немедленно возвращаться на работу и информировать его сразу же, как только я узнаю о дальнейших событиях.

Через два дня я получил из Парижа краткий отчет Эйтингона и доложил Берии. Эйтингон сообщал, что он готов, при одобрении Центра, приступить к осуществлению альтернативного плана — использовать для ликвидации Троцкого основного из наших агентов — «аутсайдеров» — Меркадера. Для выполнения этого плана необходимо было отказаться от использования Меркадера как нашего агента в окружении Троцкого и не внедрять новых: арест агента, пытавшегося убить Троцкого, мог означать провал всей агентурной сети, связанной непосредственно с Троцким и его окружением. Я почувствовал, что подобное решение ни я, ни Эйтингон не могли принять самостоятельно. Оно могло быть принято только Берией и Сталиным. Внедрение агентов в троцкистские группы за рубежом являлось одним из важных приоритетов в работе советской разведки в 1930–1940 годах. Как можно было иначе получить информацию о том, что будет происходить в троцкистских кругах после убийства Троцкого? Будут ли троцкисты обладать силой и представлять угрозу для СССР без своего лидера? Сталин регулярно читал сообщения, приходявшие от

нашего агента, который сумел проникнуть в штат троцкистской газеты, издававшейся в Нью-Йорке. От него мы получали информацию о планах и целях их движения и строили соответственно деятельность по борьбе с троцкизмом. Нередко Сталин имел возможность читать троцкистские статьи и документы еще до того, как они публиковались на Западе.

Ныне в угоду политической конъюнктуре деятельность Троцкого и его сторонников за границей в 1930–1940 годах сводят лишь к пропагандистской работе. Но это не так. Троцкисты действовали активно: организовали, используя поддержку лиц, связанных с абвером, мятеж против республиканского правительства в Барселоне в 1937 году. Из троцкистских кругов в спецслужбы Франции и Германии шли «наводящие» материалы о действиях компартий в поддержку Советского Союза. О связях с абвером лидеров троцкистского мятежа в Барселоне в 1937 году сообщил нам Шульце-Бойзен, ставший позднее одним из руководителей нашей подпольной группы «Красная капелла». Впоследствии, после ареста, гестапо обвинило его в передаче нам данной информации, и этот факт фигурировал в смертном приговоре гитлеровского суда по его делу.

О других примерах использования абвером связей троцкистов для розыска скрывавшихся в 1941 году в подполье руководителей компартии Франции докладывал наш резидент в Париже Василевский, назначенный в 1940 году уполномоченным исполкома Коминтерна.

Я изложил все это Берии. Сначала он никак не прореагировал. Я вернулся к себе в кабинет и стал ждать...



Рамон Меркадер

Ждать мне пришлось недолго. Всего через два часа я был вызван на третий этаж к Берию.

— Идемте со мной, — бросил он мне.

На этот раз мы поехали к Сталину на ближнюю дачу, находившуюся в получасе езды к западу от Москвы. Первая часть встречи была весьма недолгой. Я доложил о неудачной попытке Сикейроса ликвидировать Троцкого, объяснив, что альтернативный

план означает угрозу потерять антитроцкистскую сеть в Соединенных Штатах и Латинской Америке после уничтожения Троцкого.

Сталин задал всего один вопрос:

— В какой мере агентурная сеть в Соединенных Штатах и Мексике, которой руководит Овакимян, задействована в операции против Троцкого?

Я ответил, что операция Эйтингона, которому даны специальные полномочия самостоятельно вербовать и привлекать людей без санкции Центра, совершенно независима от Овакимяна, чья разведывательная деятельность под прикрытием нашей фирмы «Амторг» осуществляется вне связи с акцией против Троцкого.

Сталин подтвердил свое прежнее решение, заметив:

— Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия.

Я подготовил текст телеграммы и добавил в конце: «Павел шлет наилучшие пожелания».

«Павел» было кодовым именем Берии.

Когда в 1953 году меня арестовали, следователи, просматривая материалы операции «Утка» в моих рабочих документах, хранившихся в сейфе, спросили, кто скрывался под именем «Павел». Я не счел нужным подчеркивать, что Эйтингона высоко ценил Берия, который к этому времени был арестован и расстрелян, и сказал, что это мое имя, добавленное для подтверждения подлинности посылаемого сообщения.

Время было уже позднее, одиннадцать вечера, и Сталин предложил Берии и мне остаться на ужин. Помню, еда была самая простая. Сталин, подшучивая над тем, что я не пью, предложил мне попробовать грузинского вина пополам с шипучей водой «Лагидзе». Эта вода ежедневно доставлялась ему самолетом из Грузии. Вопреки тому, что пишут о нем сейчас, Сталин вовсе не был в ярости из-за неудачного покушения на Троцкого. Если он и был сердит, то хорошо маскировал это. Внешне он выглядел спокойным и готовым довести до

конца операцию по уничтожению своего противника, поставив на карту судьбу всей агентурной сети в окружении Троцкого.

Позже Эйтингон рассказал мне, что Рамон Меркадер сам вызвался выполнить задание, используя знания, полученные им в ходе партизанской войны в Испании. Во время этой войны он научился не только стрелять, но и освоил технику рукопашного боя. Учитывая, что наши люди в то время не имели в своем распоряжении специальной техники, Меркадер был готов застрелить, заколоть или убить врага, нанеся удар тяжелым предметом. Каридад дала сыну свое «благословение». Когда Эйтингон и она встретились с Рамоном, чтобы проанализировать систему охраны на вилле Троцкого и выбрать оружие убийства, то пришли к выводу, что лучше всего использовать нож или малый ледоруб альпиниста: во-первых, их легче скрыть от охранников, а во-вторых, эти орудия убийства бесшумны, так что никто из домашнего окружения не успеет прибежать на помощь. Физически Рамон был достаточно силен.

Важно было также выдвинуть подходящий мотив убийства, с тем чтобы скомпрометировать Троцкого и таким образом дискредитировать его движение. Убийство должно было выглядеть как акт личной мести Троцкому, который якобы отговаривал Сильвию Агелоф выйти замуж за Меркадера. Если бы Меркадера схватили, ему надлежало заявить, что троцкисты намеревались использовать пожертвованные им средства в личных целях, а вовсе не на нужды движения, и сообщить, что Троцкий пытался уговорить его войти в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей.

Зимним вечером, в начале 1969 года, я встретился с Рамоном Меркадером на квартире Эйтингона, потом мы пошли обедать в ресторан Дома литераторов в Москве. С момента нашей последней встречи минуло почти три десятилетия. И только теперь Рамон смог рассказать мне во всех подробностях о том, что произошло 20 августа 1940 года.

На его встрече с матерью на явочной квартире в Мехико Эйтингон, по словам Рамона, предложил следующее: в то время как Меркадер будет находиться на вилле Троцкого, сам Эйтингон, Каридад и группа из пяти боевиков предпримут попытку ворваться на виллу.

Начнется перестрелка с охранниками, во время которой Меркадер сможет ликвидировать Троцкого.

— Я, — сказал мне Меркадер, — не согласился с этим планом и убедил его, что один приведу смертный приговор в исполнение.

Вопреки тому, что писалось о самом убийстве, Рамон не закрыл глаза перед тем как ударить Троцкого по голове небольшим острым ледорубом, который был спрятан у него под плащом. Троцкий сидел за письменным столом и читал статью Меркадера, написанную в его защиту. Когда Меркадер готовился нанести удар, Троцкий, поглощенный чтением статьи, слегка повернул голову, и это изменило направление удара, ослабив его силу. Вот почему Троцкий не был убит сразу и закричал, призывая на помощь. Рамон растерялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож.

— Представьте, ведь я прошел партизанскую войну и заколол ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал, — объяснил Рамон.

Когда в комнату вбежала жена Троцкого с охранниками, Меркадера сбили с ног, и он не смог воспользоваться пистолетом. Однако в этом, как оказалось, не было необходимости. Троцкий умер на следующий день в больнице.

— Меня сбил с ног рукояткой пистолета один из охранников Троцкого. Потом мой адвокат использовал этот эпизод для доказательства того, что я не был профессиональным убийцей. Я же придерживался версии, что мною руководила любовь к Сильвии и что троцкисты растрачивали средства, которые я жертвовал на их движение, и пытались вовлечь меня в террористическую деятельность, — сказал мне Меркадер. — Я не отходил от согласованной версии: мои действия вызваны чисто личными мотивами.



Рамон Меркадер после ареста

По нашему первоначальному плану предполагалось, что Троцкий будет убит без шума и Рамон сумеет незаметно уйти — ведь Меркадер регулярно посещал виллу и охрана хорошо его знала. Эйтингон и Каридад, ждавшие Рамона в машине неподалеку от виллы, вынуждены были скрыться, когда в доме начался явный переполох. Сперва они бежали на Кубу, где Каридад, используя свои семейные связи, сумела уйти в подполье. Григулевич бежал из Мехико в Калифорнию — там его мало кто знал.

Первое сообщение пришло к нам в Москву по каналам ТАСС. Затем, неделей позже, кодированное радиосообщение с Кубы прислал Эйтингон, снова через Париж. Мне было официально объявлено, что людьми Эйтингона и их работой наверху довольны, но участники операции будут награждены только после возвращения в Москву. Что касается меня, то я был слишком занят в этот момент нашими делами в Латвии, чтобы дальше думать о деле Троцкого. Берия спросил меня, удалось ли Каридад, Эйтингону и Григулевичу спастись и надежно спрятаться. Я ответил, что у них хорошее укрытие, неизвестное

Меркадеру. Арестовали Меркадера как Фрэнка Джексона, канадского бизнесмена, и его подлинное имя власти не знали в течение шести лет.

Рамон также напомнил мне, что я дал ему и его матери на встрече в Париже совет: если кого-нибудь из вас схватят, начинайте в тюрьме голодовку, но при этом постарайтесь не возбудить у своих тюремщиков ненужных подозрений. Сперва ешьте с каждым разом все меньше и меньше, готовясь к полному отказу от пищи. В конце концов они начнут искусственное кормление, и период следствия растянется на неопределенно долгое время, а страсти поостынут. Это то, что вам будет нужно.

Меркадер продолжал голодовку два или три месяца, во время следствия утверждал, что он один из обозленных сторонников Троцкого. Его дважды в день избивали сотрудники мексиканских спецслужб — и так продолжалось все шесть лет, пока не удалось раскрыть его истинное имя. К тому же его все это время держали в камере, где не было окна.

Берия объявил мне о решении не жалеть никаких средств для защиты Меркадера. Адвокаты должны были доказать, что убийство совершено на почве склок и внутреннего разброда в троцкистском движении. Эйтингон и Каридад получили приказ оставаться в подполье. Полгода они провели на Кубе, а затем морем отправились в Нью-Йорк, где Эйтингон использовал свои знакомства в еврейской общине для того, чтобы раздобыть новые документы и паспорта. Вместе с Каридад он пересек Америку и приехал в Лос-Анджелес, а потом в Сан-Франциско. Эйтингон воспользовался возможностью возобновить контакты с двумя агентами, которых он и Серебрянский заслали в Калифорнию в начале 30-х годов, и те взяли на себя обязанности связанных с нелегальной агентурной сетью, которая добывала американские ядерные секреты с 1942 по 1945 год. В феврале 1941 года Эйтингон и Каридад на пароходе отплыли в Китай. В мае 1941 года, перед самым началом Великой Отечественной войны, они возвратились в Москву из Шанхая по Транссибирской магистрали.



Мексиканская полиция демонстрирует орудие убийства

Личность Меркадера спецслужбам удалось установить лишь после того, как в 1946 году на Запад перебежал один из видных деятелей испанской компартии, находившийся до своего побега в Москве. Кстати, этот человек приходился дальним родственником Фиделю Кастро. За утечку информации часть вины несет Каридад. Во время войны мать Рамона эвакуировали из Москвы в Ташкент, где она жила с 1941 по 1943 год. Именно там она рассказала своему знакомому о том, что Троцкого убил Рамон. Каридад была убеждена, что сказанное он будет держать в секрете.

После окончания второй мировой войны Каридад неоднократно пробовала добиться освобождения Рамона, **предлагала** даже найти для него жену, но Сталин выступил против этого плана, поскольку личность Рамона все еще привлекала к себе большое внимание. Каридад ездила в Мексику, затем в Париж, предпринимала все меры для досрочного освобождения сына.

Когда в Мексику доставили из испанских полицейских архивов досье Меркадера, личность его была установлена, отпираться стало бессмысленно. Перед лицом неопровержимых улик Фрэнк Джексон признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. Но он так и не признался, что убил Троцкого по приказу советской разведки. Во всех своих открытых заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив этого убийства.

Условия содержания Рамона в тюрьме после разглашения перебежчиком его настоящего имени сразу улучшились, и ему даже разрешали время от времени совершать вылазки в Мехико, где он мог обедать в ресторане вместе со своим тюремщиком. Женщина, присматривавшая за Рамоном в тюрьме, влюбилась в него и теперь навещала еженедельно. Позднее он женился на ней и привез ее с собой в Москву, когда был освобожден из тюрьмы 20 августа 1960 года. В тюрьме он отсидел двадцать лет.

До 1960 года Рамон никогда не бывал в Москве. Здесь жила в 1939–1942 годах его невеста, которая умерла от туберкулеза.

В Москве Меркадер был принят председателем КГБ Шелепиным, вручившим ему Звезду Героя Советского Союза. Однако, когда некоторое время спустя Меркадер попросил о встрече с новым председателем КГБ Семичастным, ему было отказано. По специальному решению ЦК партии и по личному ходатайству Долорес Ибаррури (Пасионарии) Меркадера приняли на работу старшим научным сотрудником Института марксизма-ленинизма в Москве. Кроме того, им с женой предоставили государственную дачу в Кратове, под Москвой. Меркадер получал деньги от ЦК и от КГБ. В сумме это равнялось пенсии генерал-майора в отставке. Однако его отношения с КГБ оставались довольно напряженными в течение всех 60-х годов: он не переставал требовать сначала от Шелепина, а затем от Семичастного, чтобы Эйтингон и я были немедленно освобождены из тюрьмы. Он поднимал этот вопрос и перед Долорес Ибаррури, и перед Суловым. Старейший член Политбюро Сулов не был тронут этим заступничеством, более того, в гневном раздражении по поводу того, что Меркадер позволил себе обратиться лично к нему, заявил Меркадеру: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела».

Сначала Меркадер жил в гостинице «Ленинградская» возле Ленинградского вокзала, а затем получил четырехкомнатную квартиру без всякой обстановки недалеко от станции метро «Сокол». Из тех, кто когда-то был связан с Меркадером по работе, единственным не подвергшимся репрессиям оставался Василевский, хотя его и исключили из партии. Он вступился за Меркадера — и тому для его новой квартиры была предоставлена мебель. Жена Меркадера Рокелья Мендоса работала диктором в испанской редакции Московского радио. В 1963 году они усыновили двоих детей: мальчика Артура двенадцати лет и девочку Лауру шести месяцев. Их родители были друзьями Меркадера. Отец, участник гражданской войны в Испании, бежал после поражения республиканцев в Москву, а позднее, вернувшись на родину в качестве агента-нелегала, был схвачен франкистами и расстрелян. Мать умерла в Москве во время родов.

Меркадер был профессиональным революционером и гордился своей ролью в борьбе за коммунистические идеалы. Он не раскаивался в том, что убил Троцкого, и в разговоре со мной сказал:

— Если бы пришлось заново прожить сороковые годы, я сделал бы все, что сделал, но только не в сегодняшнем мире. Никому не дано выбирать время, в котором живешь.

В середине 70-х Меркадер уехал из Москвы на Кубу, где был советником у Кастро. Скончался он в 1978 году. Тело его было тайно доставлено в Москву. Вдова Мерка — дера пыталась связаться со мной, но в то время меня не было в Москве. На траурной церемонии присутствовал Эйтингон. Похоронили Меркадера на Кунцевском кладбище. Там он и покоится под именем Рамона Ивановича Лопеса, Героя Советского Союза.

Мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы несовместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение. Сталин да и мы не могли относиться к Троцкому в изгнании просто как к автору философских сочинений. Тот был активным врагом советского государства.

Жизнь показала, что подозрительность и ненависть Сталина и руководителей ВКП(б) к политическим перерожденцам и соперникам в борьбе за власть имели под собой реальную почву.

Решающий удар по КПСС и Советскому Союзу в 1990–1991 годах был нанесен именно группой бывших руководителей партии.



П.А.Судоплатов

Первоначальные узкокорыстные интересы борьбы за власть маскировали заимствованными у Троцкого лозунгами «борьбы с бюрократизмом и господством партаппарата». Смертельную угрозу для сохранения режима советской власти всегда таила в себе опасность раскола правящей партии.

Сын Троцкого, Лев Седов, носивший фамилию матери, находился под нашим постоянным наблюдением. Он являлся главным организатором троцкистского движения в Европе после того, как в 1933 году приехал в Париж из Турции. Мы располагали в Париже двумя независимыми друг от друга агентурными выходами на него. В одной ведущую роль играл Зборовский (подпольная кличка «Этьен», он же «Тюльпан»). О нем подробно написал Волкогонов. Другую возглавлял Серебрянский. Зборовский навел нас на след архивов Троцкого, а Серебрянский, используя полученную информацию, захватил эти архивы, спрятанные в Париже, и тайно доставил их в Москву. Он сделал это при помощи своего агента «Гарри», находившегося в Париже, и агента, работавшего во французской полиции.

В книге «Троцкий» Волкогонов утверждает, будто архивы были вывезены Зборовским, тогда как на самом деле тот даже понятия не имел, как была использована добытая им информация. Волкогонов также пишет, что Зборовский помог убить Седова, находившегося в то время во французской больнице. Сын Троцкого, как известно, действительно скончался в феврале 1938 года при весьма загадочных обстоятельствах, после операции аппендицита. Доподлинно известно лишь, что Седов умер в Париже, но ни в его досье, ни в материалах по троцкистскому интернационалу я не нашел никаких свидетельств, что это было убийство. Если бы Седова убили, то кто-то должен был бы получить правительственную награду или мог на нее претендовать. В то время, о котором идет речь, было много обвинений в адрес разведслужбы, которая якобы приписывала себе несуществующие лавры за устранение видных троцкистов, однако никаких подробностей или примеров при этом не приводилось. Принято считать, что Седов пал жертвой операции, проводившейся НКВД. Между тем Шпигельгауз, докладывая Ежову о кончине Седова в Париже, упомянул лишь о естественной причине его смерти. Ежов,

правда, комментировал сообщение словами: «Хорошая операция! Неплохо поработали, а?» Шпигельглаз не собирался спорить с наркомом, который постарался приписать заслугу «убийства» Седова своему ведомству и лично доложил об этом Сталину. Это способствовало тому, что НКВД стали считать ответственным за смерть Седова.

Когда мы с Эйтинггоном обсуждали у Берии план ликвидации Троцкого, об устранении его сына ни разу не упоминалось. Легко предположить, конечно, что Седов был убит, но лично я не склонен этому верить. И причина тут самая простая. Троцкий безоговорочно доверял сыну, поэтому за ним велось плотное наблюдение с нашей стороны, и это давало возможность получать информацию о планах троцкистов по засылке агентов и пропагандистских материалов в Советский Союз через Европу. Его уничтожение привело бы к потере нами контроля за информацией о троцкистских операциях в Европе.

После ликвидации Троцкого часть агентуры, завербованной Эйтинггоном, и другие привлеченные к его сети лица, действовавшие в Соединенных Штатах и Мексике, были законсервированы, и их использование могло быть осуществлено только с санкции Берии. Эта расширенная сеть агентуры впоследствии сыграла важную роль в выходе на круги ученых, работавших над американской атомной бомбой. Наши нелегалы с фальшивыми документами, не занимавшие никаких официальных должностей, обосновались в США еще в конце 20-х и начале 30-х годов. Их главной задачей было поступить на такую работу, где можно иметь доступ к научно-технической информации и военно-стратегическим перевозкам на случай войны с Японией.

Документы и отчеты по ликвидации Троцкого до сих пор хранятся в Президентском архиве и в личных архивах фондов Андропова и Берии. Часть этих бумаг вернули в разведку лишь в 1996 году.

В конце 20-х — начале 30-х годов Эйтингон и Серебрянский были посланы в Соединенные Штаты для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли нам пригодиться в военных и диверсионных операциях против Японии. К этому времени японцы успели захватить центральные и северные районы Китая и Маньчжурию, и мы опасались предстоявшей войны с Японией. Одновременно Эйтингон внедрил двух агентов для длительного

оседания — польских евреев, которых ему удалось привезти в США из Франции.

Эйтингон также должен был дать оценку потенциальным возможностям американских коммунистов в интересах нашей разведки. По его весьма дельному предложению, не следовало вербовать агентов из членов компартии, а имело смысл сконцентрировать внимание на тех, кто, не будучи в ее рядах, выражал сочувствие коммунистическим идеям.

Эйтингон действовал параллельно с Ахмеровым, который, несмотря на серьезные возражения Эйтингона, все-таки женился на племяннице Эрла Браудера, основателя американской компартии. Операции в Соединенных Штатах и создание там сети нелегалов не входили в число важнейших целей Кремля, поскольку в то время получение разведывательных данных из Нового Света не влияло на принимаемые Москвой решения. Эйтингон, однако, поручил нескольким своим агентам следить за американской политикой в отношении Китая. Ему, в частности, удалось найти журналистов из журнала «Аме-рэйша», которые впоследствии сформировали лобби, влиявшее на американскую линию дипломатии в Азии.

Одним из завербованных Эйтингоном агентов был весьма известный японский живописец Мияги, позднее вошедший в группу Рихарда Зорге в Японии. Эйтингон и мой хороший друг Иван Винаров (советник по разведке при Георгии Димитрове в 40-х годах) вступили в контакт с Зорге в Шанхае в конце 20-х годов. Информация Зорге рассматривалась как довольно ценная на протяжении всех 30-х годов, правда, с оговоркой, что и немцы, и японцы считают его двойным агентом. Наш агент «Друг» — политический советник Германии при штабе Чан Кайши — часто встречался с Зорге в 1939–1941 годах. Он отмечал его широкую осведомленность об обстановке на Дальнем Востоке, не догадываясь о работе Зорге на Разведуправление Красной Армии, и подчеркивал прочные, солидные связи Зорге с немецкой военной разведкой.

В 1932 году Эйтингон покинул Калифорнию и возвратился в Советский Союз через Шанхай. Его назначили заместителем Серебрянского, но они не сработались, и Эйтингон перешел на руководящую работу в Иностранный отдел ОГПУ.

В период обострения международной обстановки в канун вступления в войну Америки разведывательную работу по линии НКВД на Восточном побережье США возглавлял Хейфец. Ранее он работал в Коминтерне. Его отец являлся одним из организаторов американской компартии. Хейфец лично знал многих видных американских коммунистов. Учитывая коминтерновский опыт, его направили в начале 30-х годов на работу в разведку НКВД. Он организовал нелегальные группы в Германии и Италии в середине 30-х годов, выступая в роли индийского студента, обучающегося в Европе. На самом деле Хейфец был евреем, но из-за своей смуглой кожи выглядел как настоящий эмигрант из Азии, несмотря на голубые глаза. В Соединенных Штатах в левых кругах он был известен как господин Браун.

Находясь до этого в Италии, Хейфец познакомился с молодым Бруно Понтекорво, тогда студентом, учившимся в Риме. Хейфец рекомендовал Понтекорво связаться с Фредериком Жолио-Кюри, выдающимся французским физиком, близким к руководству компартии Франции. В дальнейшем именно Понтекорво стал тем каналом, через который к нам поступали американские атомные секреты от Энрико Ферми.

Хейфецу повезло: в 30-х годах он не был репрессирован. Его отозвали в Москву, и хотя в ноябре 1938 года Ежов дал указание об его аресте, оно не было выполнено. Вскоре Хейфеца направили в Соединенные Штаты, на Западное побережье, для активизации разведывательной работы.

Перед Хейфецом была поставлена задача установления прочных связей с агентурой «глубокого оседания», созданной Эйтингоном для использования в случае войны между Советским Союзом и Японией. Первоначальный план заключался в том, чтобы создать сеть нелегалов в американских портах по примеру Скандинавии для уничтожения судов со стратегическим сырьем и топливом для Японии. Не зная о японских намерениях атаковать Юго-Восточную Азию или Пёрл-Харбор, мы предполагали, что они сначала начнут военные действия против нас.

Помощнику Хейфеца в консульстве Сан-Франциско Лягину, инженеру, выпускнику Ленинградского судостроительного института, было дано специальное задание получить данные о технологических

новинках на предприятиях Западного побережья. Основная задача, поставленная перед ним, — сбор материалов по американским военно-морским судостроительным программам. Я помню одно из его донесений. В нем говорилось о большом интересе, который проявлялся американцами к программе строительства авианосцев. Лягину также удалось завербовать агента в Сан-Франциско, давшего нам описание устройств, разрабатывавшихся для защиты судов от магнитных мин.

Чтобы не вызывать подозрений, Лягин воздерживался от любых контактов с американскими прокоммунистическими кругами. Однако в Сан-Франциско он проработал недолго. Его отозвали в Москву и выдвинули на должность заместителя начальника закордонной разведки НКВД. Ему было всего тридцать два года. Во время немецкой оккупации он был послан нами в качестве резидента-нелегала на немецкую военно-морскую базу в Николаев на Черном море. Ему удалось провести ряд диверсий на базе. Гестапо в конце концов захватило его и радиста группы. Лягин отказался бежать из тюрьмы, так как не мог оставить арестованного вместе с ним раненого радиста. Они были расстреляны. В 1945 году ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Оставшемуся в Сан-Франциско Хейфецу удалось, получив ориентировку от Эйтингона, выйти на внедренных ранее двух агентов «глубокого оседания». Оба они вели обычную, неприметную жизнь рядовых американцев: один — зубного врача, другой — владельца предприятия розничной торговли. Оба были еврейскими эмигрантами из Польши. Врач-стоматолог, известный лично Серебрянскому, в свое время получил от нас деньги, чтобы окончить медицинский колледж во Франции и стать дипломированным специалистом. Оба этих человека были внедрены на случай, если бы их услуги понадобились нам, будь то через год или через десять лет. Потребность в них возникла в 1941–1942 годах, когда эти люди неожиданно оказались близки к коммунистически настроенным членам семьи Роберта Оппенгеймера — главного создателя американской атомной бомбы.

Жан ван Хейенорт: в лагере Троцкого

...28 декабря 1936 года я поднялся на борт «Императрицы Австралии» в Шербуре, направлявшейся в Нью-Йорк. Стояла зима, и большой корабль был почти пуст. На борту находилась группа американских студентов, которые возвращались домой после нескольких месяцев пребывания в Европе. Это был мой первый контакт с американской молодежью, и я почувствовал их жизнерадостность и непосредственность.

Я провел несколько дней в Нью-Йорке, где познакомился с некоторыми американскими троцкистами. В частности, я помню ужин в доме Джеймса Бернхэма, где на столе горели свечи, что меня несколько удивило. Я остановился в квартире Гарольда Айзекса. В начале января, в разгар снежной бури, я вылетел самолетом из Ньюарка в Мехико. Самолет пролетел не дальше Литл-Рока или Мемфиса, прежде чем ему пришлось приземлиться. Поскольку метель бушевала по всему Юго-Западу, я путешествовал по железной дороге через ледяные равнины. Наконец прибыв в Ларедо, я сел на самолет до Мехико, приземлившись там в полдень 11 января. Из аэропорта я взял такси до Койоакана. В голубом доме на Авенида Лондрес, который был окружен полицейскими, я встретил Троцкого и Наталью, которые прибыли из Тампико часом раньше. Я сообщил им все новости из Парижа.

Освобожденный наконец из норвежской клетки, Троцкий был в приподнятом настроении и стремился приступить к работе. Секретарская работа должна была быть организована как можно быстрее в новой стране с новым языком. Моей первой задачей было найти русскую машинистку. Одна очень компетентная, Рита Яковлевна, приступила к работе 16 января.



Жан ван Хейенорт

В то время шел второй московский процесс — над Радеком, Пятаковым, Мураловым, Сокольниковым и дюжиной других. Каждый день появлялись пресс-релизы, в которых сообщалось о сфабрикованных в Москве обвинениях, а Троцкий отвечал статьями, разоблачающими механизм мошенничества. Каждая статья должна была быть немедленно переведена на английский и испанский языки, а

затем распространена в международных новостных службах и мексиканских газетах.

Вечером я обошел редакции ежедневных газет Мехико, передавая им заявление Троцкого за день.

Одним из ложных обвинений на втором московском процессе было то, что Пятаков в декабре 1935 года летал в Норвегию для встречи с Троцким. Норвежские официальные лица сообщили, что в то время аэропорт Осло был закрыт из-за плохой погоды. 29 января Троцкий сказал мне: “Как ворон может спровоцировать лавину, история с самолетом Пятакова может стать началом падения Сталина”. 31 января, после расстрела Пятакова, Троцкий снова заметил мне: “Это будет стоить Сталину всего”. Его перспектива была на удивление короткой. Несомненно, он также думал о Сталине, когда в тот же день сказал мне: “Хитрость — это низкая форма интеллекта”.

Диего Ривера предложил Троцкому голубой дом на Авенида Лондрес в Койоакане. Ривера и Фрида Кало, его жена, жили в Сан-Анхеле, в двух или трех милях отсюда. Диего и Фрида были очень внимательны к Троцкому. Вскоре мы познакомились с наиболее активными членами мексиканской троцкистской группы, которые были в основном молодыми школьными учителями или рабочими. Двое или трое из них приходили каждый вечер, чтобы нести ночную охрану, чтобы я мог отдохнуть от дневной работы. Высокопоставленный мексиканский чиновник Антонио Идальго был посредником между мексиканским правительством и Троцким; он также быстро стал его личным другом. Он был честным человеком с большим характером, прошедшим через Гражданскую войну в Мексике. Троцкий и Наталья полюбили его. Что касается меня, то я бежал к нему в кабинет всякий раз, когда возникала проблема, которую нужно было уладить с каким-нибудь чиновником, и он всегда был готов помочь.

В начале февраля мы провели два или три дня с Идальго в загородном доме Бохоркеса, недалеко от Куэрнаваки. Бохоркес тоже был высокопоставленным мексиканским чиновником. Хотя он был другом Идальго, он был более сдержан по отношению к нам. Отношения между ним и Троцким были вежливыми, но не более того. Во время нашего пребывания на вилле Бохоркеса мы провели день на ранчо Мугики, которое находилось неподалеку. Официально Мугика

занимал должность министра связи и общественных работ, но на самом деле он был, пожалуй, самым близким другом и соратником президента Карденаса, который, будучи главой государства, никак не мог взять на себя обязательство встретиться с Троцким. Встреча с Мугикой должна была в некотором смысле заменить ее. Мугика был человеком большого ума. С высоким лбом и сверкающими глазами у него было определенное физическое сходство с Троцким, которое он, возможно, культивировал. Во время визита беседа была дружеской и оживленной. В нем речь шла о Мексике, ее экономических и социальных проблемах, но не выходила за рамки общих положений.

Американские троцкисты назначили встречу на 16 февраля в большом зале ипподрома в Нью-Йорке. Троцкий должен был говорить по телефону из Мексики как на русском, так и на английском языках. Ближе к вечеру Троцкого, Наталью и меня привели в небольшую комнату в здании телефонной компании в Мехико. В центре комнаты был установлен микрофон, и инженер дал Троцкому инструкции о том, как он должен говорить. Несколько раз в течение следующих нескольких часов проверялась связь с Нью-Йорком, и Троцкий приготовился выступить, но затем почти сразу же связь оборвалась. В конце концов, нам пришлось уйти.

В то время я еще не был знаком с мексиканской средой. Если бы у меня тогда был тот опыт, который я приобрел позже, возможно, можно было бы найти альтернативу. В Нью-Йорке Макс Шахтман достал из кармана английский текст речи Троцкого, присланный за несколько дней до этого в качестве меры предосторожности, который он зачитал собравшимся. В 1937 году телефонная связь, очевидно, не обладала тем качеством и надежностью, которые она имеет сегодня. Но, в конце концов, мы находились на самой телефонной станции, в окружении инженеров. У меня почти нет никаких сомнений в том, что сообщение было каким-то образом сорвано либо сталинскими агентами, либо властями Соединенных Штатов.

Ян Френкель прибыл из Чехословакии 19 февраля. Бернارد Вулф, член американской троцкистской группы, тоже поселился с нами. Он работал с англоязычной перепиской. Впервые за долгое время у Троцкого был такой секретарский штат.

Вскоре после своего прибытия в Мексику, Троцкий потребовал создания международной следственной комиссии, которая изучила бы

ложные обвинения, выдвинутые против него и его сына на московских процессах. План сделал большой шаг вперед, когда Джон Дьюи, американский философ, согласился стать членом комиссии и даже ее председателем. Помимо шести американцев, в комиссию входили француз (Альфред Росмер), два немца (Отто Рийле и Венделин Томас), итальянец (Карло Треска) и мексиканец (Франсиско Самора). Сюзанна Ла Фоллетт была чрезвычайно активна и прилежна в качестве секретаря комиссии.

В феврале в Мексику приехал американский писатель Уолдо Фрэнк. У него были личные связи со сталинистами в Соединенных Штатах и Латинской Америке, но московские процессы озадачили его. Он послал Троцкому письмо с просьбой об интервью, и Троцкий, прежде чем принять решение, попросил меня встретиться с Франком в городе, чтобы прощупать почву. Когда я встретил Фрэнка в вестибюле его отеля, первое, что он сказал, чтобы представиться, зная, что я француз, было: “Вы понимаете, я американский Андре Жид”. Он дважды посещал Троцкого; их беседы, хотя и оживленные, ни к чему не привели. Фрэнк получил приглашение от Дьюи из Нью-Йорка остаться в Мексике, чтобы принять участие в работе комиссии по расследованию, когда ее представители прибудут, но он нашел предлог, чтобы уклониться от ответа.



Л.Д.Троцкий в Мексике

В апреле в Мексику прибыла подкомиссия, чтобы заслушать показания Троцкого и допросить его. Слушания проходили 10–17 апреля в самой большой комнате дома на Авенида Лондрес. Там было около сорока мест для журналистов и приглашенных гостей, и все это вызывало большие проблемы с безопасностью.

Слушания подкомиссии означали долгие дни работы для тех, кто окружал Троцкого. Папки, которые прошли нетронутыми через Алма-Ату и Принкипо, были открыты впервые с тех пор, как они покинули Москву. Нужно было перерыть кучу документов, чтобы найти что-нибудь полезное. Десятки письменных показаний под присягой о явно ложных утверждениях, сделанных на судебных процессах, были собраны для комиссии по всему миру. Многие из этих письменных показаний исходили от лиц, которые стали политическими противниками Троцкого, так что для их получения потребовалось приложить немало усилий. Эти письменные показания должны были быть не только переведены, но и снабжены комментариями, чтобы их могла понять общественность и, в частности, члены комиссии. Бесчисленные мельчайшие детали должны были быть прояснены, объяснены, упорядочены. Излишне говорить, что во всей этой работе не было ничего фальсифицированного, ничего скрытого, ни одного пальца, нажатого на весы.

В течение нескольких недель мы жили в лихорадочной деятельности в доме в Койоакане. Каждое утро все собирались в кабинете Троцкого для распределения задач. Чувствовалось, что Троцкий снова стал тем организатором, каким он был в годы Революции.

Ян Франкель отвечал за отношения с членами комиссии и с многочисленными американскими троцкистами, которые приехали в Мексику. Таким образом, он провел в городе довольно много времени. Однажды Троцкий зашел в комнату Френкеля, чтобы попросить у него документ, но он еще не был готов. Троцкий вернулся в свой кабинет и захлопнул дверь. Это была застекленная дверь со множеством стекол, замазка которых давно размылась мексиканскими дождями. Под ударом стекла выпадали одно за другим, хрустальный звон каждого падения эхом разносился по всему дому.

О заседаниях Комиссии Дьюи мне нечего добавить, поскольку протоколы были опубликованы вместе со многими фотографиями. Ближе к концу сеансов, во время перерыва, Троцкий и Дьюи беседовали во внутреннем дворике дома. “Если бы все марксисты были такими, как вы, мистер Троцкий, я был бы марксистом”, — сказал Дьюи. На что Троцкий возразил: “Если бы все либералы были такими, как вы, мистер Дьюи, я был бы либералом”. Оживленность обмена мнениями была замечательной, но в нем также присутствовал элемент дипломатии. В то время Троцкий очень уважал решимость и характер Дьюи. Но когда несколько месяцев спустя Дьюи, объявив по радио вердикт комиссии, добавил несколько личных комментариев, критикующих большевизм, Троцкий пришел в ярость.

В ванной комнате дома, на стене над ванной, висела картина маслом, вероятно, написанная Фридой, когда она обставляла дом. Картина представляла собой испанскую обнаженную натуру девятнадцатого века, покрытую толстым слоем темного лака, наименее обнаженную обнаженную натуру, которую можно себе представить. Во время заседаний комиссии все — члены комиссии и журналисты — должны были пользоваться этой ванной, единственной в доме. За день до первого заседания Наталья по просьбе Троцкого убрала картину. Как только заседания заканчивались, картина появлялась снова. Этот незначительный инцидент указывает на крайнее недоверие Троцкого к журналистам и его решимость не оставлять себя уязвимым для клеветнических сплетен. Но в данном случае он зашел довольно далеко. Трудно представить себе американского репортера, даже самого недоброжелательного, делающего репортаж из этой дымчатой картины.

Фрида была человеком, замечательным своей красотой, характером и умом. В своих отношениях с Троцким она быстро приняла определенную свободу манер. Ее французский был плохим, но она хорошо говорила по-английски, поскольку довольно долго жила в Соединенных Штатах, пока Диего рисовал там фрески. Поэтому она обычно разговаривала с Троцким по-английски, и Наталья, которая вообще не могла говорить по-английски, оказалась исключенной из разговора. Фрида, не колеблясь, употребила слово “любовь” на американский манер. “Вся моя любовь”, — говорила она Троцкому, уходя. Троцкий, который, по-видимому, был увлечен Фридой, начал

писать ей письма. Он вкладывал письмо в книгу и отдавал ей книгу, часто в присутствии других людей, включая Наталью или Диего, с рекомендацией, чтобы Фрида прочитала ее. В то время я ничего не знал об этой маленькой игре; только позже Фрида рассказала мне эту историю.

Все это произошло через несколько недель после окончания заседаний Комиссии Дьюи. В конце июня ситуация стала такой, что близкие к Троцкому люди начали испытывать беспокойство. Наталья страдала. Что касается Диего, то он понятия не имел, что происходит. Поскольку он был болезненно ревнив, малейшее подозрение вызвало бы взрыв. Разразился бы скандал с серьезными политическими последствиями. Ян Френкель, насколько я помню, отважился поговорить с Троцким об опасностях, присущих сложившейся ситуации.

В начале июля, чтобы ослабить напряжение, которое нарастало между ними, Троцкий и Наталья решили некоторое время пожить порознь. 7 июля Троцкий переехал жить в гасиенду землевладельца Ландеро, который был знаком с Антонио Идальго и Диего. Его гасиенда находилась недалеко от Сан-Мигель-Реджа, примерно в девяносто милях к северо-востоку от Мехико, за Пачукой, где Троцкий мог ловить рыбу и кататься верхом. Его сопровождали Хесус Касас, лейтенант полиции, возглавлявший небольшой гарнизон, расквартированный на Авенида Лондрес, и Сиксто, один из двух шоферов Диего Риверы. Наталья осталась в Койоакане.

11 июля Фрида отправилась на встречу с Троцким на гасиенду. Я склонен полагать, что именно в конце этого визита Троцкий и Фрида решили положить конец своим любовным отношениям. До тех пор они позволяли себе скользить по скользкому пути флирта. Теперь, ввиду сложившихся обстоятельств, для них было невозможно идти дальше, не взяв на себя полную ответственность. Ставки были слишком высоки. Оба партнера отступили назад. Фрида все еще была очень привязана к Диего, а Троцкий — к Наталье. Более того, последствия скандала были бы серьезными и далеко идущими.

Наталья, узнавшая о поездке Фриды на гасиенду, написала Троцкому письмо с просьбой объяснить. Троцкий, который только что сделал то, что считал своим долгом, порвав с Фридой, ответил Наталье, что ее вопросы были “глупыми, жалкими, корыстными”. Но

он также назвал ее “своей жертвой” и заявил, что проливает слезы “от жалости, раскаяния и... мучений”. Так началась серия писем, которыми обменивались Троцкий и Наталья в течение трех недель их разлуки.

Порвав с Фридой, Троцкий почувствовал, что вся его нежность к Наталье возвращается, и письма, которые он тогда писал, являются доказательством его привязанности к ней. Но они также раскрывают, в контрапункте, более мрачный мотив, связанный с “мучением”. Используя знакомый психологический механизм, Троцкий, чтобы уменьшить свое чувство вины перед Натальей, начал упрекать ее в предполагаемой неверности. Возможно, он считал, что лучшая защита — это нападение.

Сначала эта тема была затронута довольно нерешительно: “Я пишу вам это со стыдом, с ненавистью к самому себе. Затем тон стал более резким. Троцкий задавал Наталье вопросы о ее отношениях с молодым помощником, с которым она работала в Народном комиссариате просвещения в самом начале большевистского правительства, то есть двадцатью годами ранее. Тогда помощник влюбился в Наталью, но она никак не отреагировала на его ухаживания. Самый сильный взрыв произошел не в письме, а по телефону, когда 21 июля Троцкий позвонил Наталье из Пачуки, чтобы дать волю своей ревности. Он кричал по-русски по неисправному мексиканскому телефону, ругая ее за фиктивную неверность, совершенную два десятилетия назад. Наталья была физически потрясена. “Мой маленький Леон мне не доверяет. Он потерял ко мне доверие... Это все твое самолюбие”, — написала она Троцкому сразу после звонка. После своей вспышки гнева по телефону Троцкий почувствовал облегчение и написал Наталье: “Я думаю, что успокоился. В любом случае, я могу подождать, пока мы снова не встретимся.

Этот приступ ревности, по-видимому, не был единичным случаем. Сам Троцкий говорит в своих письмах о “рецидиве”, и он, казалось, рассматривал свои “мучения” как своего рода лихорадку, приступы которой будут периодически повторяться. Когда он впервые встретил Наталью в Париже в 1903 году, у нее был любовник, и она испытывала некоторые колебания перед тем, чтобы уйти от него. После смерти

Троцкого она призналась подруге: “Он так и не простил меня. Это всегда всплывало снова и снова”.

В эти июльские недели 1937 года Наталья непреднамеренно нанесла серьезный удар Троцкому. 18 июля она написала ему: “Каждый в глубине души ужасно одинок”. Это замечание, как она сама отметила, было довольно банальным, но Троцкий был потрясен им. Он написал ей: “Это предложение стало ударом ножа в мое сердце”. Есть две возможные причины его реакции, одна конкретная, а другая общая. Во-первых, это предложение выдавало чувство изоляции со стороны Натальи. Во-вторых, это нарушало концепцию Троцкого о человеке-коммунисте.

Наконец, письма, которыми обменивались Троцкий и Наталья, показывают, что в разгар их эмоциональных мучений вспыхнуло сексуальное желание. 19 июля Троцкий доложил Наталье о состоянии своего пениса, используя популярное русское слово, и самым грубым языком описал подробности сексуальной игры, в которую он мечтал вступить с ней.

Троцкий вернулся в Койоакан 26 или 27 июля. 17 июля я лег во французскую больницу в Мехико с приступом аппендицита, так что, вероятно, меня не было дома на Авенида Лондрес, когда Троцкий вернулся, или, если и был, я был прикован к своей постели. Жизнь в доме вошла в привычное русло. Для стороннего наблюдателя отношения между этими четверьмя людьми — Троцким, Натальей, Диего и Фридой — были отмечены лишь незначительными изменениями. Между Троцким и Фридой установилась дистанция; слово “любовь” больше не звучало. Пожалуй, наиболее заметной разницей было отношение Натальи к Фриде, которое чередовалось между периодами холодности и внезапными проявлениями привязанности. Троцкий попросил Фриду вернуть ему письма, которые он написал ей, объяснив: “Они могут попасть в руки ГПУ”. Она вернула их ему, и он, по-видимому, уничтожил их. Именно в это время Фрида рассказала мне о том, что произошло.

Любовная связь Троцкого с Фридой была, я уверен, первым приключением такого рода, в которое он ввязался с тех пор, как покинул Россию. В Турции, Франции и Норвегии обстоятельства не позволяли таких увлечений. Вскоре после своего романа с Фридой Троцкий вступил в любовную связь иного характера с другой молодой

женщиной, о которой я расскажу чуть позже. В свете того, что я видел в Мексике — в том, как Троцкий вел себя по отношению к Фриде и этой другой молодой женщине, и в смелости и легкости, с которыми он проводил эти предприятия — я склонен полагать, что за свою жизнь у него было несколько романов. В 1920 году, когда Клэр Шеридан лепила портретный бюст Троцкого в его кабинете в Кремле, в разговоре Троцкого с ней и в его общем отношении к ней присутствовал элемент флирта. Я также слышал, хотя и от человека, который никогда не знал Троцкого лично, что во время октябрьского восстания у Троцкого был роман с молодой белокурой англичанкой. Но я так никогда и не смог узнать никаких подробностей.

Бернард Вулф вернулся в Соединенные Штаты в августе. В конце сентября прибыл новый американец, Джозеф Хансен. В день его приезда или, возможно, на следующий день после него нам пришлось нанести визит семье Фернандес, которая жила в пригороде Мехико; трое их сыновей были членами мексиканской троцкистской группы. Все члены семьи испытывали большую привязанность к Троцкому и Наталье, и Троцкому нравилось их общество.

Итак, мы поехали, Джо за рулем, я рядом с ним на переднем сиденье, а Троцкий и Наталья сзади. Поскольку Джо не знал Мехико, я указывал ему, куда ехать. На каждом перекрестке я бы говорил “налево”, “Направо” или “Прямо”. На следующий день после этого визита нам по какой-то причине пришлось вернуться в дом Фернандес, хотя два визита за два дня были довольно необычными. Поскольку поездка была долгой и сложной, было немыслимо, чтобы Джо запомнил дорогу, поэтому, как и в предыдущий день, я его направлял. Когда мы вернулись в Койоакан, Троцкий попросил меня зайти к нему в кабинет. “Тебе не кажется, что нам следует отправить Джо обратно в Соединенные Штаты?” — спросил он. Я был удивлен. “Он никогда не научится!” — Воскликнул Троцкий. Я вступился за Джо, пытаюсь объяснить связанные с этим трудности. Не выказывая никаких признаков веры, Троцкий ответил: “Посмотрим!” Как оказалось, на самом деле, из всех американцев, живших в Койоакане, Джо был единственным, с кем Троцкий лучше всего ладил и к кому испытывал наибольшее уважение.

В конце октября уехал в США и Ян Френкель. В начале ноября Габи приехала из Франции с нашим сыном. Хотя она была членом

группы Молинье во Франции, находясь в Мексике, она согласилась не заниматься какой-либо политической деятельностью. Поселившись в Койоакане, она начала помогать Наталье по хозяйству, как и в Барбизоне.



Троцкий и Жан ван Хейенорт

Однажды, через несколько недель после приезда, Габи готовила обед на кухне вместе с Натальей и молодой мексиканской горничной. В то время испанский Натальи был плохим; на самом деле она почти не знала ни одного слова. Она давала понять себя жестами и отдельными словами, часто дергая служанку за руку, чтобы та что-то увидела. В это конкретное утро Габи почему-то подумала, что Наталья жестоко обращается с мексиканской горничной, и сказала ей об этом. У Габи была откровенная манера говорить, характерная для Бельвиля, района Парижа, где она прожила большую часть своей жизни. Кроме того, ее членство в группе Молинье внушило ей определенную враждебность к троцкистам, которая теперь выплеснулась наружу. Наконец, сейчас произошло то, что часто случается, когда два человека работают вместе на кухне: голоса стали громче. В этот момент Троцкий проходил мимо кухни по пути из своего кабинета в ванную. Он услышал гневные голоса, вошел в кухню, увидел сцену и закричал: “Я вызову полицию!” Хотя он не сделал ничего подобного, тем не менее были сказаны ужасные слова.

Во второй половине того же дня, когда я в одиночестве разбирал бумаги, ко мне пришел Троцкий. “Я не должен был этого говорить”, — признался он в смущенной, почти застенчивой манере. Это был единственный раз, когда я видела его таким смущенным. В любом случае Габи не могла оставаться в доме. Она вернулась во Францию вместе с нашим сыном через Нью-Йорк.

* * *

12 ноября 1937 года Троцкий попросил меня послать следующую телеграмму:

CHAUTEMPS PREMIER PARIS
ЧТО КАСАЕТСЯ УБИЙСТВА ИГНАЦА РЕЙССА КРАЖИ
МОИХ АРХИВОВ И ПОДОБНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Я
НАСТАИВАЮ НА НЕОБХОДИМОСТИ ДОПРОСА ПО КРАЙНЕЙ
МЕРЕ В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЯ ЖАКА ДЮКЛО ВИЦЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПАЛАТЫ ДЕПУТАТОВ СТАРОГО АГЕНТА ГПУ
ТРОЦКИЙ

Слово “старый”, очевидно, означало, что Троцкий знал о связи Дюкло с ГПУ, когда Троцкий еще был членом советского правительства; таким образом, он раскрывал государственную тайну. Телеграмма вызвала смятение в рядах троцкистов. Лева, в частности, считал, что его отец допустил ошибку, отправив ее.

* * *

Несколько раз в течение 1937 года мы получали письма от Навилла, в которых говорилось, что Андре Жид намеревается приехать в Мексику; однако каждый раз он откладывал свой отъезд. В ноябре план Жида, казалось, стал более определенным. Троцкий попытался преодолеть свои последние колебания. Некоторое время он подумывал о том, чтобы написать Жиду и рассказать ему, сколько Мексика может ему дать, но воздержался от этого, потому что, по его мнению, Жид может расценить такое письмо как попытку манипуляции. Продолжая менее прямолинейно, Троцкий написал черновик письма, которое начиналось словами “Дорогой учитель” и подробно описывало все, что могло побудить Жида приехать в Мексику. Письмо должны были подписать несколько мексиканских художников и писателей, среди них Диего Ривера, Сальвадор Ново и Карлос Пеллисер. Я не помню, было ли письмо на самом деле отправлено; но если и было, то это было бесполезно, потому что вскоре мы узнали, что Жид внезапно изменил свои планы и уехал в Африку.

Дом на Авенида Лондрес с его внутренним двориком, двумя внутренними двориками и хозяйственными постройками образовывал идеальный прямоугольник. Две противоположные стороны этого прямоугольника располагались на двух параллельных улицах — Авенида Лондрес и Авенида Берлин. Третья сторона примыкала к улице, перпендикулярной этим двум, Калле Альенде. Все окна, выходящие на эти три улицы, были заложены саманным кирпичом. Четвертая сторона участка образовывала границу с другим участком. Вдоль всей этой стороны тянулась высокая стена, что было скорее недостатком, чем преимуществом, потому что мы не могли наблюдать за тем, что происходило на другой стороне. Кроме того, стена находилась рядом со спальней Троцкого и Натальи. Эта планировка

была постоянным источником беспокойства для Диего Риверы и меня, и мы часто говорили об этом.

Беспокойство Троцкого лежало в другом направлении. К концу 1937 года кампания оскорблений и угроз, проводимая против него мексиканскими сталинистами, становилась все более и более жестокой. Троцкий предусмотрел возможность лобовой атаки на дом, предпринятой несколькими сотнями человек на углу Авенида Лондрес и Калле Альенде. Нападение может быть замаскировано под политическую демонстрацию и может закончиться покушением на его жизнь. Однажды он описал мне свой план обороны, который состоял в том, чтобы всегда иметь под рукой лестницу у подножия стены в крайнем углу из второго внутреннего двора, на Авенида Берлин. Этой улицей, которая в то время была покрыта травой, почти никогда не пользовались, а ночью она была плохо освещена, а может быть, и вовсе не освещалась. Со стороны было непонятно, что наша собственность простирается так далеко. В случае нападения Троцкий приставлял лестницу к стене, переправлялся один и незаметно и быстро шел к дому молодой мексиканки, которую мы знали, чтобы укрыться там. Женщина жила в своем собственном доме в нескольких кварталах от голубого дома. Перелезание через стену имело свои достоинства. На самом деле это был хитроумный план, который мне понравился. Некоторое время спустя Троцкий предложил мне провести репетицию. Вечером он приставлял свою лестницу к стене и шел к дому молодой женщины. Но тем временем я узнал от нее, что за последние два или три месяца Троцкий сделал ей четыре или пять прямых и настойчивых предложений, которые она просто проигнорировала, не поднимая шума. В частности, Троцкий раскрыл ей план лестницы и перспективу репетиции. Таким образом, все дело приобрело другой аспект. Такое сочетание мер безопасности с любовным приключением мне совсем не понравилось. Хотя я ничего не сказал Троцкому, он, возможно, заметил отсутствие у меня энтузиазма, потому что не настаивал на репетиции. Кроме того, вскоре ситуация приняла новый оборот.



Троцкий в Тампико, Мексика, 8 января 1938 г. Слева направо: Наталья Седова, Фрида Кало, Лев Троцкий, Макс Шахтман

Различные признаки, определенные приходы и уходы делали соседний дом все более и более подозрительным как для Диего Риверы, так и для меня. В доказательство своей великой щедрости Ривера решил купить его. Однако сделка займет несколько недель. Эти недели были опасными, потому что, если бы покушение на жизнь Троцкого действительно готовилось, агенты поспешили бы осуществить его, прежде чем потерять дом. План, который мы в конце концов приняли, состоял в том, чтобы Троцкий, пока мы не сможем вступить во владение соседним домом, пожил у Антонио Идальго в Ломас-де-Чапультепек, фешенебельном районе Мехико. Тем временем будет сделано все, чтобы скрыть отсутствие Троцкого в доме в Койоакане.

Итак, 13 февраля 1938 года Троцкий проскользнул в машину, которая была припаркована на заднем дворе, и лег на пол. Я сел за руль, и ворота открылись. Я промчался мимо будки полицейских, фамиллярно помахав им рукой, как всегда делал, когда в спешке уходил один. Затем Троцкий встал и сел на заднее сиденье, где и оставался до тех пор, пока мы не подъехали к дому Идальго.

Дом был очень уютным. Поскольку детей у Идальго и его жены не было, они уделяли все свое внимание Троцкому, который проводил время за чтением и письмом. Вернувшись в Койоакан, Наталья разложила подушки на кровати, имитируя тело Троцкого, как это сделала Александра Львовна тридцать пять лет назад, когда Троцкий бежал из Сибири. Слуг держали подальше от комнаты, и время от времени Наталья приносила из кухни чай для якобы больного Троцкого. Связь между Койоаканом и Чапультепеком осуществлялась либо через Идальго, либо через меня.

* * *

Такова была ситуация, когда 16 февраля пришло известие о смерти Левы. Из-за разницы во времени новости пришли в Койоакан в конце обеда. Это было передано нам по телефону, я думаю, одним из представителей крупного американского агентства печати. Джо Хансен и Рей Шпигель были со мной в доме. Мы решили ничего не говорить Наталье, не давать ей просматривать вечерние газеты и не подходить к телефону. Я немедленно отправился навестить Риверу в его доме в Сан-Анхеле. Находясь там, мы, возможно, имели телефонный разговор с кем-то в Париже, возможно, с Жераром Розенталем или Жаном Русом. Затем мы с Риверой уехали в Чапультепек.

Как только мы вошли в комнату, где находился Троцкий, Ривера выступил вперед и прямо сообщил ему новость. Троцкий, лицо которого посуровело, спросил: “Наталья знает?” На отрицательный ответ Риверы он ответил: “Я сам ей скажу!” Мы сразу же ушли. Я вел машину вместе с Риверой рядом со мной. Троцкий сидел сзади, напряженный и молчаливый. Прибыв в Койоакан, он сразу же заперся с Натальей в их комнате. Они снова уединились, как это было в Принкипо во время смерти Зины. Через приоткрытую дверь им подали

чай. 18 февраля в час дня Троцкий вручил мне несколько листов бумаги, исписанных от руки пометками на русском языке, которые он попросил меня перевести и распространить среди репортеров. В этих строках он просил провести расследование обстоятельств смерти его сына. Когда после нескольких дней заключения Троцкий снова появился в своем кабинете, он начал писать статью о Льве Седове (Леве). Незадолго до переезда в дом Идальго он закончил длинную статью “Их мораль и наша”, датированную 10 февраля 1938 года. После смерти Левы он изменил дату на 16 февраля и добавил постскрипtum.

Сразу после смерти Левы Жанна, которая очень привязалась к нему, написала Троцкому и Наталье письма, полные отчаяния. Троцкий послал ей утешительную телеграмму: “Да, маленькая Жанна, мы должны жить”. Но вскоре ситуация изменилась. На момент своей смерти Лева оставил много бумаг в своей квартире на улице Лакретель, и две или три недели спустя стало очевидно, что Жанна, которая принадлежала к группе Молинье, не была склонна передавать эти бумаги Троцкому через посредство Жерара Розенталя, адвоката Троцкого в Париже, который принадлежал к официальной французской троцкистской группе. Троцкий ошетинился от гнева. Он чувствовал, что бумаги принадлежат ему как с юридической, так и с моральной точки зрения. Он также думал, что Жанна играет с огнем, потому что французская полиция только искала предлог, чтобы сунуть нос в газеты, как и ГПУ. Он пришел в ярость. Началась череда ожесточенных и мучительных ссор. Тем временем Наталья поддерживала дружескую переписку с Жанной, и две убитые горем женщины продолжали обмениваться слезливыми письмами.

Примерно через шесть недель после смерти Левы, в конце марта или начале апреля, после обеда, когда Троцкий отдыхал после сиесты, я был в своей комнате. Это было время дня, когда Наталья часто приходила ко мне в комнату, чтобы поговорить о мелких проблемах в домашнем хозяйстве или просмотреть счета. Когда она вошла в комнату в этот день, она была очень взволнована. По ее щекам потекли слезы. Она закричала: “Ван, Ван, знаешь, что он мне сказал? ‘Ты с моими врагами!’” — И она повторила фразу по-русски, используя собственные слова Троцкого. Он сказал не “противники”, а “враги». ”А его враги в это время, начав с Жанны и Раймона Молинье, пошли

гораздо дальше. Это предложение, конечно, можно было бы истолковать так: “Вы ведете себя так, как если бы были на стороне моих врагов” или “Вы играете на руку моим врагам”. Но суровый факт остается фактом: через шесть недель после смерти Левы, когда Наталья все еще была подавлена горем, Троцкий разговаривал с ней в самых резких и жестоких выражениях, какие только были возможны.

* * *

Примерно в то же время мы узнали, что Андре Бретон приезжает в Мексику для проведения нескольких конференций по поручению МИД Франции. Троцкий попросил меня достать ему несколько книг Бретона, ни одну из которых он никогда не читал. Поскольку времени было мало, я решил написать в Нью-Йорк, а не в Париж. 9 апреля я отправил Гарольду Айзексу письмо с просьбой прислать нам все книги Бретона, которые он сможет найти в городе. В конце апреля прибыли «Манифест сюрреализма», «Надя», «Сообщающиеся сосуды» и еще одна или две. Я вырезал страницы из тех, которые были новыми, и принес книги Троцкому. Он сложил их стопкой в дальнем углу своего стола, где они пролежали несколько недель. У меня сложилось впечатление, что он пролистал их, но, конечно, не прочитал от начала до конца.

Как только Бретон и его жена Жаклин прибыли в Мехико, во второй половине апреля, я поехал навестить их в городе. Мы пообедали в типичном мексиканском ресторане. Бретон, казалось, был в восторге от пребывания в Мексике; для него все было чудом. Он был очень сердечен со мной. 29 апреля 1938 года я написал Пьеру Навиллю: “Бретон был здесь несколько дней, полный восхищения страной, картинами Диего, всеми прекрасными вещами в этой стране. С другой стороны, он переходит с банкетов на официальные приемы, его окружает множество людей.” Несколько дней спустя я отправился за Бретоном и Жаклин из Мехико и привез их в Койоакан. На этой первой встрече с Троцким и Натальей речь шла о работе комиссии по расследованию московских процессов в Париже, об отношении Жида и Мальро к этим процессам, отношении Мальро. Они обменялись новостями, но серьезных тем не затрагивали.

Поездка Бретона в Мексику вызвала гневную реакцию со стороны сталинистов. Сам Бретон говорил об их злобных заговорах в речи от 11 ноября 1938 года после своего возвращения в Париж. Первая конференция Бретона в Мексике должна была состояться во Дворце изящных искусств. Троцкий был обеспокоен тем, что банда мексиканских сталинистов вполне может сорвать встречу. Он попросил меня организовать отдельные силы безопасности. Я пришел к соглашению с членами мексиканской троцкистской группы, что они разместятся в нескольких стратегических точках, не привлекая внимания. Ничего предосудительного не произошло. Но тот факт, что Троцкий, не колеблясь, обратился к членам политической группы, чтобы гарантировать безопасность литературной конференции Бретона, показывает, на мой взгляд, степень его доброй воли по отношению к Бретону.

Однажды днем, во время одной из наших экскурсий с Бретоном и Жаклин, мы остановились в маленьком городке, чтобы посетить церковь недалеко от Пуэблы. Ни Риверы, ни Фриды с нами не было. Внутри церкви было низко и темно. Слева стена и колонны были покрыты рисунками, характерными для Мексики. Это маленькие металлические пластинки, иногда сделанные из старых консервных банок, на которых популярные художники нарисовали драматические сцены, как правило, серьезных несчастных случаев, от фатальных последствий которых тот, кто предлагает картину, был спасен божественным провидением. Подношение вешается в знак благодарности. Поскольку эти подношения продолжают накапливаться, некоторым из них уже более восьмидесяти лет. Это, на мой взгляд, самая замечательная форма популярного искусства в Мексике. Бретон был преисполнен восхищения. Настолько переполненный, что он начал незаметно прятать под куртку эти пластинки, взяв с полдюжины. Он не испытывал угрызений совести, поскольку это была церковь, и, возможно, даже считал свой поступок законным выражением антиклерикализма.

Троцкий был в ярости, как я сразу понял по его лицу. Это был не его антиклерикализм. Более того, ситуация таила в себе опасность для него. В Мексике все церковное имущество принадлежит государству. Если бы местным властям стало известно о краже, это вызвало бы скандал, за который ухватились бы сталинисты, тогда так яростно

стремившиеся скомпрометировать пребывание Троцкого в Мексике. Играя на мексиканском патриотизме, они могли бы обвинить Троцкого и его друзей в причинении ущерба мексиканскому историческому наследию. Последствия могли быть очень серьезными. Троцкий вышел из церкви, не сказав ни слова. Я должен признать, что в этом случае он проявил большое самообладание.

Вскоре после этого Троцкий начал настаивать на том, чтобы Бретон подготовил проект манифеста. Бретон, когда Троцкий дышал ему в затылок, чувствовал себя полностью парализованным, неспособным писать, что было вполне объяснимо. “У вас есть что мне показать?” — спрашивал Троцкий всякий раз, когда они встречались. По мере развития ситуации Троцкий взял на себя роль школьного учителя перед бретонцем, разыгрывающего упрямого ученика, который не выполнил домашнее задание. Хотя Бретон был сильно смущен, ситуация затянулась. Однажды в саду дома Диего Риверы он отвел меня в сторону и спросил: “Почему бы тебе не написать этот манифест?” Я отказался, не желая еще больше запутывать это дело.

В июне мы отправились в поездку в Гвадалахару. Диего Ривера уже был там, рисовал, и мы должны были присоединиться к нему. Мы ехали на двух машинах. В первой машине, которую вел, насколько я помню, Джо Хансен, были Троцкий и Наталья, сидевшие сзади, а рядом с водителем Бретон, которого Троцкий попросил поехать с ним, чтобы они могли поговорить. Я был во второй машине с Жаклин, кажется, Фридой, и американским или мексиканским водителем. Примерно через два часа езды, во время поездки, которая в то время занимала около восьми часов, первая машина остановилась. Мы тоже остановились, примерно в пятидесяти ярдах позади, и я подошел к первой машине, чтобы посмотреть, что происходит. Джо подошел ко мне со словами: “Старик зовет тебя”. Тем временем Бретон вышел из первой машины и направился ко второй. Когда мы проходили мимо, не говоря ни слова, он сделал жест недоуменного удивления. Я сел в первую машину, и мы тронулись в путь. Троцкий оставался сзади, прямой и молчаливый. Он не дал мне никаких объяснений того, что произошло.

Когда мы прибыли в Гвадалахару, мы отправились в отель, не вступая в контакт с группой Бретон-Ривера. Я был озадачен. Джо, который не знал французского, не мог следить за разговором между

Троцким и Бретоном, поэтому он не мог дать мне никакой информации. Наталья говорила об этом довольно туманно. Как только я устроился, первое, что Троцкий попросил меня сделать, это организовать встречу с Ороско, который тогда жил в Гвадалахаре. Ривера и Ороско были двумя самыми известными мексиканскими художниками того времени. Хотя они не были личными врагами, по характеру, вкусам, образу жизни и стилю живописи они находились на противоположных полюсах. Ороско был таким же измученным интровертом, как Ривера — сердечным экстравертом. Сам факт того, что они были двумя величайшими художниками в стране, неизбежно должен был вызвать соперничество между ними, и у них почти не было личных контактов. То, о чем просил меня Троцкий, было ясно; он хотел дистанцироваться от Ривера и Бретона.

Я пошел к Ороско, который принял меня в своей студии, и мы договорились о встрече. На следующий день Троцкий, Наталья и я навестили его. Беседа была приятной, но в ней, конечно, не было той оживленности и теплоты, которые обычно характеризовали беседы между Троцким и Риверой. Уходя, Троцкий сказал Наталье и мне: “Он Достоевский!” Тем временем Ривера и Бретон бродили по Гвадалахаре в поисках картин и старинных предметов.

Мы отправились обратно в Мехико, и Троцкий больше не видел Бретона. Гнев Троцкого по дороге в Гвадалахару был вызван тем, что Бретон упорно медлил с подготовкой проекта манифеста. Но, по-видимому, Троцкий восстановил самообладание и не хотел разрыва, потому что, как только все вернулись домой из Гвадалахары, отношения мало-помалу восстановились. Бретон никогда не рассказывал мне подробно, что произошло в машине, а я его не спрашивал.

В начале июля было решено провести несколько дней в Пацкуаро, в штате Мичоакан. Бретон, Жаклин и я уехали вперед, потому что я должен был найти подходящий отель для Троцкого, а Бретон и Жаклин хотели осмотреть сельскую местность. У Диего Риверы в его доме в Сан-Анхеле была большая коллекция статуэток доколумбовой эпохи из Чупикуаро, которые ему по несколько раз привозили крестьяне из штата Гуанахуато. Эти глиняные фигурки высотой около трех дюймов изображали обнаженных женщин, украшенных и чувственных. Их миндалевидные глаза и половые органы были

сделаны из маленьких кусочков добавленной глины. Бретон бурно восхищался этими дамами из Чупикуаро. Недалеко от Морелии Бретон спросил меня, не могли бы мы сделать крюк и попытаться найти какие-нибудь статуэтки в деревне. Нам пришлось бы импровизировать, потому что у нас не было точной информации, но мы пошли на риск. Когда мы ехали по грунтовой дороге в разгар сезона дождей, машина застряла. Мы обратились за помощью к нескольким крестьянам, и после больших усилий они смогли вытащить нас из неловкой ситуации. Мы отказались от нашего плана искать дам из Чупикуаро и вернулись на дорогу в Пацкуаро. Когда мы были в пути, Бретон заметил мне: “Если бы я был один, я бы просто оставил все там и продолжил путь пешком”. Это показалось мне странным. Куда бы он пошел посреди полей Мексики?

Оказавшись в Пацкуаро, мы прокатились на лодке по озеру и с наступлением темноты съели пескадо бьянко на маленьком острове Джаницио. Маленький городок Пацкуаро был тогда тихим и очаровательным. Прогуливаясь по его мощеным улочкам или по тихим площадям, можно было подумать, что это семнадцатый век. Отель, который мы выбрали, на самом деле представлял собой большой старый дом, примерно с десятью комнатами и садом, полным цветов. Примерно через два дня после того, как мы устроились, прибыл Троцкий с Натальей и Джо Хансеном и еще одним американцем. Диего Ривера и Фрида тоже прибыли. Были составлены планы. После дневных экскурсий должны были состояться вечерние беседы об искусстве и политике. Существовал даже план опубликовать эти беседы под названием “Беседы в Пацкуаро”, авторами которых были Бретон, Ривера и Троцкий. В первый вечер большую часть разговора вел Троцкий. Он развил тезис о том, что в коммунистическом обществе будущего искусство растворится в жизни. Больше не будет ни танцев, ни танцоров, но все будут двигаться гармонично. Картин больше не будет, но дома будут украшены. Обсуждение этого тезиса было отложено до следующего вечера, и Троцкий, по своему обыкновению, рано удалился. Я остался болтать с Бретоном в саду. “Тебе не кажется, что всегда найдутся люди, которые захотят нарисовать маленький квадратик холста?” — спросил он меня.

Обсуждение на следующий вечер так и не состоялось, потому что Бретон заболел лихорадкой и приступом афазии. Жаклин преданно

заботилась о нем. Мы были встревожены, но она успокоила нас, объяснив, что такое бывало и раньше.

10 июля группа школьных учителей из соседних деревень, узнав, что Троцкий находится в Пацкуаро, пришла поговорить с ним. Разговор был сосредоточен на задачах и проблемах школьного учителя в деревне. Троцкий сравнил Мексику с Россией. В конце беседы он сделал карандашом короткую заметку на русском языке по этой теме. Я перевел его на испанский, и текст был роздан посетителям для публикации в небольшой газете Vida, органе школьных учителей в Мичоакане. Вскоре после этого мы оставили Бретона на попечение Жаклин, а остальные домочадцы вернулись в Койоакан.

Через несколько дней Бретон и Жаклин появились снова. Бретон довольно быстро пришел в себя. Из тупика, в который превратился проект манифеста, наконец-то был найден выход. Если я правильно помню, Бретон сделал первый шаг. Он дал Троцкому несколько листов бумаги, исписанных его мелким почерком. Троцкий продиктовал несколько страниц на русском языке, чтобы объединить их с текстом Бретона. Я перевел страницы Троцкого на французский, а затем показал их Бретону. После еще одного разговора Троцкий взял все тексты, вырезал их, добавил несколько отрывков и склеил все в длинный свиток. Я напечатал полученный текст на французском языке, переведя русский язык Троцкого и сохранив прозу Бретона. Это был текст, по которому они пришли к окончательному соглашению. Тот, кто его прочтет, может по языку безошибочно распознать абзацы, написанные Троцким, и абзацы, написанные Бретоном. Троцкий написал чуть меньше половины текста, Бретон — чуть больше. Адресованный художникам манифест был опубликован за подписями Бретона и Риверы, хотя Ривера не принимал никакого участия в его написании. Манифест призывал к созданию Международной федерации независимых революционных художников (I.F.I.R.A.). Она была переведена на несколько языков и стала хорошо известна.

Последняя встреча между Троцким и Бретоном, незадолго до отъезда Бретона во Францию, была сердечной и теплой. Надвигалась война, и Бретон ожидал, что по прибытии во Францию его призовут в армию. Расставание произошло в конце июля 1938 года, на залитом солнцем внутреннем дворике голубого дома в Койоакане, среди кактусов, апельсиновых деревьев, бугенвиллий и идолов. Троцкий

пошел в свой кабинет и вернулся, неся совместную рукопись манифеста. Он отдал его Бретону, который был очень тронут. Со стороны Троцкого это был необычный жест, который я никогда не видел повторенным за все время, что я был с ним. Рукопись, должно быть, все еще находится в бумагах, оставленных Бретоном.

Вернувшись во Францию, Бретон, как мы и опасались, был призван в армию, но всего на несколько недель. 11 ноября 1938 года он произнес волнующую речь, описывающую его пребывание в Мексике. Говоря обо мне в этой речи, Бретон, между прочим, сказал, что я “очень беден”. Категории “бедных” и “богатых” не были теми, к которым я когда-либо думал причислить себя во время моей жизни с Троцким. Очевидно, в доме было мало денег, у меня не было того, что можно было бы назвать зарплатой, и о небольших личных расходах мы с Натальей позаботились самым простым способом. Но когда я принес напечатанный текст речи Бретона Троцкому в его кабинет, я был несколько смущен, опасаясь, что он подумает, что замечание Бретона было спровоцировано какой-то жалобой с моей стороны. Он ничего не сказал, я ничего не сказал, и между нами никогда не было никаких недоразумений на этот счет. Тем не менее замечание Бретона указывает на то, что сюрреалисты и троцкисты жили в разных мирах.

Визит Бретона не помешал революционной политике. В то время готовилась учредительная конференция Четвертого Интернационала. 18 июля мы получили известие о том, что Рудольф Клемент, который отвечал за всю административную работу Международного секретариата, исчез. Несколько дней спустя его обезглавленное тело было найдено плавающим в Сене. Через Зборовского ГПУ знало все о деятельности Клемента и нанесло удар, когда планы по созданию Четвертого Интернационала только зарождались. Конференция, тем не менее, состоялась в начале сентября, недалеко от Парижа.

Подобно Марксу, который, столкнувшись однажды с некоторыми неожиданными заявлениями своих учеников, сказал, что он не “марксист”, Троцкий иногда говорил, что он не “троцкист”. Фактически, он был убежденным “троцкистом”, если под троцкизмом понимать постоянную вовлеченность во внутренние проблемы различных троцкистских групп. Большую часть времени каждая из этих групп была разделена на две или три фракции. Борьба между фракциями, их союзы и их разрывы, будь то внутри группы или от

одной группы к другой, занимали Троцкого, который посвящал им много своего времени, энергии и терпения.

Постоянной причиной недовольства Троцкого этими группами был их плохой социальный состав: слишком много интеллектуалов, слишком мало рабочих. “Мелкобуржуазные” — таков был эпитет, который его перо постоянно присваивало отдельным лицам и группам. Единственными двумя троцкистскими группами, о которых я слышал, как он выражал безоговорочное восхищение, были группа Шарлеруа в Бельгии, состоящая из шахтеров-угольщиков, и группа железнодорожников из Миннеаполиса, США.

Восстановить детали всех этих внутренних боев в различных национальных секциях троцкистской организации было бы сложной и трудной задачей. Однако только подробное и фактическое исследование, которое задокументировало бы конкретные условия каждой ситуации, позволило бы судить о решениях Троцкого в этих вопросах. В этой области слишком легко позволить себе поверхностные суждения. На первый взгляд, очевидный результат огромных усилий, которые Троцкий посвятил организационным вопросам, был довольно скудным. Например, Троцкий написал страницы и страницы, полные революционной страсти, посвященные Испании, но во время Гражданской войны троцкистская группа в Барселоне насчитывала едва ли более дюжины членов, и это были молодые люди без большого опыта. На момент смерти Троцкого троцкистские группы не так уж сильно отличались по размеру от различных оппозиционных групп, которые он обнаружил, когда покидал Россию. Немало выдающихся людей в то или иное время провозгласили себя троцкистами, только для того, чтобы впоследствии отойти от троцкистской организации. Но одной из причин нашей малочисленности, несомненно, были трудности тех ужасных лет. Сегодня нелегко снова оживить тридцатые годы для тех, кто их не знал. Сталинская клевета и преследования были повсеместны. Денег не хватало до такой степени, что сегодня трудно себе представить; из-за нехватки денег мы часто были бессильны перед лицом самых простых задач.

Несомненно, Троцкий уделял большую часть своего внимания развитию троцкизма во Франции. Через несколько месяцев после своего прибытия в Турцию он руководил созданием *La Verite*. С 1929

по 1931 год разногласия между Раймоном Молинье, Пьером Навиллем и Альфредом Росмером отнимали у него много времени. С 1935 года и до самой его смерти ссора с Раймоном Молинье становилась все более ожесточенной, пока не превратилась в кошмар. Во время июньских забастовок 1936 года он с ликованием писал: “Французская революция началась.” Но затем, после поражения французских рабочих и его собственного переезда в Мексику, Троцкий начал смотреть на проблемы троцкизма во Франции с определенного расстояния. Хотя он по-прежнему следил за тем, что происходило на французской политической сцене, а также внутри французской троцкистской группы, в нем уже не было той постоянной приверженностью, что и раньше.

В Койоакане новости о внутренней жизни французской троцкистской группы и, в частности, о функционировании ее руководства поступали к нам в основном через Жана Руса. Он довольно регулярно писал длинные письма, которые, хотя и предназначались Троцкому, были отправлены на мое имя. У Рауса был довольно плохой почерк, и Троцкий с трудом его расшифровывал, поэтому я перепечатывал его письма, а затем передавал машинописный текст Троцкому. Однажды, вероятно, в середине 1939 года, после того как пришло письмо от Рауса, я в нескольких словах изложил его суть Троцкому и добавил: “Я собираюсь напечатать его для вас”. Троцкий ответил: “Не нужно. У тебя есть другие дела”. Такое отношение было бы немыслимо несколькими годами ранее.

* * *

Профессор американского университета Хьюберт Херринг, организовывавший семинары в Мексике, один или два раза в год привозил в Койоакан группу примерно из тридцати человек. В рамках семинара Троцкий выступал с ними в течение часа или двух и отвечал на их вопросы. В обмен Херринг предоставил в распоряжение Троцкого дом, которым он владел в Таксо. Мы ездили туда каждые два-три месяца на неделю или около того. В первый раз мы сделали это вскоре после окончания сессий Комиссии Дьюи. В 1938 году, во время одного из наших последних пребываний в Таксо, мы взяли напрокат

несколько лошадей для экскурсии по холмам, окружающим город. В поездке нас сопровождали несколько американских троцкистов, в том числе несколько женщин, которые провели две или три недели в Мексике и приехали повидаться с Троцким. Всего там было более дюжины человек. Мы начали с прогулки, и казалось, что мы никогда не пойдем быстрее. Внезапно, не сказав ни слова, даже Наталье, Троцкий пришпорил свою лошадь, крикнув по-русски, и сорвался в галоп. Хотя я был далек от того, чтобы быть опытным наездником, я не смел колебаться, потому что не мог оставить Троцкого одного. Поэтому я пришпорил свою собственную лошадь и поскакал за ним, каким-то образом удерживаясь в седле, мой пистолет болтался у меня на боку. Причина, по которой я не был убит, несомненно, заключается в том, что у меня была хорошая, безопасная лошадь. Через некоторое время мы с Троцким оказались на дороге из Мексики в Таско, где продолжали скакать галопом, пока не достигли города. Троцкий редко делал что-то столь неожиданное, как это.

«День поминовения усопших» — популярный праздник в Мексике, и в тридцатые годы он отмечался еще более красочно, чем сегодня. В тот день праздничные толпы вышли на улицы с петардами и сочлененными картонными скелетами. Дети грызли отвратительные сладости — черепа из розового сахара, голени из зефира. Праздничным днем 2 ноября 1938 года Диего Ривера прибыл с визитом в дом в Койоакане. Озорной, как студент-искусствовед, который разыграл какую-то шалость, он принес Троцкому большой череп, сделанный из фиолетового сахара, на лбу которого белым сахаром было написано: “Сталин”. Троцкий ничего не сказал, ведя себя так, как будто этого объекта там не было. Как только Ривера ушел, он попросил меня уничтожить его.

Диего Ривера обладал некоторыми замечательными качествами. Его живое воображение позволяло ему делать проницательные замечания о людях. Но именно в его отношении к людям наиболее ярко проявилась неустойчивая сторона его характера. Оценивая человека, он останавливался либо на одном, либо на другом из нескольких аспектов и, таким образом, в течение нескольких дней приходил к противоположным выводам об этом человеке. Таким образом, в его личных отношениях наблюдалась значительная переменчивость. Однажды утром, когда я завтракал с Риверой и

Фридой в их доме в Сан-Анхеле, пришла почта с письмом от американского писателя. Ривера только взглянул на имя отправителя, скомкал письмо, не открывая его, и швырнул его через всю комнату, крича: “Ах, свинья, он не осмелился занять откровенную позицию по судебным процессам!” Несколько дней спустя, приехав в дом Риверы, я застал его за дружеской беседой с отправителем письма, который специально написал, чтобы предупредить о его приезде. Такие внезапные повороты в личных отношениях происходили с Риверой постоянно.

Мексиканская троцкистская группа насчитывала от двадцати до тридцати активных членов. Несмотря на свою малочисленность, они были разделены на фракции, одна из которых была сосредоточена вокруг Октавио Фернандеса, другая — вокруг Галициа. Большую часть времени Ривера держался особняком. Он также был довольно особенным членом организации, поскольку другие члены были молодыми учителями или рабочими с крайне ограниченными финансовыми возможностями, в то время как Ривера был национальной легендой, продажа картин которой принесла ему большие суммы денег. В целом он обеспечивал финансовые потребности группы. Когда рассматривался какой-либо шаг, например, печать плаката или проведение собрания, он мог навязать свою волю другим, либо внося немедленный и щедрый вклад, если он был согласен, либо воздерживаясь, если ему не нравился проект. Такая ситуация неизбежно привела к напряженности внутри группы. Было бы гораздо лучше, если бы Ривера держался подальше от повседневной деятельности группы и ограничивался тем, что проявлял великодушное сочувствие. Но нет, он очень хотел принять участие во внутренней жизни организации.

Присутствие Троцкого в Мексике не упростило ситуацию. Все активные члены группы, к какой бы фракции они ни принадлежали, по очереди помогали нам стоять на страже ночью. Каждый вечер двое или трое приходили в дом, а утром уходили. Троцкий беседовал с ними, когда они прибыли, давая советы по фракционным боям. Члены группы постоянно испытывали давление вмешательства Троцкого в эти вопросы. Поскольку ситуация внутри организации была настолько хаотичной, Международный секретариат, а затем учредительной конференции Четвертого Интернационала пришлось принимать

решения о внутренних делах мексиканской секции. На учредительной конференции была принята резолюция, предписывающая реорганизовать мексиканскую секцию. В резолюции говорилось: “Что касается товарища Диего Риверы, Конференция также заявляет, что ввиду трудностей, возникших в прошлом в отношении этого товарища во внутренних отношениях мексиканской секции, он не будет членом восстановленной организации; но его работа и его деятельность в течение Четвертого Международной останется под прямым контролем над Международным секретариатом”. Ривера был не из тех людей, которые с благосклонностью принимают решения, принятые издалека и без его непосредственного участия. Такие эпизоды создавали атмосферу, в которой столкновения были неизбежны и часты.

Троцкий часто беседовал с Риверой о деятельности мексиканской группы. Советы, которые давал ему Троцкий, менялись с течением времени. К осени 1938 года Троцкий, вероятно, пришел к выводу, что Ривера должен держаться на расстоянии от повседневной деятельности группы. Но я не знаю точно, что сказал ему Троцкий, потому что я намеренно держался в стороне от всех их разговоров на эту тему. Во всяком случае, такой совет мог вызвать только раздражение у Риверы, который сам стремился стать политическим активистом.

Троцкизм Риверы также был несколько относительным. На протяжении всех моих отношений с ним он часто говорил: “Вы знаете, я немного анархист”. Он рассказывал истории, которые узнал в России, о том, что происходило за кулисами в первые годы Коммунистического Интернационала, и общий смысл этих историй заключался в том, что даже при Ленине происходили довольно неприятные вещи. Однако Троцкому он демонстрировал другую маску. В 1938 году он написал несколько статей о странах Латинской Америки, в которых с большим проникновением и блеском проанализировал их положение и роль “суббуржуазии”, как он их называл.

Каковы были чувства Троцкого к Ривере? Я могу дать лишь частичный ответ на этот вопрос. После злодеяний, совершенных норвежским правительством, Троцкий был благодарен Ривере за усилия, которые тот приложил для получения мексиканской визы. Ривера, хотя и был болен, предпринял длительную поездку по

Мексике, чтобы поговорить непосредственно с Карденасом, который в то время находился в турне. Троцкий также был благодарен ему за гостеприимство, которое Ривера оказал ему в голубом доме в Койоакане. Но это было еще не все. Из всех людей, которых я знал вокруг Троцкого с 1932 по 1939 год, Ривера был тем, с кем Троцкий беседовал с большой теплотой и непринужденностью. Действительно, были границы, которые никогда нельзя было переходить в разговоре с Троцким, но его встречи с Риверой были полны уверенности, естественности, непринужденности, которых я никогда не видел ни у кого другого. Троцкий также был рад, что всемирно известный художник присоединился к Четвертому Интернационалу. Однажды, когда в моих замечаниях, возможно, проявился скептицизм по поводу политической стабильности Риверы, Троцкий сказал мне не без упрека: “Диего, знаешь ли, революционер!” Но в то время Троцкий, возможно, уже пытался развеять некоторые из своих собственных опасений.

Неловкость между Троцким и Риверой, с ее перекрестными течениями политических и личных факторов, начала формироваться в октябре 1938 года, через некоторое время после возвращения Бретона во Францию. В дополнение ко всем другим причинам разногласий, одной из основных причин, возможно, был тот факт, подписи Риверы под манифестом “Бретона-Ривера”, в который он не написал ни строчки. Но мы не всегда знаем, что происходит в сердцах людей. Еще одной причиной недоумения стал отъезд Фриды во Францию по приглашению Бретона и Жаклин, чтобы провести там несколько месяцев. Ривера не мог не почувствовать возникающий в результате дисбаланс в своей жизни.

В течение следующих недель Ривера колебался между двумя противоположными взглядами. Однажды он захотел стать секретарем мексиканской троцкистской группы, хотя он был наименее подходящим человеком в мире, чтобы работать секретарем чего бы то ни было. На следующий день он говорил об уходе из группы и даже из Четвертого Интернационала, чтобы посвятить себя исключительно живописи. В середине декабря Троцкий поехал к нему в Сан-Анхель. В конце встречи Ривера согласился больше не говорить об отставке, и оба собеседника расстались, по-видимому, в хороших отношениях.

Инцидентом, вызвавшим взрыв, стало письмо Риверы Бретону в конце декабря. Когда ему нужно было написать письмо на французском, Ривера просил меня помочь. Он диктовал мне письмо, а я печатал его на машинке. По этому случаю он позвонил мне и попросил приехать к нему домой в Сан-Анхель, чтобы он мог написать письмо Бретону. Вскоре после того, как он начал диктовать, он сформулировал фразу, выражающую критику “методов” Троцкого. Я перестал писать. “Пиши! Пиши! Я сам покажу письмо Л.Д.”, — настаивал Ривера. Я должен был принять решение. С любым другим человеком я бы просто ушел. Но отношения между Троцким и Риверой были исключительными. Ривера был единственным человеком, который мог прийти в дом в любое время без предварительной договоренности, и Троцкий всегда принимал его тепло. С другими посетителями всегда присутствовал третий человек, чаще всего я. Но с Риверой была возможность ослабить тесную связь между мной и Троцким, против чего он иногда раздражался, поэтому я сознательно старался не вмешиваться в их разговоры. Отношения между Риверой и Троцким образовали своего рода привилегированный клуб, стоящий вне системы. Поэтому я принял заявление Риверы добросовестно, предпочитая, чтобы он объяснился непосредственно с Троцким без моего вмешательства.

После того, как Ривера закончил диктовать, и перед тем, как я ушел, он снова сказал мне, что он сам покажет письмо Троцкому. “Мы разберемся с этим”, — сказал он. Я вернулся в Койоакан и напечатал письмо, оставив копию на углу моего стола. Наталья часто приходила ко мне в комнату, обычно когда Троцкий спал, чтобы прочитать письма и документы, которые Троцкий продиктовал мне и которые я напечатал. Она сделала бы это независимо от того, был я в своей комнате или нет. В этот день она случайно зашла и нашла копию письма Риверы Бретону, которое она прочитала. Затем она отнесла его Троцкому, и таким образом произошел взрыв.

Недовольство Риверы “методами” Троцкого, как объясняется в письме, было сосредоточено на двух незначительных событиях недавнего времени. После публикации манифеста, подписанного Бретоном и Риверой, в Мексике была сформирована небольшая группа I.F.I.R.A., которая начала издавать журнал *Clave*. На одном из заседаний редакционной коллегии журнала секретарем был назначен

молодой мексиканец Хосе Феррелл. Ривера, присутствовавший на встрече, не высказал никаких возражений. Но в своем письме Бретону он назвал это назначение “дружеским и нежным” государственным переворотом, осуществленным Троцким. Вторым эпизодом было принятое в типографии в последнюю минуту решение, без ведома Троцкого, напечатать статью Риверы в качестве письма редактору. Ривера возложил ответственность за этот поступок на Троцкого.

Реакция Троцкого на письмо Риверы состояла в том, чтобы попросить его через меня написать новое письмо Бретону, которое исправило бы два искажения. Ривера заявил о своем согласии и назначил мне встречу, чтобы я продиктовал письмо. Однако в последний момент он отменил встречу. Он договорился о новой встрече и отменил и эту. Очевидно, он переживал эмоциональный кризис. Слова “дружелюбный и нежный” в его письме Бретону показывают, что он все еще был привязан к Троцкому.

С отказом Риверы написать новое письмо Бретону тон разногласий обострился. Троцкий и Ривера быстро прошли через последовательные стадии, которые при разрыве ведут от дружелюбия к враждебности. Больше никаких встреч между ними не было. Чарльз Кертисс, который был представителем в Мексике Панамериканского бюро Четвертого Интернационала, и я выступали в качестве посредников. 12 января Троцкий написал письмо Фриде в Париж, в котором изложил свою версию разрыва. Фрида, конечно же, осталась в лагере Риверы.

Чувствуя, что он больше не несет политической ответственности перед Троцким, Ривера начал серию схем с различными небольшими группами рабочего класса, политическими и профсоюзными, которые были более или менее враждебны троцкизму. Троцкий отреагировал бурно. Все мосты были сожжены.

В то время президентская избирательная кампания только начиналась. Согласно конституции Мексики, Карденас не мог снова баллотироваться, и ему даже не удалось убедить свою партию принять кандидата по его выбору. Скорее всего, армия и деловые интересы навязали ему кандидатуру Авилы Камачо, который впоследствии был избран. Мугика, друг и ближайший сотрудник Карденаса, решил выдвинуть свою собственную кандидатуру. По отношению к Камачо он стал кандидатом от оппозиции от левых сил. Третий кандидат,

генерал Алмазан, который не входил в правительственную партию, появился в качестве кандидата от оппозиции справа. Ситуация была настолько запутанной из-за того, что Камачо был навязан Карденасу, что многие сдрденисты проголосовали за Алмазана. В феврале Ривера принял активное участие в избирательной кампании Мугики. Троцкий назвал этот шаг политическим предательством. Когда Мугика позже снял свою кандидатуру, Ривера, по некоторым данным, поддержал Алмазана. Но к тому времени у нас уже не было никаких отношений с Риверой вообще.

После разрыва с Риверой Троцкий не мог оставаться в голубом доме в Койоакане. Но было нелегко сразу найти новый дом за умеренную арендную плату и удовлетворяющий ряду специфических условий. Еще в конце января Троцкий предложил Ривере через меня, что он будет платить ему арендную плату, пока я буду искать новое место. Ривера отказался, потом согласился, потом снова отказался. Все это добавило еще больше остроты заключительной фазе разрыва. Примерно в марте я нашел новый дом. Это было в Койоакане, и арендная плата была низкой, но помещения находились в плохом состоянии. На самом деле дом, который находился на Авенида Вьена, совсем рядом с тем, который мы собирались покинуть, в настоящее время не был заселен. Он принадлежал семье лавочников из Мехико, Турати, которые использовали его как загородное убежище. Владельцы были рады сдать его в аренду даже Троцкому. У него было много положительных черт: достаточно комнат, большой сад, высокие стены и окрестности, за которыми было легко наблюдать, потому что район еще не был застроен. Но ремонт был необходим, некоторые этажи даже обвалились. Она также должна была быть обставлена мебелью. За это взялся молодой мексиканский троцкист Мелькиадес с несколькими помощниками. Только в первый день мая мы смогли переехать с Авенида Лондрес на Авенида Вьена. Сам Троцкий переехал 5 мая. Покидая голубой дом, он положил на свой теперь пустой стол два или три маленьких предмета — подарки Риверы и Фриды в лучшие дни, в частности, он оставил ручку, подаренную ему Фридой, которой он пользовался долгое время.

Меня часто спрашивали, какую роль в разрыве сыграл роман 1937 года между Троцким и Фридой. Многие спрашивающие с понимающим видом дали мне понять, что, по их мнению, это и было

истинной причиной. Я должен сказать, что, на первый взгляд, роль была нулевой. Фрида сказала мне, что Ривера ничего не знал о том, что произошло между ней и Троцким. Косвенным аргументом является то, что, если бы бывшие любовные отношения между Троцким и Фридой сыграли свою роль в разрыве, разрыв принял бы совсем другую форму, поскольку Ривера был болезненно ревнив. Из всего, что я знаю, складывается впечатление, что у Риверы не было никаких особых подозрений. Конечно, он вполне мог испытывать дискомфорт из-за интеллектуального превосходства Троцкого, но такие намеки на соперничество не исходили из точного знания о том, что произошло между Троцким и Фридой, или даже из слабых подозрений по этому поводу.

Через несколько лет после разрыва между Троцким и Риверой и долгое время после смерти Троцкого Ривера и Фрида развелись, а затем через несколько месяцев снова поженились. Этот супружеский кризис, возможно, был спровоцирован тем, что Ривера так или иначе узнал о прошлом. Его ревность была крайней, несмотря на то, что он сам обманывал Фриду при каждом удобном случае — или, возможно, из-за этого факта. Такое знание также объяснило бы его причудливую политическую эволюцию. Во время его разрыва с Троцким антитроцкистские тенденции Риверы приобрели анархистские и либеральные оттенки в поворот, но уж точно никогда не сталинский. На самом деле именно Ривера обвинил Троцкого в сталинизме. Его переход к сталинизму, который произошел спустя много времени после его разрыва с Троцким, возможно, был вызван взрывом ярости, когда он узнал, что произошло между Троцким и Фридой. Очевидно, что эти мысли являются чисто предположительными с моей стороны, поскольку меня тогда уже не было в Мексике, но они основаны на хорошо известных фактах, которые согласуются с моими глубокими знаниями о том, что произошло ранее.

* * *

В июне или июле 1939 года Троцкий попросил меня провести исследование в Национальной библиотеке Мехико и попытаться найти некоторые тексты о религиозных войнах XVI века и о конце Римской

империи. По его словам, эти две эпохи исторического перелома можно сравнить с нашей. Я до сих пор вижу сцену в его кабинете, когда он стоял рядом со мной. Я высказал несколько возражений, упомянув зверства религиозных войн, в ходе которых людей сбрасывали с башен на копья солдат, ожидавших внизу. Он бросил на меня взгляд, полный редкой печали, и сказал: “Ты увидишь”.

Да. Мне предстояло увидеть.

Работая в библиотеке, я нашел цитату из Тацита, который назвал Локусту, отравительницу, нанятую Нероном, *regni instrumentum*, “орудием правления”. Троцкий использовал эту цитату, касающуюся, я думаю, Ягоды. Отголосок этих озабоченностей Троцкого можно найти в последних статьях, написанных им во время полемики американской троцкистской группы, в которых он затрагивает тему социализма или варварства. Но у меня сложилось впечатление, что его мысли продвинулись дальше того, что он тогда был готов изложить на бумаге.

Одной из тем, которая часто всплывала в разговорах или даже в писаниях Троцкого, было обвинение в том, что “старикам” нельзя доверять и что следует полагаться на молодежь. В своей второй статье о капитуляции Раковского, написанной 27 марта 1934 года, он заявил: “Пусть шестидесятилетнего бойца заменят тремя двадцатилетними!” Однажды за обедом, кажется, в июне 1939 года, он начал пересчитывать по пальцам всех “старых”, которые покинули нас. Мы отбросили несколько имен, одно за другим: Трейнт, Раковский, Ван Оверстратен. Тогда я предложил довольно застенчиво, потому что не знал, как он отреагирует: “Росмер?” Он разогнул еще один палец и воскликнул: “Росмер!”

Альфред и Маргарита Росмер прибыли из Франции 8 августа 1939 года, привезя с собой Сиву. Это была первая встреча с 1929 года в Принкипо. Политический разрыв между Троцким и Росмером произошел в 1930 году, когда первый решил поддержать Раймона Молинье. За все время пребывания Троцкого и Натальи во Франции, с 1933 по 1935 год, между ними и Росмерами не было никаких контактов. И все же теперь Росмеры были тепло приняты. Они поселились в доме в Койоакане и ели вместе с нами. В беседе Троцкий и Росмер обсуждали политику, но в общих чертах. Существовала довольно четкая грань, которую они никогда не пересекали. Прошное

не упоминалось, и дела французской троцкистской группы не обсуждались.

Я помню один случай, который произошел в конце августа. Троцкий задумал создать специальный комитет Четвертого Интернационала, который носил бы почетный характер и состоял бы из хорошо известных лиц, даже если эти лица находились на периферии официальных троцкистских групп. Троцкий упомянул Чэнь Ту-Сю как возможного члена этого комитета. Он был известным китайским коммунистом, который стал троцкистом, но оставался довольно в стороне от фракционной борьбы, которая разделяла различные китайские троцкистские группы. Проект остался расплывчатым, и я не уверен, что о нем сохранились письменные следы. Однажды днем, после того как Троцкий вызвал меня в свой кабинет, чтобы рассказать о своем плане создания комитета, он добавил: “Не могли бы вы спросить Росмера, не хотел бы он стать членом комитета?” Я был удивлен этим вопросом, который на самом деле был экстраординарным. Троцкий и Росмер виделись по несколько раз в день, так что в третьем человеке не было необходимости. Они также принадлежали к одному поколению и имели общее прошлое, которое уходило далеко в прошлое, в то время как я принадлежал к другому поколению. Более того, Росмер не мог не понимать, что вопрос, исходящий от меня, был задан по просьбе Троцкого, и Троцкий, должно быть, знал, что Росмер это поймет. В конце концов я поговорил с Росмером о плане создания комитета, и он согласился стать его членом, хотя и не проявлял особого энтузиазма. Весь проект сошел на нет.

* * *

В сентябре 1939 года была объявлена война. Вместе с Троцким я услышал по радиоприемнику новость о первом торпедировании британского корабля немецкой подводной лодкой. Это было похоже на дежавю. Затем началась “странная война”. Я почувствовал в Троцком усталость от повторения катастрофы, которую он видел в 1914 году, но также и веру в то, что через несколько лет война приведет к социалистической революции.

В октябре имя Альберта Эйнштейна всплыло в разговоре между мной и Троцким, в котором Троцкий заметил: “По сути, он математик”. Это, конечно, было неверно, поскольку склад ума Эйнштейна был полностью складом ума физика. Какие бы математические инструменты ему ни были нужны, он брал уже разработанные из работ математиков. Замечание Троцкого было отголоском дискуссий, которые происходили в России около 1922 года, когда была предпринята попытка показать, что теории Эйнштейна никоим образом не представляют угрозы марксистскому материализму, потому что они каким-то образом были всего лишь математическими фикциями.

В октябре было принято решение о моем отъезде в Соединенные Штаты. Я столько лет прожил в тени Троцкого, что мне нужно было какое-то время побыть одному. Предполагалось, что я проведу несколько месяцев в Соединенных Штатах. А там видно будет.

Я покинул дом в Койоакане ранним утром 5 ноября. Накануне вечером у меня состоялся мой последний разговор с Троцким. Мы говорили о ситуации в американской троцкистской группе, которая переживала серьезный кризис. Группа была разделена на большинство, сосредоточенное вокруг Кэннона, и меньшинство, возглавляемое Шахтманом и Бернхемом. Троцкий опасался, что Кэннон, с которым он был политически связан, будет стремиться заменить обсуждение политических разногласий организационными мерами, тем самым ускоряя изгнание меньшинства.

“Кэннона нужно сдерживать в организационном плане и продвигать вперед в плане идеологическом”, — сказал он мне. Это было немного похоже на совет, который он попросил меня дать Раймону Молинье в августе 1933 года. В этом последнем разговоре Троцкий не дал мне никаких фактических “инструкций” для Нью-Йорка, которые мой статус новичка все равно не позволил бы мне применить. Он просто объяснил, как он видит ситуацию и в каком направлении я должен двигаться, в соответствии с моими способностями. Но к тому времени события уже опередили нас, и когда я приехал в Нью-Йорк, раскол был свершившимся фактом.

Что касается месяцев, прошедших между моим отъездом из Койоакана и убийством Троцкого, мне мало что можно добавить к тому, что уже опубликовано и хорошо известно. Я регулярно переписывался с Троцким, предоставляя ему информацию о том, что я обнаружил в американской троцкистской группе после раскола. Будущий убийца Рамон Меркадер по указанию ГПУ ухаживал в Париже за молодой американской троцкисткой Сильвией Агелофф и стал ее любовником. Она была хорошим выбором со стороны ГПУ, поскольку к ее сестре Рут Троцкий испытывал большую привязанность. Рут, которая была в Мексике во время слушаний в Комиссии Дьюи, очень помогла нам, переводя, печатая и разыскивая документы. Она не жила в этом доме, но в течение нескольких недель навещала нас почти ежедневно, чтобы разделить нашу жизнь и работу. У Троцкого остались о ней очень благоприятные воспоминания, так что ее сестра могла рассчитывать от него с Натальей только на добрый прием.

Вторым звеном в цепи обстоятельств, приведших убийцу в кабинет Троцкого, была роль Росмеров. Адольфо Самора, который в 1940 году был частым гостем в доме в Койоакане, сказал мне в 1972 году, что Росмеры, особенно Маргарита, были без ума от Рамона Меркадера. Они постоянно просили его о небольших услугах, которые он всегда был готов оказать. В Мехико и его пригородах, где транспорт затруднен, Меркадер в любое время мог приехать на своей машине, чтобы отвезти Росмеров в то или иное место. Они также совершали с ним экскурсии, такие как пикники в сельской местности, на которые часто приглашали Сиву. Поскольку Маргарита была очень близка с Натальей, это знакомство Меркадера с Росмерами не могло не дать ему определенной репутации в глазах Натальи и, следовательно, Троцкого.

Есть один момент, который все еще озадачивает меня: почему манера речи Меркадера не вызвала подозрений у Альфреда Росмера. Меркадер утверждал, что он бельгиец. Но, как показывают документы, сохранившиеся в мексиканских судах, его французский был пересыпан латиноамериканизмами. Французский бельгийца отличается от испанского. Росмер, будучи французом, досконально знал язык; он даже довольно хорошо владел пером. Так как же получилось, что он не почувствовал чего-то неправильного в речи Меркадера?



Троцкий при смерти

В августе 1940 года я был в Балтиморе, где преподавал французский язык. Утром 21-го числа, прогуливаясь, я прошел мимо стопки газет «Нью-Йорк таймс», сложенных на тротуаре, и случайно взглянул на заголовки. Вот оно, в середине первой полосы: “ТРОЦКИЙ, РАНЕННЫЙ ‘ДРУГОМ’ ДОМА, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО, УМИРАЕТ”. Некоторое время я бродил по улицам, потом стал ждать новостей по радио. Голос объявил: “Лев Троцкий умер сегодня в Мехико”. Тьма пришла.

Дуэль вторая: стратегическая игра

Павел Судоплатов: «Монастырь» и «Березино»



...После разгрома немцев под Сталинградом, в начале 1943 года, Москва ожила. Один за другим стали открываться театры. Это говорило о том, что на фронте произошел поворот к лучшему. Моя жена с маленькими детьми, Андреем и Анатолием, вернулась из Уфы, где была в эвакуации и работала преподавателем в Высшей школе НКВД. Временно мы поселились в гостинице «Москва», так как отопление в нашем доме не работало; через несколько месяцев въехали в небольшой — всего девять квартир — дом в переулке рядом с Лубянкой.

Наиболее крупными по значению радиоиграми были операции «Березино» и «Монастырь». Первоначально операция «Монастырь» разрабатывалась нашей группой и Секретно-политическим управлением НКВД, а затем с июля 1941 года в тесном взаимодействии с ГРУ. Целью операции «Монастырь» являлось наше проникновение в агентурную сеть абвера, действовавшую на территории Советского Союза. Для этого мы быстро создали прогерманскую антисоветскую организацию, ищущую контакты с германским верховным командованием. Несмотря на основательные чистки 20-х и 30-х годов, многие представители русской аристократии остались в живых; правда, все они были под наблюдением, а некоторые стали нашими важными осведомителями и агентами.

Анализируя материалы и состав агентуры, предоставленной в наше распоряжение контрразведкой НКВД, мы решили использовать в качестве приманки некоего Глебова, бывшего предводителя дворянского собрания Нижнего Новгорода. К тому времени Глебову было уже за семьдесят. Этот человек пользовался известностью в кругах бывшей аристократии: именно он приветствовал в Костроме в 1915 году царскую семью по случаю торжественного празднования 300-летия Дома Романовых. Жена Глебова была своим человеком при дворе последней российской императрицы Александры Федоровны. Словом, из всех оставшихся в живых представителей русской знати Глебов показался нам наилучшей кандидатурой. В июле 1941 года он, почти нищий, ютился в Новодевичьем монастыре.

Конечно, никаких даже самых элементарных азов разведывательной работы он не знал. Наш план состоял в том, чтобы Глебов и второй человек, также знатного рода (это был наш агент),

заручились доверием немцев. Наш агент — Александр Демьянов («Гейне») и его жена, тоже агент НКВД, посетили церковь Новодевичьего монастыря под предлогом получить благословение перед отправкой Александра на фронт в кавалерийскую часть. Большинство служителей монастыря были тайными осведомителями НКВД. Во время посещения церкви Демьянова познакомили с Глебовым. Между ними завязались сердечные отношения; Демьянов проявлял жадный интерес к истории России, а у Глебова была ностальгия по прошлым временам. Глебов дорожил обществом своего нового друга, а тот стал приводить на встречи с ним других людей, симпатизировавших Глебову и жаждавших с ним поближе познакомиться. Это были либо доверенные лица НКВД, либо оперативные сотрудники. Каждую из таких встреч организовывал Маклярский, лично руководивший агентом Демьяновым.

Александр Демьянов действительно принадлежал к знатному роду: его прадед Головатый был первым атаманом кубанского казачества, а отец, офицер царской армии, пал смертью храбрых в 1915 году. Дядя Демьянова, младший брат его отца, был начальником контрразведки белогвардейцев на Северном Кавказе. Схваченный чекистами, он скончался от тифа по пути в Москву. Мать Александра, выпускница Бестужевских курсов, признанная красавица в Санкт-Петербурге, пользовалась широкой известностью в аристократических кругах бывшей столицы. Она получила и отвергла несколько приглашений эмигрировать во Францию. Ее лично знал генерал Улагай, один из лидеров белогвардейской эмиграции, активно сотрудничавший с немцами с 1941 по 1945 год. Детство самого Александра было омрачено картинами террора — как белого, так и красного, — которые ему пришлось наблюдать во время гражданской войны, когда его дядя сражался под командованием Улагая.

После того как мать отказалась эмигрировать, они возвратились в Петроград, где Демьянов работал электриком: его исключили из Политехнического, куда он поступил, умолчав о своем прошлом (получить высшее техническое образование ему в то время было невозможно из-за непролетарского происхождения). В 1929 году ГПУ Ленинграда по доносу его друга Терновского арестовало Александра за незаконное хранение оружия и антисоветскую пропаганду. На самом деле пистолет был подброшен. В результате проведенной акции

Александр был принужден к негласному сотрудничеству с ГПУ. Благодаря происхождению его нацелили на разработку связей оставшихся в СССР дворян с зарубежной белой эмиграцией и пресечение терактов. Кстати, в 1927 году Александр был свидетелем взрыва Дома политпросвещения белыми террористами в Ленинграде. Александр стал работать на нас, используя семейные связи.

Вскоре его перевели в Москву, где он получил место инженера-электрика на Мосфильме. В ту пору культурная жизнь столицы сосредоточилась вокруг киностудии. Приятная внешность и благородные манеры позволили Демьянову легко войти в компанию киноактеров, писателей, драматургов и поэтов. Свою комнату в коммунальной квартире в центре Москвы он делил с одним актером МХАТа. Нам удалось устроить для него довольно редкую по тем временам вещь — отныне в Манеже у него была своя лошадь! Естественно, что это обстоятельство расширило его контакты с дипломатами. Александр дружил с известным советским режиссером Михаилом Роммом и другими видными деятелями культуры. НКВД позволял элитной группе художественной интеллигенции и представителям бывшей аристократии вести светский образ жизни, ни в чем их не ограничивая, но часть этих людей была завербована, а за остальными велось тщательное наблюдение, с тем чтобы использовать в будущем в случае надобности.



А.П.Демьянов

Демьянова «вели» Ильин и Маклярский. Он не использовался как мелкий осведомитель, в его задачу входило расширять круг знакомств среди иностранных дипломатов и журналистов — завсегда аев ипподрома и театральных премьер. Появление Демьянова в обществе актеров, писателей и режиссеров было столь естественным, что ему легко удавалось заводить нужные связи. Он никогда не скрывал своего

происхождения, и это можно было без труда проверить в эмигрантских кругах Парижа, Берлина и Белграда. В конце концов Демьяновым стали всерьез интересоваться сотрудники немецкого посольства и абвер.

В канун войны Александр сообщил, что сотрудник торгового представительства Германии в Москве как бы вскользь упомянул несколько фамилий людей, близких к семье Демьяновых до революции. Проинструктированный соответствующим образом Ильиным Демьянов не проявил к словам немца никакого интереса: речь шла о явной попытке начать его вербовку, а в этих случаях не следовало показывать излишнюю заинтересованность. Возможно, с этого момента он фигурировал в оперативных учетах немецкой разведки под каким-то кодовым именем. Позднее, как видно из воспоминаний Гелена, шефа разведки генштаба сухопутных войск, ему было присвоено имя «Макс».

Первый контакт немецкой разведкой в Москве коренным образом изменил его судьбу: отныне в его агентурном деле появилась специальная пометка, поставленная Маклярским. Это означало, что в случае войны с немцами Демьянов мог стать одной из главных фигур, которой заинтересуются немецкие спецслужбы. К началу войны агентурный стаж Александра насчитывал почти десять лет. Причем речь шла о серьезных контрразведывательных операциях, когда ему приходилось контактировать с людьми, не думавшими скрывать свои антисоветские убеждения. В самом начале войны Александр записался добровольцем в кавалерийскую часть, но ему была уготована другая судьба: он стал одним из наиболее ценных агентов, переданных в мое распоряжение для выполнения спецзаданий. В июле 1941 года Горлинский, начальник Секретно-политического управления НКВД, и я обратились к Берии за разрешением использовать Демьянова вместе с Глебовым для проведения в тылу противника операции «Монастырь». Для придания достоверности операции «Монастырь» в ней были задействованы поэт Садовский, скульптор Сидоров, которые в свое время учились в Германии и были известны немецким спецслужбам, их квартиры в Москве использовались для конспиративных связей.

Как я уже упоминал, наш замысел сводился к тому, чтобы создать активную прогерманскую подпольную организацию «Престол»,

которая могла бы предложить немецкому верховному командованию свою помощь при условии, что ее руководители получат соответствующие посты в новой антибольшевистской администрации на захваченной территории. Мы надеялись таким образом выявить немецких агентов и проникнуть в разведсеть немцев в Советском Союзе. Агентурные дела «Престол» и «Монастырь» быстро разбухали, превращаясь в многотомные. Несмотря на то что эти операции были инициированы и одобрены Берией, Меркуловым, Богданом Кобуловым и другими, впоследствии репрессированными высокопоставленными сотрудниками органов госбезопасности, они остаются классическим примером работы высокого уровня профессионализма, вошли в учебники и преподаются в спецшколах, разумеется, без ссылок на действительные имена задействованных в этой операции агентов и оперативных работников.

Радиоигра, планировавшаяся вначале как средство выявления лиц, сотрудничавших с немцами, фактически переросла в противостояние между НКВД и абвером.

После тщательной подготовки Демьянов («Гейне») перешел в декабре 1941 года линию фронта в качестве эмиссара антисоветской и пронемецкой организации «Престол». Немецкая фронтовая группа абвера отнеслась к перебежчику с явным недоверием. Больше всего немцев интересовало, как ему удалось пройти на лыжах по заминированному полю. Александр сам не подозревал об опасности и чудом уцелел. Его долго допрашивали, требовали сообщить о дислокации войск на линии фронта, затем инсценировали расстрел, чтобы заставить под страхом смерти признаться в сотрудничестве с советской разведкой. Ничего не добившись, Александра перевели в Смоленск. Там его допрашивали офицеры абвера из штаба «Валли». Недоверие стало постепенно рассеиваться. Демьянову поверили после того, как навели о нем справки в среде русской эмиграции, и убедились, что он не вовлекался до войны в разведывательные операции, проводившиеся ОГПУ — НКВД через русских эмигрантов. Немцам было известно, что русская эмиграция наспигована агентами НКВД, действовавшими весьма эффективно: многие эмигранты охотно сотрудничали с нами из патриотических соображений и чувства вины перед Родиной. Это позволяло сводить на нет все попытки белой эмиграции проводить теракты и организовывать диверсии. Кроме того,

выяснилось, что перед войной агенты абвера вступали с ним в контакт, разрабатывали его в качестве источника и в берлинском досье он фигурировал под кодовым именем «Макс». Абвер сделал ставку на «Макса».

Александр прошел курс обучения в школе абвера. Единственной трудностью для него было скрывать, что он умеет работать на радиистанции и знает шифровальное дело. Немцы были буквально в восторге, что завербовали столь способного агента. Это облегчало и нашу работу, так как он мог быть заброшен к нам в тыл без радиста.

Теперь немцы поставили перед Демьяновым («Максом») конкретные задачи: он должен был осесть в Москве и создать, используя свою организацию и связи, агентурную сеть с целью проникновения в штабы Красной Армии. В его задачи входила также организация диверсий на железных дорогах.

В феврале 1942 года немцы забросили «Макса» на парашюте на нашу территорию вместе с двумя помощниками. Время для этого они выбрали неудачное: в снежной буране все трое потеряли друг друга и добирались из-под Ярославля в Москву поодиночке. Александр связался с нами и быстро освоился с обязанностями резидента немецкой разведки. Оба помощника вскоре были арестованы. Немцы начали посылать курьеров для связи с «Максом». Большинство этих курьеров мы сделали двойными агентами, а некоторых арестовали. Всего мы задержали более пятидесяти агентов абвера, посланных на связь.

Александр как разведчик имел полную поддержку семьи, что было для нас большой удачей. Детали его разведывательной деятельности были известны его жене и тестю. Нарушая правила, мы пошли на это по простой и представлявшейся нам разумной причине. Заключалась она в следующем.

Его жена Татьяна Березанцова работала на Мосфильме ассистентом режиссера и пользовалась большим авторитетом среди деятелей кино и театра. Тесть, профессор Березанцов, считался в московских академических кругах медицинским богом и был ведущим консультантом в кремлевских клиниках. Ему, одному из немногих специалистов такого уровня, разрешили частную практику. Березанцова хорошо знали и в дипкорпусе, что было для нас очень важно. В то время ему было за пятьдесят, высокообразованный, он

прекрасно говорил на немецком (получил образование в Германии), французском и английском языках. Его квартира использовалась как явочная для подпольной организации «Престол», а позднее для контактов с немцами. НКВД понимал, что немцы легко могут проверить, кто проживает в этой квартире, и казалось естественным, что вся семья, корни которой уходили в прошлое царской России, может быть вовлечена в антисоветский заговор.

По моему предложению первая группа немецких агентов должна была оставаться на свободе в течение десяти дней, чтобы мы смогли проверить их явки и узнать, не имеют ли они связи еще с кем-то, кроме Александра («Макса»). Берия и Кобулов предупредили меня, что, если в Москве эта группа устроит диверсию или теракт, мне не сносить головы.

Жена Александра растворила спецтаблетки в чае и водке, угостила немецких агентов у себя на квартире, и, пока под действием снотворного они спали, наши эксперты успели обезвредить их ручные гранаты, боеприпасы и яды. Правда, часть боеприпасов имела дистанционное управление, но специалисты считали, что в общем эти агенты разоружены. Подобные операции на квартире Александра были весьма рискованным делом: «гости», как правило, отличались отменными физическими данными и несколько раз, несмотря на таблетки, неожиданно просыпались раньше времени.

Некоторым немецким курьерам, особенно выходцам из Прибалтики, мы позволяли возвратиться в штаб-квартиру абвера при условии, что они доложат об успешной деятельности немецкой агентурной сети в Москве.

В соответствии с разработанной нами легендой мы устроили Демьянова на должность младшего офицера связи в Генштаб Красной Армии. По мере того как мы разрабатывали фиктивные источники информации для немцев среди бывших офицеров царской армии, служивших у маршала Шапошникова, вся операция превращалась в важный канал дезинформации. Радиоигра с абвером становилась все интенсивнее. В середине 1942 года радиотехническое обеспечение игры было поручено Фишеру-Абелю.

Демьянову между тем удалось создать впечатление, что его группа произвела диверсию на железной дороге под Горьким. Чтобы подтвердить диверсионный акт и упрочить репутацию Александра, мы

организовали несколько сообщений в прессе о вредительстве на железнодорожном транспорте.

В немецких архивах операция «Монастырь» известна как «Дело агента «Макса»». В своих мемуарах «Служба» Гелен высоко оценивает роль агента «Макса» — главного источника стратегической военной информации о планах Советского Верховного Главнокомандования на протяжении наиболее трудных лет войны. Он даже упрекает командование вермахта за то, что оно проигнорировало своевременные сообщения, переданные «Максом» по радиопередатчику из Москвы, о контрнаступлении советских войск. Надо отдать должное американским спецслужбам: они не поверили Гелену и в ряде публикаций прямо указали, что немецкая разведка попалась на удочку НКВД. Гелен, однако, продолжал придерживаться своей точки зрения, согласно которой работа «Макса» являлась одним из наиболее впечатляющих примеров успешной деятельности абвера в годы войны.

Начальник разведки немецкой службы безопасности Вальтер Шелленберг в своих мемуарах утверждает, что ценная информация поступала от источника, близкого к Рокоссовскому. В то время «Макс» служил в штабе Рокоссовского офицером связи, а маршал командовал войсками Белорусского фронта. По словам Шелленберга, офицер из окружения Рокоссовского был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 30-х годах и сидел два года в тюрьме.

Престиж «Макса» в глазах руководства абвера был действительно высоким — он получил от немцев «Железный крест с мечами». Мы, в свою очередь, наградили его орденом Красной Звезды.

Жена Александра и ее отец за риск при выполнении важнейших заданий были награждены медалями «За боевые заслуги».

Из материалов немецких архивов известно, что командование вермахта совершило несколько роковых ошибок отчасти из-за того, что целиком полагалось на информацию абвера, полученную от источников из Советского Верховного Главнокомандования. Дезинформация, передаваемая «Гейне»-«Максом», готовилась в Оперативном управлении нашего Генштаба при участии одного из его руководителей, Штеменко, затем визировалась в Разведуправлении Генштаба и передавалась в НКВД, чтобы обеспечить ее получение убедительными обстоятельствами. По замыслу Штеменко, важные

операции Красной Армии действительно осуществлялись в 1942–1943 годах там, где их «предсказывал» для немцев «Гейне»-«Макс», но они имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Дезинформация порой имела стратегическое значение. Так, 4 ноября 1942 года «Гейне»-«Макс» сообщил, что Красная Армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью.

Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом погибли тысячи и тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал, что немцы были предупреждены о нашем наступлении на ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск.

Дезинформация «Гейне»-«Макса», как следует из воспоминаний Гелена, способствовала также тому, что немцы неоднократно переносили сроки наступления на Курской дуге, а это было на руку Красной Армии.

Часть информации, которая шла в Берлин, возвращалась к нам от немцев. Вот как это было. В 1942–1943 годах непродолжительное время, до своего разоблачения, с нами сотрудничал полковник Шмит, один из руководителей шифровальной службы абвера. Он передал нашим людям во Франции разведывательные материалы, полученные абвером из Москвы. Мы проанализировали их, и выяснилось, что это была наша же дезинформация, переданная «Гейне»-«Максом».

Одну из шифровок мы получали трижды. Первый раз — из Франции через Шмита в феврале 1943 года. Второй раз в марте 1943 года от Энтони Бланта (кембриджская группа), служившего в английской разведке: он сообщил нашему резиденту в Лондоне Горскому, что у немцев в Москве есть важный источник информации в военных кругах. Третий раз — англичане через миссию связи нашей разведки в Лондоне передали в апреле 1943 года это же сообщение, будто бы перехваченное английской разведкой в Германии. На самом деле англичане получили эту информацию с помощью дешифровальной машины «Enigma» и представили нам в сильно

урезанном виде, что ими практиковалось и в дальнейшем. Немецкое верховное командование использовало передававшуюся «Гейне» — «Максом» информацию для ориентации офицеров своих боевых частей на Балканах. Британская разведка перехватывала эти сообщения, посылавшиеся из Берлина на Балканы, так что мы в конце концов наши же данные получали от Бланта, Кэрнкросса и Филби. Это доказывало, что наша дезинформация работает. В Швейцарии британская спецслужба, как я уже упоминал, давала отредактированные тексты перехватов, дешифрованные с помощью «Enigma», своему агенту, поддерживавшему контакт с Рёсслером, который, в свою очередь, передавал эту информацию «Красной капелле», откуда она поступала и Центр. И так мы имели две версии, рожденные первоначально нашей дезинформацией, переданной «Максом».

В феврале 1943 года мы получили из Лондона модифицированную версию сообщения Демьянова в Берлин вместе с указанием, что германская разведка имеет в военных кругах Москвы свой источник информации. Позднее через нашего резидента в Лондоне Чичаева британская спецслужба предупредила нас: есть основания полагать, что у немцев в Москве важный источник, через который просачивается военная информация. Мы поняли, что речь идет об Александре.

Следует отметить, что операция «Монастырь» с участием «Гейне»-«Макса» была задумана как чисто контрразведывательная. Действительно, когда он вернулся в Москву в 1942 году в качестве резидента немецкой разведки, мы при его помощи захватили более 50 агентов противника. Однако позднее операция приняла характер стратегической дезинформационной радиоигры.

Помимо операции «Монастырь», наша служба во время войны вела примерно восемьдесят радиоигр дезинформационного характера с абвером и гестапо.

В 1942–1943 годах нам окончательно удалось захватить инициативу в радиоиграх с немецкой разведкой. Обусловлено это было тем, что мы внедрили надежных агентов в абверовские школы диверсантов-разведчиков, забрасываемых в наши тылы под Смоленском, на Украине и в Белоруссии. Наша удачная операция по перехвату диверсантов зафиксирована в литерном деле «Школа».

Перевербовав начальника паспортного бюро учебного центра в Катыни, мы получили установки более чем на 200 немецких агентов, заброшенных в наши тылы. Все они были либо обезврежены, либо их принудили к сотрудничеству. По этим материалам был поставлен большой многосерийный фильм по повести В. Ардаматского «"Сатурн" почти не виден».



«Гейне» за работой

В 1943 году «Наследник» мифического националистического центра в Узбекистане, пользовавшийся полным доверием гестапо, по нашему заданию сорвал крупные диверсии фашистов в Средней Азии.

В проведении этой важной работы большую роль сыграли оперативные работники 4-го управления Маклярский и Гарбуз. Последний перебросил через линию фронта для разложения «Туркестанского легиона» немцев этого крупного агента из семьи репрессированных в 1937 году руководителей Узбекистана.

В 1944 году операция «Монастырь» начала развиваться в новом направлении. Накануне летнего наступления Красной Армии в Белоруссии Сталин вызвал начальника Разведупра Кузнецова, начальника военной контрразведки СМЕРШ Абакумова, наркома госбезопасности Меркулова и меня. Настроение у меня было приподнятым: наша работа шла успешно, и месяц назад нас с Эйтингоном наградили орденами Суворова за боевые операции в немецком тылу. Как правило, эта высокая награда давалась только командирам фронтовых частей за выигранные сражения, и тот факт, что на сей раз ее вручили офицерам госбезопасности, говорил о многом. Вот почему на встречу я шел с чувством уверенности, да и Меркулов был в отличном расположении духа, как один из кураторов операции «Монастырь».

Однако Сталин принял нас весьма холодно. Он упрекнул за непонимание реальностей войны и спросил, как, на наш взгляд, можно использовать «Монастырь» и другие радиоигры для оказания помощи нашей армии в наступательных операциях, и предложил расширить рамки радиоигр, отметив, что старые приемы не подходят к новой обстановке. Кузнецов предложил подбросить новую информацию через «Гейне» — «Макса» о якобы планировавшемся наступлении на Украине. Я не был готов к такому повороту разговора и абсолютно ничего не знал о планах Советского Верховного Главнокомандования. К тому же я помнил совет маршала Шапошникова никогда не вступать в дела, находящиеся за пределами твоей компетенции. Вот почему я молчал, когда Абакумов возобновил попытки подчинить операцию «Монастырь» СМЕРШ, заявляя, что его аппарат имеет с Генштабом более тесные связи, чем НКВД.

Сталин вызвал генерала Штеменко, начальника оперативного управления Генштаба, и тот зачитал приказ, подготовленный еще до нашего разговора. В соответствии с приказом мы должны были ввести немецкое командование в заблуждение, создав впечатление активных действий в тылу Красной Армии остатков немецких войск, попавших в окружение в ходе нашего наступления. Замысел Сталина заключался в том, чтобы обманным путем заставить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и «помочь» им сделать серьезную

попытку прорвать окружение. Размах и смелость предполагавшейся операции произвели на нас большое впечатление. Я испытывал подъем и одновременно тревогу: новое задание выходило за рамки прежних радиоигр с целью дезинформации противника.

19 августа 1944 года генеральный штаб немецких сухопутных войск получил посланное абвером сообщение «Макса» о том, что соединение под командованием подполковника Шерхорна численностью в 2500 человек блокировано Красной Армией в районе реки Березины. Так началась операция «Березино» — продолжение операции «Монастырь».

Операцию «Березине» разработал начальник третьего отдела 4-го управления полковник Маклярский, я поддержал идею операции. Планировалась заманчивая радиоигра с немецким верховным командованием. О ее замысле во исполнение указания Ставки было доложено лично Сталину, Молотову, Берии. Санкция на проведение операции была получена.

Для непосредственного руководства этой операцией в Белоруссию на место событий выехали мой заместитель Эйтингон, Маклярский, Фишер, Серебрянский и Мордвинов.

В действительности группы Шерхорна в тылу Красной Армии не существовало. Немецкое соединение под командованием этого офицера численностью в 1500 человек, защищавшее переправу на реке Березине, было нами разгромлено и взято в плен. Эйтингон, Маклярский, Фишер, Мордвинов, Гудимович, Т. Иванова, Гарбуз при активном участии «Гейне»-«Макса» перевербовали Шерхорна и его радистов. В Белоруссию были отправлены бойцы и офицеры бригады особого назначения, вместе с ними прибыли немецкие антифашисты-коминтерновцы. В игре также участвовали немецкие военнопленные, завербованные советской разведкой. Таким образом, было создано впечатление о наличии реальной немецкой группировки в тылу Красной Армии. Так, с 19 августа 1944 года по 5 мая 1945 года мы провели самую, пожалуй, успешную радиоигру с немецким верховным командованием. Однако оперативные работники, участвовавшие в операции «Березино», не были награждены ни тогда, ни в последующие годы, ни к 50-летию Победы, хотя представлялись к награждению.

Немецкая служба безопасности и генеральный штаб германских сухопутных войск всерьез замыслили нарушить тыловые коммуникации Красной Армии, используя соединение Шерхорна. С этой целью Шерхорну в ответ на его просьбы о помощи были посланы специалисты по диверсиям и техника. При этом нам удалось захватить направленную на связь с Шерхорном группу боевиков-эсэсовцев.

Шерхорн посылал в Берлин отчеты о диверсиях в тылу Красной Армии, написанные Эйтингоном, Маклярским и Мордвиновым. «Макс» получил приказ из Берлина проверить достоверность сообщений Шерхорна о действиях в тылу Красной Армии — он их полностью подтвердил. Гитлер произвел Шерхорна в полковники и наградил «Рыцарским крестом», а Гудериан отправил личное поздравление. Шерхорну приказали прорваться через линию фронта и продвигаться в Польшу, а затем в Восточную Пруссию. Шерхорн потребовал, чтобы ему для обеспечения этой операции парашютом были сброшены польские проводники, сотрудничавшие с немцами. Берлин согласился, и в результате мы захватили польских агентов немецкой разведки. Гитлер, со своей стороны, планировал послать начальника службы спецопераций и диверсий Скорцени и его группу, но от этого плана немцам пришлось отказаться из-за ухудшения в апреле 1945 года военной ситуации на советско-германском фронте.



Подполковник Генрих Шерхорн

5 мая 1945 года, незадолго до завершения войны, командование вермахта и абвер в своей последней телеграмме рекомендовало Шерхорну действовать по обстоятельствам. «Максу» было приказано законсервировать источники информации и порвать контакты с немецкими офицерами и солдатами-окруженцами, которым грозило пленение, вернуться в Москву, затаиться и постараться сохранить свои связи. Шерхорна и его группу мы интернировали под Москвой, где они находились до тех пор, пока не были освобождены в начале 50-х годов.

Примечательно, что Гелен, возглавлявший после Канариса немецкую военную разведку, стремясь завоевать доверие американцев, предлагал «Макса» как надежного источника после войны. Однако разведка США отнеслась с недоверием к предложению Гелена.

Большая заслуга в проведении операций «Монастырь» и «Березино» принадлежит начальнику отделения Масся, который в 1945–1950 годах вместе с женой активно участвовал в разведывательной работе по атомной проблеме в США.

Особо также отличился В. Фишер — Р. Абель, под видом немецкого офицера лично встречавший на полевом аэродроме диверсантов Скорцени.

Нельзя не отметить большое содействие успешному проведению радиоигр «Монастырь» и «Березино» со стороны опытных и результативных работников военной контрразведки (СМЕРШ) Барышникова и Утехина.

У меня созрел план использовать Шерхорна для вербовки немецкого адмирала Редера, командующего военно-морскими силами, отстраненного Гитлером от исполнения своих обязанностей в 1943 году. Будучи в плену, Редер находился в Москве. Позднее, по его просьбе, в Москву приехала его жена. Казалось, он настроен на сотрудничество с нами — в обмен на обещание не предъявлять ему обвинения как военному преступнику на Нюрнбергском процессе, хотя британская сторона и настаивала на привлечении его к суду за операции немецких подводных лодок против Британского флота и безоружных торговых судов.

Я поселил его с женой у себя на даче, но вскоре убедился, что мой план воздействия на адмирала через Шерхорна нереален, поскольку они оказались несовместимы друг с другом. Более благотворно действовал на адмирала Серебрянский, который был на моей даче под домашним арестом как «военнопленный» (он играл роль немецкого бизнесмена). Серебрянскому удалось убедить адмирала, чтобы он возобновил в Германии свои знакомства и связи. Редеру, помнится, очень нравились прогулки вдоль Москвы-реки на трофейном лимузине «хорьх» — именно такой был у него в Германии.

В конце 1945 года мы отправили Редера в Германию. Британская сторона продолжала настаивать на предании его суду как военного преступника. Насколько я помню, мы достигли соглашения с

англичанами и американцами по этому вопросу. Редер, несколько других высших офицеров немецких ВМС и еще группа офицеров были переданы союзникам в обмен на бывшего царского генерала Краснова, командовавшего в гражданскую войну казачьим войском, а во вторую мировую служившего в штабе вермахта, и советских офицеров, сражавшихся в армии Власова. Шерхорн был также возвращен в Германию, и мои связи с этими людьми прервались.

После войны мы сделали попытку вновь задействовать Александра Демьянова («Гейне»-«Макса»), на сей раз в Париже, но вскоре выяснилось, что там эмигрантские круги не проявили к нему никакого интереса, и он вместе с женой возвратился в Москву. Больше ни в каких разведывательных операциях ни он, ни его жена не участвовали. Демьянов работал впоследствии инженером-электриком в одном научно-исследовательском институте. Умер он в 1975 году от разрыва сердца, катаясь на лодке по Москве-реке. Ему было шестьдесят четыре года.

Отто Скорцени: окруженный отряд

...В августе меня срочно вызвали в главную ставку, где генерал-полковник Йодль представил мне двух офицеров Генерального штаба. Они сообщили, что вскоре после прорыва русскими центрального участка германского Восточного фронта в июне 1944 года фронтовой разведывательный отряд (одно из подразделений абвера, которые действовали в интересах конкретных армий) получил от русского агента, осуществлявшего дальнюю разведку с самого начала войны, радиogramму такого содержания: «В лесах севернее Минска находятся еще не сдавшиеся германские воинские части».^[1]

Эту информацию подтвердили и отдельные немецкие солдаты, пробившиеся к своим. Затем, перейдя линию фронта, во фронтовой разведывательный отряд явился сам агент, пояснивший свое сообщение. Речь шла о группировке численностью около двух тысяч человек, которой командовал подполковник Шерхорн. Агент смог даже уточнить координаты района, где действовала эта группировка. Фронтовой разведывательный отряд неоднократно пытался установить прямую связь с окруженными, но тщетно. Теперь и Верховное командование вермахта пожелало предпринять все возможное, чтобы разыскать группировку Шерхорна и помочь ей выйти к своим.



Отто Скорцени

— Есть ли у вас возможность осуществить подобную операцию? — спросил Йодль.

На этот вопрос я ответил положительно с чистой совестью, поскольку знал, что подходящие для такой операции солдаты и

офицеры из числа прибалтов с воодушевлением возьмутся за дело, чтобы помочь боевым товарищам, оказавшимся в беде.

Во Фридентале мы стали спешно разрабатывать план операции, получившей условное наименование «Вольный стрелок». Непосредственное его исполнение было поручено моей недавно созданной истребительной части «Восток». Суть плана вкратце сводилась к тому, чтобы создать четыре группы по пять человек. Каждая группа должна была состоять из двух немецких солдат истребительной части «Восток» и трех русских. Оснастить ее предполагалось переносным радиопередатчиком, пайком парашютиста на четыре недели, палаткой и прочими необходимыми предметами, а также русскими автоматами. Ведь с самого начала мы понимали, что осуществить подобную операцию возможно, только маскируясь под русских солдат.

Исходя из этого мы изготовили соответствующие документы и удостоверения. Необходимо было продумать каждую мелочь. Всем участникам операции пришлось привыкать мастерить себе самокрутки из махорки и хотя бы для показа иметь при себе необходимый запас сухарей из русского черного хлеба, а также консервов. Всех участников операции, как это было принято у русских военных, коротко остригли. Кроме того, за несколько дней до ее начала им запретили приводить свою одежду в порядок и бриться.

Две группы планировалось забросить восточнее Минска в районе городов Борисов и Червень с задачей обследовать область в западном направлении. Если найти группировку Шерхорна им бы не удалось, то они должны были попытаться пробиться к линии фронта и выйти к своим. Третью и четвертую группы по нашему плану надлежало выбросить возле городов Дзержинск и Вилейка, с тем чтобы они оттуда начали двигаться к Минску. В случае неудачи в поисках Шерхорна им также надлежало пробиваться к линии фронта.

Мы понимали, что наш план представлял собой лишь теоретические наброски. После приземления на русской территории группам предстояло действовать самостоятельно, полагаясь на чутье и исходя из обстановки. Большие надежды при этом возлагались на постоянную радиосвязь, по которой в случае необходимости можно было передать дальнейшие указания. По нашему плану после обнаружения группировки Шерхорна предстояло возвести временную

взлетно-посадочную полосу и самолетами партиями вывозить наших солдат из окружения.

Первая группа под командованием фельдфебеля П. была выброшена в конце августа. На место ее предстояло доставить He-111 из состава 200-й бомбардировочной эскадры, и мы ожидали сообщения о возвращении самолета с большим напряжением, поскольку ему предстояло преодолеть свыше пятисот километров над территорией противника. Линия фронта тогда проходила примерно по реке Висле, и при благоприятных погодных условиях одиночный полет был возможен только в ночное время. О сопровождении нашей машины истребителями не могло быть и речи.

Той же ночью нам сообщили, что все прошло благополучно и группа выброшена в точно заданном месте. Однако утром фронтовой разведывательный отряд получил от нее радиограмму следующего содержания: «Приземлились неудачно. Собираемся в группу под пулеметным обстрелом противника...» На этом радиосвязь оборвалась. Возможно, солдатам пришлось бросить радиопередатчик и спастись бегством. Днем и ночью наш радист сидел за рацией в ожидании возобновления связи, но напрасно. Группа под командованием П. о себе знать не давала.

«Плохое начало!» — подумал я.

В начале сентября была выброшена вторая группа под командованием оберфенриха Ш. Экипаж самолета также доложил о том, что все прошло гладко. Однако прошло четверо суток, но группа как в воду канула.

«Что могло произойти?» — ломали мы голову и не находили ответа.

Наконец ночью на шестые сутки наш радист на свой позывной получил отклик. Кодовое слово группы совпадало. Был передан также условный тайный знак, свидетельствовавший о том, что передача велась не под контролем противника. Но самое главное заключалось не в этом — в радиограмме сообщалось, что группировка Шерхорна действительно существует и она найдена!

На следующую ночь подполковник Шерхорн передал нам по радио свою личную благодарность. Это были простые слова, которыми пользовались настоящие фронтовики, когда хотели поблагодарить другого товарища по оружию. Трудно описать ту радость, которую мы

ощутили, — труды наших людей не оказались напрасными и на деле показали, на что способна настоящая боевая выручка.

Той же ночью была выброшена и третья группа. Однако от нее никаких сообщений не поступило. Проходили день за днем, но наш радист тщетно вызывал ее по радио, передавая позывные на условленной волне. Группа М. словно растворилась в необъятных просторах России.

Четвертая группа под командованием фельдфебеля Р. была задействована через день. В первые несколько суток она регулярно выходила на связь, доложив, что их приземление прошло удачно. Все члены группы держались вместе, однако двигаться в заданном направлении не могли, поскольку приходилось избегать русских патрулей. По дороге им встретились русские дезертиры, которые приняли их за своих. Судя по донесениям, население Белоруссии относилось к членам группы дружелюбно.

Все вроде бы шло хорошо, но на четвертый день связь с ней оборвалась, и нам так и не удалось передать фельдфебелю Р. координаты нахождения группы под командованием оберфенриха Ш. И вновь началось мучительное ожидание новостей. О ходе развития операции мне каждый день докладывал начальник штаба истребительных частей СС Адриан фон Фелькерзам, который принимал самое деятельное участие в разработке плана операции и был очень заинтересован в получении информации о судьбе своих земляков — прибалтийских немцев, задействованных в ней. И каждый раз я слышал одно и то же: «От первой, третьей и четвертой групп — никаких новостей».

Только через три недели нам позвонили из штаба корпуса, части которого действовали в районе бывшей литовской границы, и сообщили, что четвертая группа вернулась без потерь. Ее командир фельдфебель Р. рассказал много полезного, что весьма заинтересовало различные военные инстанции. Ведь он был одним из немногих немцев, которым удалось собственными глазами понаблюдать за происходящим в тылу русских войск.

Он поведал о том, насколько серьезными оказались намерения русского командования о ведении войны до победного конца. Для возведения оборонительных сооружений в интересах Красной армии оно привлекало не только женщин, но и детей. Фельдфебель Р.

доложил также, что при нехватке транспортных средств местное население буквально на руках катило бочки с горючим к линии фронта. Снаряды же на артиллерийские позиции передавались людьми из рук в руки по цепочкам, растянувшимся на многие километры. Нам действительно можно было у русских многому научиться!

Фельдфебель Р. набрался смелости и под видом русского лейтенанта зашел в офицерскую столовую, где его накормили обедом. Наверное, кто-нибудь удивится, что я употребил понятие «офицерская столовая» применительно к русским. В этой связи следует сказать, что в ходе войны они постепенно во многом возвращались к старым традициям, как, например, к широким офицерским погонам, которые были характерны для старой царской армии.

Благодаря прекрасному знанию языка фельдфебель Р. не вызвал у русских подозрений, а через несколько дней смог со своей группой перейти линию фронта и вернуться. Стоит ли говорить, что в дальнейшем он являлся одним из самых усердных помощников в вопросах снабжения группировки Шерхорна всем необходимым.

Между тем от окруженных поступили наиболее срочные пожелания. Прежде всего они просили прислать им врача и медикаменты. Первый доктор, спрыгнувший ночью с парашютом в месте, обозначенном слабыми световыми сигналами, при приземлении сломал себе обе ноги и, согласно полученному по радио сообщению, вскоре умер. Окруженные слезно запросили прислать им другого врача. Затем следовало наладить сброс с самолетов продуктов питания и боеприпасов для стрелкового оружия. Ведь вследствие перенесенных солдатами группировки Шерхорна лишений состояние их здоровья оказалось настолько слабым, что ни о каких передвижениях не могло быть и речи.

Вопросы обеспечения снабжения были возложены на 200-ю бомбардировочную эскадру люфтваффе, самолеты которой совершали соответствующие полеты с промежутками в одну или две ночи. Однако по радио мы получали сообщения о том, что большая часть груза сбрасывалась неточно и поэтому окруженные не могли им воспользоваться. Приходилось эти полеты повторять.

Со специалистами 200-й бомбардировочной эскадры мы разработали соответствующий план спасения окруженной группировки Шерхорна, который предусматривал сооружение

временной взлетно-посадочной полосы в районе тогдашнего расположения ее лагеря. С помощью самолетов планировалось вывезти в первую очередь больных и раненых, а затем постепенно и весь остальной личный состав. Время спасательной операции было определено на темные ночи конца октября.

Для руководства работами по возведению временной взлетно-посадочной полосы на парашюте к Шерхорну был сброшен соответствующий специалист. Однако эти работы русские вскоре обнаружили и стали наносить по данному месту авиационные удары. В результате строительство стало невозможным, и нам пришлось разрабатывать другой план, который, в свою очередь, одобрил и Шерхорн.

Согласно новому плану группировке Шерхорна предстояло выдвинуться примерно на двести пятьдесят километров в северном направлении в озерный край, располагавшийся на бывшей русско-литовской границе в районе города Динабург. По опыту эти озера в начале декабря должны были замерзнуть, тогда их ледовая поверхность могла послужить в качестве взлетно-посадочной полосы.

[\[2\]](#)

Для того чтобы облегчить совершение марша по неприятельским тылам, Шерхорн разбил свою группировку на две группы. Южную должен был вести сам Шерхорн, а передовую группу северной — возглавить наш оберфенрих Ш. Однако для осуществления марша группировку следовало снабдить теплым обмундированием и многими необходимыми мелочами. Учитывая численность группировки в две тысячи человек, их оказалось не так уж и мало. Кроме того, для обеспечения непрерывной связи на марше между растянувшимися колоннами к Шерхорну сбросили на парашютах девять радиостанций с обслуживающим персоналом из числа русских добровольцев. Особенно меня порадовало то обстоятельство, что мы могли поздравить оберфенриха Ш. с присвоением ему воинского звания лейтенант и награждением его Рыцарским крестом Железного креста. Соответствующие документы и сама награда были ему сброшены на парашюте. Мое поздравительное сообщение, отправленное по радио, на той стороне подтвердили с большой радостью.

В ноябре 1944 года группировка Шерхорна двумя колоннами выдвинулась на марш, причем больных и раненых везли на телегах.

Марш проходил не так быстро, как мы планировали, и в сутки им удавалось пройти не более восьми-двенадцати километров. Несколько раз пришлось на целый день даже делать остановку на отдых, так что средний темп продвижения за неделю составлял от тридцати до сорока километров. По радио мы периодически получали сообщения о стычках с русскими патрулями и о новых убитых и раненых. Все среди нас, кто знал Россию не понаслышке, иллюзий не питали, хорошо понимая, что шансы на возвращение группировки Шерхорна на родину были ничтожно малы.

Полеты наших самолетов, занимавшихся снабжением группировки Шерхорна, становились все короче, однако поиск подходящих мест для приемки сбрасываемого на парашютах груза — все труднее. Для этого по радио сообщались уточненные точки по координатной сетке и опознавательные световые сигналы на земле, которые подавались в строго назначенное время. Хотелось бы знать, какая часть сбрасываемого нами груза попадала в руки прекрасно работавших русских органов безопасности?

Но не только это являлось предметом наших забот. Ко всему прочему лимит горючего, выделявшегося 200-й бомбардировочной эскадре для обеспечения полетов в наших интересах, из месяца в месяц сокращался. Время от времени мне, правда, удавалось выбить для операции «Вольный стрелок» дополнительные четыре-пять тонн бензина, но и это становилось делать все труднее. Как следствие этого, несмотря на срочные призывы о помощи, количество осуществлявшихся полетов приходилось сокращать. В такой ситуации мне казалось, что Шерхорн со своими боевыми товарищами в их отчаянном положении не мог понимать те трудности, с которыми мы сталкивались. Поэтому я старался в своих радиogramмах поддержать у них веру в нашу готовность прийти на помощь.



Отто Скорцени. Расположение парашютно-егерского отряда СС, февраль 1945 г.

В феврале 1945 года я сам командовал дивизией на Восточном фронте. Ежедневно мы отражали одну атаку за другой. Однако это не означало, что необходимость в проведении специальных операций истребительными частями СС уже отпала. Почти каждую ночь мы получали сообщения в рамках операции «Вольный стрелок», и с каждым разом они становились все безнадежнее.

«Пришлите! Помогите! Не забывайте нас!!!» — такие слова содержались в каждом тексте передаваемых ими радиogramм.

Но была и приятная новость — Шерхорн наткнулся на группу, которой командовал фельдфебель П. Это была та самая первая группа, не дававшая о себе знать на протяжении нескольких месяцев. Остальные же сообщения ничего хорошего в себе не несли и сильно действовали на мои нервы и нервы моих боевых товарищей. Теперь мы могли организовать в рамках операции «Вольный стрелок» только один полет в неделю. Соответственно, общий вес сбрасываемого груза постоянно уменьшался, и мне приходилось ломать себе голову над тем, как помочь Шерхорну.

«Где найти выход?» — думал я.

С конца февраля 1945 года нам вообще перестали выделять горючее, и со мной случался чуть ли не припадок бешенства при мысли о том, какое огромное количество бензина ежедневно попадает в руки союзников при их продвижении вперед, тогда как для нашей операции по спасению боевых товарищей из беды мы ничего получить не могли. На каждом аэродроме в Вартегау, которая теперь была занята русскими, находились сотни тонн авиационного бензина!^[3]

Между тем от лейтенанта Ш. тогда поступила радиogramма такого содержания: «Вышел со своей передовой группой в озерный край. Если нам срочно не сбросят продовольствия, то мы умрем с голоду. Когда вы сможете нас забрать?»

Его радиogramмы становились все короче и короче, а призывы о помощи все настоятельнее. А мы были бессильны. Наконец Ш. попросил выслать ему хотя бы немного бензина, который требовался для подзарядки аккумуляторов радиостанции.

«Я хочу хотя бы оставаться с вами на связи. Для нас это крайне важно!» — передал он.

Однако обстоятельства, складывавшиеся в ходе продолжавшейся войны, тупоумие отдельных немецких инстанций были сильнее, чем мы. О снабжении, не говоря уже о том, чтобы забрать наших солдат, не могло быть больше и речи.

Тем не менее, несмотря на продолжающееся отступление и постоянные перемещения, наши радисты каждую ночь сидели за радиопередатчиками, поддерживая связь с отдельными группами группировки Шерхорна. И каждый раз мы получали радиogramмы с призывами о помощи. Так продолжалось вплоть до 8 мая 1945 года. Тогда окончилась не только война, но и операция «Вольный стрелок».

Позднее, уже находясь в плену, я долгими ночами размышлял об этой операции, из которой не вернулся ни один из моих людей. Пропали также и все солдаты Шерхорна. Не осталось ни одного свидетеля, который мог бы поведать об их страданиях и конце самой группировки.

«А не могло ли все это явиться лишь игрой русской разведки, которая попросту водила нас за нос?» — думал я.

Конечно, мы предусмотрели страховку на данный случай. У каждого нашего радиста и командира группы имелось специальное кодовое слово, которое должно было быть вставлено в текст

радиограммы, чтобы показать нам, что они работают не под контролем. И это кодовое слово каждый раз мы обнаруживали в предписанном месте. Однако во время плена я настолько хорошо ознакомился с применявшимися союзниками методами допроса, что меня стали терзать сомнения. Эти методы оказались поистине мастерскими, а хитрости русским, как, впрочем, и их союзникам, было не занимать. Возможно, в будущем мне все же удастся решить эту загадку.

В конце августа 1944 года на Восточном фронте произошла новая катастрофа. Южную группу армий в Бессарабии и Румынии буквально смыло под стремительным напором продвигавшихся вперед советских частей. Миллионная германская армия просто исчезла, как после землетрясения, а русские дивизии стали беспрепятственно продвигаться вглубь территории Румынии. За их наступлением, насколько позволяли получаемые нами скудные и неточные сведения, мы следили по карте с нанесенной на ней обстановкой. Нас мучил вопрос: «Что станет с многочисленными немцами, проживавшими на территории этой страны?»^[4]

Внезапно из главной ставки фюрера пришел приказ, который гласил: «Немедленно приготовиться к операции в два эшелона. Самолеты для транспортировки подготовлены и стоят на летном поле. Задача — закрыть горные перевалы в Карпатах, произвести разведку в тылу противника, нарушить коммуникации русских и оказать помощь в эвакуации фольксдойче». Как всегда, приказ требовал все делать стремительно и чуть ли не мгновенно.

Лейтенант Г. показался мне наиболее подходящим человеком, которому можно было доверить проведение такой операции. Кроме опытных саперов и бойцов штурмовых групп в его подчинение мы выделили достаточно много солдат, владевших румынским языком. Снаряжение собиралось в большой спешке. На наше счастье, мы первым делом направили в район предполагаемой операции разведку, которая выяснила, что аэродром возле города Тимишоара вопреки имевшимся сведениям оказался захваченным русскими. А ведь именно там предписывалось сесть самолетам с нашими людьми на борту! Пришлось срочно перенацеливать высадку десанта на территорию, занятую корпусом Флепса.^[5]

Разделенному на четыре группы штурмовому отряду удалось пробиться к карпатским перевалам. В те дни говорить о наличии сколь-либо устойчивой линии обороны немецких войск уже не приходилось. Русские все продвигались и продвигались вперед. Однако на отдельных перевалах нам все же удалось помешать их ускоренному маршу и помочь нескольким группам отчаявшихся немцев.

Сам лейтенант Г., переодевшись в форму солдата румынской армии, возвращался обратно вместе с личным составом одной из групп через расположение русских частей. Он вместе со своими людьми играл роль восторженных румын, с букетом цветов встречавших русскую армию. Однако при попытке пробраться на передний край удача покинула его. Все они были раскрыты, избиты и почти догола раздеты. Затем их повели расстреливать на какой-то холм. В самый последний момент лейтенант Г. прыгнул вниз. Конвоиры начали стрелять и ранили его в правую ногу. Но, несмотря на это, ему удалось пробежать несколько километров, спрятаться в болоте, а ночью выйти к своим в районе города Тыргу-Муреш, где в срочном порядке была создана линия немецкой обороны. Благодаря его наблюдениям за передвижением войск противника германское командование своевременно вывело немецкий корпус из готовящегося русскими окружения.

Остальные три группы вернулись назад с минимальными потерями и весьма ценными сведениями о положении дел в тылу противника.

Вот такие операции были нам по душе. Трудно поверить, на что способна небольшая группа храбрых и уверенных в себе солдат. Однако тревожными явились другие наблюдения, сделанные во время данной операции. Одна из групп нашего отряда наткнулась в Румынии на немецкую часть ПВО численностью примерно две тысячи солдат, которые вместе со своими орудиями беспомощно стояли возле дороги в ожидании своего пленения. Триста из них добровольно присоединились к нашим людям, решившись вместе с ними пробиваться к своим. Все они целыми и невредимыми вышли к немецкой линии обороны. А вот судьба остальных так и осталась неизвестной.

Все это наводило на размышления. Неужели немецкий солдат-фронтовик совсем размяк? Неужели он потерял волю к самоутверждению и предал дело германской нации?

После некоторого раздумья мы пришли к выводу, что речь шла все же лишь об отдельных проявлениях панических настроений и страха перед русскими частями.

Дуэль третья. Битва за атом

Павел Судоплатов: слухи подтверждаются



...Еще в 1940 году советские ученые, узнав о ходивших в Западной Европе слухах о работе над сверхмощным оружием, предприняли первые шаги по выявлению возможности создания атомной бомбы. Однако они считали, что создание такого оружия возможно теоретически, но вряд ли осуществимо на практике в ближайшем будущем. Комиссия Академии наук по изучению проблем атомной энергии под председательством академика Хлопина, специалиста по радиохимии, тем не менее рекомендовала правительству и научным учреждениям отслеживать научные публикации западных специалистов по этой проблеме. Хотя правительство не выделило средств на атомные исследования, начальник отделения наудотехнической разведки НКВД Квасников направил ориентировку резидентурaм в Скaндинaвии, Германии, Англии и США, обязав собирать всю информацию по разработке «сверхоружия» — урановой бомбы.

Эта инициатива Квасникова связана с другими драматическими событиями, когда в Германии, США и Англии ученые-физики приступили к изучению возможностей создания ядерного оружия задолго до организации американским правительством спеццентра по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе.

Осенью 1939 года ведущие немецкие ученые-физики под руководством Э. Шумана (близкого родственника известного композитора) были объединены в «Урановое общество» при управлении армейских вооружений, куда, в частности, вошли Вернер Гейзенберг, Карл-Фридрих фон Вайцзекер, Пауль Гратек, Отто Ган, Вильгельм Грот и другие. Наудным центром атомных исследований стал Берлинский физический институт Общества кайзера Вильгельма, а его ректором назначили профессора Гейзенберга. К участию в наудных разработках были подключены физико-химические институты Гамбургского, Лейпцигского, Грейфсвальдского, Гейдельбергского и Ростокского университетов.

В течение двух лет группа Гейзенберга провела отпaвные теоретические исследования и эксперименты, необходимые для создания атомного реактора с использованием урана и тяжелой воды. Также было установлено, что взрывчатым веществом может служить изотоп урана-238 — уран-235, содержащийся в обычной урановой руде.

Намеченные исследования в Германии нуждались в достаточных запасах урана, получении тяжелой воды или чистого графита. Для лабораторных разработок хватало руды, поставляемой с месторождения в Яхимове из Чехословакии, но в дальнейшем урана требовалось значительно больше. Еще сложнее было положение с тяжелой водой. Однако вскоре проблемы разрешились. После оккупации Бельгии весной 1940 года на обогатительной фабрике концерна «Юнион миньер» немцы захватили около 1200 тонн уранового концентрата, что составило почти половину имеющегося мирового запаса урана (другая часть запаса в сентябре того же года была тайно переправлена из Конго в Нью-Йорк). С оккупацией Норвегии в руках у немецких руководителей атомного проекта оказался завод фирмы «Норск-гидро» в Рjukanе, вто время единственный в мире производитель и поставщик тяжелой воды (накануне оккупации 185 килограммов тяжелой воды были вывезены по запросу Жолио-Кюри в Париж, она же попадает в США).

В декабре 1940 года под руководством Гейзенберга завершилась постройка первого опытного реактора, а фирма «Ауэргезельшафт» освоила производство металлического урана в Ораниенбурге. Одновременно в секретных лабораториях «Сименса» начался поиск путей промышленной очистки графита для использования его в качестве замедлителя нейтронов в реакторе при отсутствии тяжелой воды, а также развернулось проектирование электроэнергетического обеспечения проекта.

Знаменательно, что почти в то же самое время решением Особого совещания НКВД в апреле 1940 года из СССР был выслан известный немецкий физик Ф. Хоутерманс. Он длительное время работал в физико-техническом институте в Харькове, в частности, с известнейшим физиком Ландау, занимался вопросами ядерной физики. Хоутерманс был арестован в декабре 1937 года «как подозрительный иностранец, прикидывавшийся беженцем-антифашистом». В защиту Хоутерманса выступили крупнейшие физики мира: Бор, Эйнштейн, Жолио-Кюри. Находясь в заключении, Хоутерманс дал согласие на сотрудничество с органами НКВД после своего возвращения в Германию. Это обстоятельство было чисто формальным. Хоутерманса, как сочувствовавшего коммунистам, немедленно арестовало гестапо.

Тем ни менее по ходатайству немецких физиков он вскоре был выпущен из тюрьмы и включился в научную работу в Германии.

Поворот в судьбе Хоутерманса привел, однако, к резкой активизации всех исследований по возможностям создания атомного оружия в США и Англии в 1941 году. Хоутерманс поручил своему доверенному лицу немецкому физiku Ф. Райхе, покинувшему Германию в 1941 году, проинформировать физиков о фактическом начале работ в фашистской Германии по созданию атомного оружия.

Резидент нашей разведки в Нью-Йорке Овакимян проинформировал нас в апреле 1941 года о встрече беженца из фашистской Германии с виднейшими физиками западного мира, находившимися в США, в ходе которой обсуждалось громадное потенциальное военное значение урановой проблемы. Однако накануне войны этим материалам не придавали существенного значения.

Большой успех в этом приоритетном направлении нашей разведывательной деятельности был достигнут после того, как мы направили в Вашингтон и качестве резидента Зарубина («Купер», «Максим») — под прикрытием должности секретаря посольства «Зубилина» — вместе с женой Лизой, ветераном разведки.

Сталин принял Зарубина 12 октября 1941 года накануне его отъезда в Вашингтон. Тогда немцы находились под Москвой. Сталин сказал Зарубину, что его главная задача в будущем году заключается в нашем политическом воздействии на США через агентуру влияния.

До этого времени разведывательная работа по сбору политической информации в Америке была минимальной, поскольку мы не имели конфликтных интересов с США в геополитической сфере. Но в начале войны Кремль был сильно озабочен поступившими из США данными, что американские правительственные круги рассматривают вопрос о возможности признания правительства Керенского как законной власти в России в случае поражения Советского Союза в войне с Германией, и советское руководство осознало важность и необходимость получения информации о намерениях американского правительства, так как участие США в войне против Гитлера приобретало большое значение.

Зарубин должен был создать масштабную и эффективную систему агентурной разведки не только для отслеживания событий, но и

воздействия на них. Однако поступившие в Центр за полтора года материалы разведки из Англии, США, Скандинавии и Германии по разработке атомного оружия кардинально изменили направление наших усилий.

Менее чем за месяц до отъезда Зарубина британский дипломат Маклин, наш проверенный агент из кембриджской группы, работавший в то время под псевдонимом «Лист», сообщил документированные данные, что английское правительство уделяет серьезное внимание разработке бомбы невероятной разрушительной силы, основанной на действии атомной энергии.

С 1939 года я был куратором разведывательных операций, связанных с использованием знаменитой кембриджской группы, в том числе разработок по Филби и Маклину. В июле 1939 года я принял решение о возобновлении связи с Маклином, Филби, Берджесом, Кэрнкроссом и Блантом, хотя они могли быть раскрыты Александром Орловым, бежавшим на Запад.

Когда Франция потерпела поражение в июне 1940 года, Маклин, работавший в английском посольстве во Франции, вернулся в Лондон в министерство иностранных дел. В Лондоне он действовал под оперативным руководством резидента Горского (один из его псевдонимов «Вадим»).

16 сентября 1941 года британский военный кабинет — так назывался кабинет министров во время войны — рассмотрел специальный доклад о создании в течение двух лет урановой бомбы. Проект по урановой бомбе получил название «Трубный сплав». На эти работы крупному британскому концерну «Империял кемикал индастриз» были ассигнованы громадные средства. Маклин передал нам шестидесятистраничный доклад британского военного кабинета с обсуждением этого проекта.

Другой наш источник — агент из «Империял кемикал индастриз» — сообщил, что руководство концерна рассматривает вопрос об атомной бомбе только в теоретическом плане. Одновременно нам стало известно, что Комитет начальников штабов Великобритании также принял решение о строительстве завода по созданию атомной бомбы. Наш резидент в Лондоне Горский срочно попросил Центр провести экспертизу направленных нам материалов.

Первоначально ученые дали по этим материалам отрицательное заключение. Поскольку наши ученые рассматривали вопрос об атомном оружии только как теоретическую возможность, мы не были удивлены тем, что информация по урановой бомбе носила противоречивый характер.

Наша разведывательная деятельность в США в то время была направлена на противодействие Германии и Японии. Хейфец, резидент в Сан-Франциско, пытался завербовать агентуру в США для последующего использования ее в Германии, но не добился существенных результатов, поскольку имел связи в основном в еврейских общинах американского тихоокеанского побережья.

В задачи Хейфеца и Зарубина входила нейтрализация антисоветской деятельности белой эмиграции в США, представленной такими фигурами, как Керенский, бывший премьер Временного правительства, и Чернов, лидер партии эсеров, высланный из России по указу Ленина в 1922 году.

Дело в том, что мы начали получать помощь по ленд-лизу, и было крайне важно создать в глазах американцев самое благоприятное впечатление о нашей стране, тем более что правительство Рузвельта очень болезненно реагировало на критику его связей с Советским Союзом, раздававшуюся в Конгрессе и на страницах газет. Мы стремились выявить, в какой мере эта критика инспирирована белой эмиграцией.

Однако все это отошло на второй план, когда Хейфец и наш оперативный работник Семенов сообщили, что американские власти намерены привлечь выдающихся ученых, в том числе лауреатов Нобелевской премии, к разработкам особо секретной проблемы, и на эти цели правительство выделяет двадцать процентов от общей суммы расходов на военно-технические исследования. Хейфец сообщил также, что связанный с нелегальной сетью компартии США видный физик Оппенгеймер и его коллеги покидают Калифорнию и уезжают на новое место для проведения работ по созданию атомной бомбы.

До февраля 1942 года я занимал должность заместителя начальника зарубежной разведки и помню эти сообщения. Они содержали исключительно важную информацию, которая способствовала изменению нашего скептического отношения к атомной проблеме.

Решение американцев выделить такие крупные суммы на атомный проект в этот опасный для союзников период войны убедило нас, что он имеет жизненно важное значение и может быть фактически выполнен.

Первая встреча Хейфеца и Оппенгеймера произошла в декабре 1941 года в Сан-Франциско на собрании по сбору пожертвований в помощь беженцам и ветеранам гражданской войны в Испании. Хейфец посетил это собрание в качестве советского вице-консула. Он хорошо говорил на английском, немецком и французском языках и был незаурядной личностью. Еще в 30-е годы, будучи заместителем резидента в Италии, он заметил и начал первичную разработку Ферми и его молодого ученика Понтекорво, которые выделялись своими антифашистскими взглядами и могли стать источниками научно-технической информации.

Я познакомился с Хейфецом в 30-х годах, когда он приезжал в Москву, и сразу попал под его обаяние, которое сочеталось с высоким профессионализмом разведчика. Хейфец некоторое время работал секретарем Крупской. Его дядя был одним из основателей компартии США, когда работал в Коминтерне. Находясь на нелегальном положении в Германии, Хейфец окончил Политехнический институт в Йене и получил диплом инженера. Хейфец как еврей рисковал в Германии головой, но его темная кожа позволила ему использовать фальшивые документы студента-беженца из Индии, обучающегося в Германии.

Хейфец вращался в различных кругах Сан-Франциско, пользовался большим уважением коммунистов и левых (они называли его «мистер Браун»). Опекаемый им светский салон госпожи Брамсон часто посещали нелегально состоявшие в компартии США Роберт Оппенгеймер и его брат Фрэнк. Хейфец рассказывал мне, что дважды встречался с Оппенгеймером и его женой на коктейле. К тому времени до Хейфеца уже доходили слухи о начале работ над сверхбомбой, но Москва все еще сомневалась в важности и неотложности атомной проблемы.

Тогда же Хейфец сообщил, что Оппенгеймер упомянул о секретном письме Альберта Эйнштейна президенту Рузвельту в 1939 году, в котором обращал его внимание на необходимость исследований для создания нового оружия в связи с угрозой фашизма.

Оппенгеймер был разочарован тем, что со стороны властей быстрой реакции на письмо Эйнштейна не последовало и что работы разворачиваются медленно.

Опытный профессионал Хейфец прекрасно знал, как расположить к себе Оппенгеймера. Не могло быть и речи о том, чтобы предложить ему деньги, прибегнуть к угрозам или шантажу с использованием компрометирующих материалов. Благодаря личному обаянию он установил доверительные отношения с Оппенгеймером через его брата Фрэнка, обсуждая сложную ситуацию в связи с нападением японцев на Пёрл-Харбор и нависшую над миром угрозу фашизма.

В традиционном смысле слова Оппенгеймер, Ферми и Сцилард никогда не были нашими агентами. Это утверждал и Квасников, возглавлявший в 1947–1960 годах советскую научно-техническую разведку: «Ученых, работавших с нашей разведкой, агентами назвать было нельзя».

Информация Хейфеца имела исключительно важный характер. Центр поручил Семенову (кодовое имя «Твен») проверить сообщения, полученные от Хейфеца. Семенов должен был выявить главных ученых-специалистов, привлеченных к работе над сверхсекретным проектом, и определить конкретную роль каждого.

Семенов пришел в органы госбезопасности в 1937 году. Он один из немногих имел высшее техническое образование, и его послали учиться в США, в Массачусетский технологический институт, чтобы в дальнейшем использовать по линии научно-технической разведки. Он эффективно действовал как оперативный сотрудник под прямым руководством Овакимяна, который работал под прикрытием советской внешнеторговой фирмы «Амторг» в Нью-Йорке. Именно Семенову и его помощнику Курнакову удалось установить прочные контакты с близкими к Оппенгеймеру физиками из Лос-Аламоса, работавшими в 20—30-х годах в Советском Союзе и имевшими связи в русской и антифашистской эмиграции в США. Так стал регулярно действовать главный канал поступления информации по атомной бомбе. Это Семенов привлек к сотрудничеству супругов Коэнов, выполнявших роль курьеров. Лона Коэн передала нам в 1945 году важнейшие научные материалы по конструкции атомной бомбы.

Семенов, используя свои связи в Массачусетском технологическом институте, определил, кто из видных ученых

участвует в так называемом Манхэттенском проекте по созданию атомной бомбы, и независимо от Хейфеца сообщил весной 1942 года, что не только ученые, но и американское правительство проявляют серьезный интерес к этой проблеме. Семенов сообщал также, что в проекте участвует известный специалист по взрывчатым веществам Кистяковский, украинец по национальности.

Мы немедленно дали указание использовать агентуру среди русских эмигрантов для обеспечения подходов к Кистяковскому. Однако два наших важных агента в США — бывший генерал царской армии Яхонтов, женатый на сестре жены наркома госбезопасности СССР Меркулова, эмигрировавший в США после гражданской войны, и Сергей Курнаков, ветеран операций ГПУ по эмиграции в США, не смогли привлечь Кистяковского.

На связи у Семенова некоторое время находились супруги Юлиус и Этель Розенберга, привлеченные к сотрудничеству с нашей разведкой Овакимяном еще в 30-х годах. Научно-техническая информация Розенбергов не имела существенного значения — они со своими родственниками были подстраховочным звеном, далеким от основных операций. Позднее арест и суд над ними привлек внимание всего мира.

Семенову принадлежит, пожалуй, основная роль в создании канала поступления разведывательной информации по атомной бомбе, через который в 1941–1945 годах мы получили, как пишет Терлецкий в своих воспоминаниях, американские секретные отчеты, а также английские материалы с описанием основных экспериментов по определению параметров ядерных реакций, реакторов, различных типов урановых котлов, диффузионных разделительных установок, дневниковые записи по испытаниям атомной бомбы и тому подобное.

В марте 1942 года Маклин предоставил нам документальные данные об интенсивной работе по атомной проблеме в Англии. В том же году советская военная разведка привлекла к сотрудничеству Фукса.

Лесли Гровс: Оппенгеймер в Лос-Аламосе

...До организации Манхэттенского инженерного округа конструкции самой бомбы уделялось небольшое внимание, так как, пока не наметилось решение проблемы получения урана-235 и плутония, особой нужды в изучении механизма атомного взрыва не было. Конструкцию и размеры бомбы еще никто ясно себе не представлял.

Общая ответственность за разработку бомбы была возложена на Комптона. В июне 1942 г. он назначил Роберта Оппенгеймера непосредственным руководителем этих работ. В то время Оппенгеймер работал в Калифорнийском университете в Беркли. Собрав вокруг себя небольшую группу теоретиков, он приступил к решению этой проблемы.

Постепенно вникая в детали проекта и обладая к этому еще и непредубежденностью, я все яснее начинал понимать необходимость срочного развития работ в этой области. Не все были со мной согласны. Некоторые даже считали, что бомба может быть создана за очень короткое время небольшой группой квалифицированных ученых и инженеров. Один из таких оптимистов считал, что бомба может быть изготовлена 20 учеными за три месяца. Все эти оценки были до опасного далеки от действительности. Разработку конструкции бомбы надо было начинать немедленно.

В ходе многочисленных обсуждений проекта Y (так мы теперь называли работы по созданию бомбы) возник сложный вопрос: кто же возглавит эти работы. Подобная проблема была для меня новой, так как к моему приходу все лаборатории уже имели директоров.

Оппенгеймер руководил исследовательской группой в Беркли, однако Буш, Конэнт и я не могли его считать руководителем всего проекта Y. Первая моя встреча с Оппенгеймером состоялась 8 октября в Калифорнийском университете. Мы с ним довольно подробно обсуждали результаты и методы его расчетов. Я пригласил его в Вашингтон, где мы вдвоем занялись точным учетом того, что, собственно, необходимо для создания бомбы.



Генерал Гровс

Тем временем я продолжал поиски наилучшей кандидатуры для руководства этими работами. Я перечислял каждому, с кем мог говорить на эту тему, основные качества будущего руководителя и просил предлагать кандидатуры. С точки зрения сегодняшнего дня кандидатура Оппенгеймера кажется самой подходящей, поскольку он полностью оправдал наши ожидания. Работая непосредственно под руководством Комптона, он возглавлял исследования по созданию

бомбы и, без сомнения, знал абсолютно все, что тогда было известно в этой области. Однако его исследования носили теоретический характер и сводились, по существу, к грамотной оценке мощности взрыва в результате реакции деления ядер атомов. В таких же практических областях, как разработка конструкций взрывателя и бомбы, обеспечивающих ее эффективный взрыв, ничего не было сделано. Мои сомнения усиливались, так как никто из опрошенных не выражал особого восторга в связи с кандидатурой Оппенгеймера.

Я считал, что он будет прекрасным руководителем теоретической части работы, но как он справится с экспериментом или административной деятельностью, было для меня загадкой. Он человек больших умственных способностей, имеет блестящее образование, пользуется заслуженным уважением среди ученых, и я все больше склонялся к мысли, что он справится с предстоящей работой, ибо в своих поисках я не мог найти ни одной кандидатуры, хоть сколько-нибудь более подходящей для решения поставленных задач.

Среди ученых, принимавших участие в Манхэттенском проекте, наиболее подходил Э. Лоуренс. Он был крупнейшим физиком-экспериментатором, а эта работа была предназначена как раз для экспериментатора. К сожалению, его нельзя было отвлекать от работ в области электромагнитного разделения, где он был единственным и незаменимым специалистом, так как это было бы равносильно прекращению этих работ. Я не знал, да и сейчас не могу назвать ни одного ученого, кроме Лоуренса, кто бы смог успешно завершить работы, которыми он тогда руководил.

Комптон был блестящим физиком и, кроме того, опытным администратором. Но его также нельзя было отвлекать от работ в Чикагской лаборатории.

Юри, хотя и был очень крупным специалистом, но химиком, и поэтому он был не подготовлен для этой работы.

Среди ученых, не занятых в работах проекта, можно было найти еще несколько подходящих кандидатур, однако все они были заняты важной работой или по квалификации не могли сравниться с Оппенгеймером.

Кандидатура Оппенгеймера меня смущала тем, что он не обладал опытом административного руководства и не был лауреатом

Нобелевской премии. Последний недостаток сильно уменьшал его влияние в глазах коллег, что, по моему мнению, было весьма досадным. Три наши основные лаборатории возглавлялись Нобелевскими лауреатами: Лоуренсом — в Беркли, Юри — в Колумбийском университете и Комптоном — в Чикаго. Причем даже среди сотрудников Комптона было несколько лауреатов. Большинство ученых, с которыми я обсуждал эту проблему, считали, что руководителем проекта Y должен быть также лауреатом Нобелевской премии.

Мне кажется, с тех пор отношение к лауреатам несколько изменилось. Почтение, внушаемое премией Нобеля, сейчас уже не столь высоко, как в те времена, главным образом из-за того, что в последнее время было сделано много замечательных открытий, не отмеченных премиями Нобеля. Однако тогда это был серьезный дополнительный аргумент, выдвинутый против назначения Оппенгеймера.

Комитет по военной политике также далеко не единодушно поддержал его кандидатуру. После многочисленных дискуссий я попросил каждого члена комитета назвать, кого они желают видеть вместо Оппенгеймера. Недели через две окончательно выяснилось, что лучшей кандидатуры, чем он, нам не найти. Правда, был еще один сомнительный момент. Некоторые штрихи в его прошлом не устраивали нас. Служба безопасности, тогда еще не подчинявшаяся полностью мне, не была склонна оформить его допуск к секретной работе из-за некоторых его прошлых связей. Я изучал все имевшиеся сведения об Оппенгеймере. Как и во всех важных, проблемах, связанных с секретностью, я сам изучал оригинальные материалы, не доверяясь заключениям офицеров службы безопасности.

В конце концов, когда мне стало ясно, что потенциальная польза назначения Оппенгеймера оправдывает любой риск нарушения секретности, я направил главному инженеру Манхэттенского округа следующее письмо, датированное 20 июля 1943 г.:

«В соответствии с моим устным указанием от 15 июля, считаю целесообразным немедленно оформить допуск Джулиуса Роберта Оппенгеймера к секретной работе независимо от тех сведений, которыми Вы располагаете о нем. Участие Оппенгеймера в работах проекта крайне необходимо».

Я никогда не считал, что мы допустили ошибку, оформив и назначив Оппенгеймера на этот пост. Он справился с порученной ему работой — и справился блестяще. Никто не может сказать, могли ли мы найти лучшую кандидатуру. Я думаю, что это так. И мое мнение разделяет, большинство людей, знакомых с оборонными работами в Лос-Аламосе.

Уже в конце 1944 г. под впечатлением той напряженной работы, которую приходилось вести Оппенгеймеру, и, учитывая его далеко не могучее сложение, я начал задумываться о возможной замене его на случай какого-либо несчастья. Мы долго обсуждали все возможные варианты с Толменом и Конэнтом, однако удовлетворительного решения так и не нашли.

Если говорить о лояльности Оппенгеймера, то, как я уже неоднократно заявлял по радио, телевидению, для печати и даже перед Советом по проверке лояльности служащих, возглавляемым Г. Греем, я не верю, чтобы он мог сознательно совершить какой-либо поступок, наносящий ущерб Соединенным Штатам. [\[6\]](#)

Когда назначение наконец состоялось и Оппенгеймер приступил к организации своей лаборатории, возникла проблема ее размещения. При выборе места мы должны были принять во внимание ряд дополнительных специфических требований, не возникавших при размещении других наших объектов. Для успешной работы атомного центра необходимы были хорошие средства сообщения, достаточные запасы воды, резервы рабочей силы, умеренный климат, допускающий строительство в течение всего года и эксперименты под открытым небом. Кроме того, для размещения лаборатории мы стремились найти малонаселенный район, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств не поставить под угрозу жителей близлежащих районов.

Однако этот центр должен был отличаться от прежних одной особенностью, связанной с необходимостью разместить в нем многочисленный коллектив известных ученых и создать им благоприятные условия для работы.

Мы сосредоточили поиски на юго-западной части США. Производивший по нашей просьбе тщательное обследование юго-западных территорий майор Дадли подтвердил наш предварительный прогноз: возможных районов было всего два. Один был расположен в штатах Нью-Мексико или Аризона и примыкал к железной дороге,

ведущей в Санта-Фе, другой — в Калифорнии. Последним сильно интересовались военно-морские силы. С нашей же точки зрения, этот район был не очень удобен. Он, правда, был защищен окружающими его горами, которые могли уменьшить последствия случайного взрыва, но находившийся поблизости густонаселенный район Лос-Анжелоса создавал повышенную опасность для нарушения секретности. На этот риск мы никак не могли идти. Этому соображению я лично уделял большое внимание, поскольку о характере и целях работ в этом центре можно было догадаться, даже находясь от него на большом расстоянии. Установление вокруг сплошной запретной зоны, как в Ок-Ридже или Ханфорде, в данном случае не достигло бы цели из-за очень большой плотности окружающего населения. Я, кроме того, предчувствовал, что в будущем крайне трудно будет удерживать наших ученых от контакта с коллегами из Калифорнийского технологического института. В таких условиях неизбежно появление утечки секретной информации и расширение круга лиц, осведомленных о целях работ в центре.

Мы осмотрели еще одну территорию в Калифорнии, расположенную на восточных склонах гор Сьерра-Невада, недалеко от города Рехо. Через эту территорию проходила южная линия тихоокеанской железной дороги, однако для пассажиров она была неудобной, а для воздушного сообщения район был труднодоступен. К тому же сильные снегопады серьезно мешали бы нашим работам.

Обсудив с Оппенгеймером все возможные варианты размещения центра, мы пришли к выводу, что районом, лучше всего удовлетворяющим нашим требованиям, могут быть только окрестности города Альбукерке. Этот город имел очень удобное железнодорожное сообщение с Чикаго, Лос-Анжелосом, Сан-Франциско и Вашингтоном, и через него проходили все трансконтинентальные воздушные линии. Район был хорошо изолирован от окружающей местности и расположен в глубине территории США, что было очень важно из-за опасности возможного японского вторжения.

Самая активная поддержка правительства и населения штата нам была гарантирована, как это ни странно, благодаря печальному обстоятельству: полк национальной гвардии штата Нью-Мексико был полностью захвачен в плен на Филиппинах, и обитатели штата готовы

были на все, чтобы смыть с себя это позорное пятно. Их помощь оказалась, действительно, в высшей степени ценной.

Оппенгеймер имел собственное ранчо недалеко от намеченного района. Следовательно, от него мы могли получить сведения о характере местности и пригодности ее для размещения ученых.

В октябре 1942 г. в Альбукерке я встретился с Оппенгеймером, Дадли и некоторыми другими сотрудниками для осмотра площадки, предварительно выбранной одним из наших офицеров.

Проезжая по дороге, ведущей на север от Альбукерке, мы миновали множество небольших ферм. У меня начали возникать опасения по поводу тех трудностей, с которыми придется столкнуться при переселении владельцев этих ферм. Достигнув выбранного района, мы нашли его достаточно изолированным и изобилующим водой, что крайне редко в той местности. Однако этот район был с трех сторон окружен крутыми скалами. Оппенгеймер, правда, опасался их вида, который, по его мнению, может удручающе действовать на психику персонала. Я же боялся, что эти скалы могут создать непреодолимые трудности, если возникнет необходимость в расширении центра в будущем. В целом окрестность Альбукерке мне казалось пригодной для размещения центра, но район, который мы осмотрели, нам не подходил. Оппенгеймер не возражал против этого, а его спутники горячо поддержали меня, так как им район не понравился.

В надежде найти что-нибудь более подходящее, мы двинулись через горы к Санта-Фе, чтобы осмотреть еще одно место, предложенное уже самим Оппенгеймером.

Этот участок вблизи городка Лос-Аламоса был достаточно изолирован от окружающих его населенных центров и вполне допускал возможность последующего расширения территории. Однако этот район мог иметь, как мне казалось, два потенциальных недостатка. Во-первых, подъем на плато, на котором расположен Лос-Аламос, был очень тяжелым. Дорога вилась по крутому склону ущелья и была весьма неудачно проложена. Вряд ли она смогла выдержать большое движение по ней. Правда, ее можно было без особого труда проложить несколько по-другому, но сделать дорогу за короткий срок полностью безопасной для нормального движения было трудно. Проезд все равно был бы связан с некоторым риском.

Другим недостатком являлось отсутствие больших запасов воды. Правда, при экономном расходовании ее вполне могло бы хватить, как нам тогда казалось. Однако впоследствии мы столкнулись с большими трудностями, так как рост населения Лос-Аламоса превзошел нашего расчета. Кроме того, контролировать расход воды обитателями города — вещь практически невозможная. Не из-за того, конечно, что на них не распространялась военная дисциплина, а скорее потому, что они были типичными американцами, не привыкшими к экономии.

Наличие в Лос-Аламосе некоторого, правда, далеко не достаточного для нас количества жилых помещений позволяло обеспечить жильем хотя бы первые группы наших людей. Это давало возможность выиграть несколько месяцев.

С точки зрения сохранения тайны Лос-Аламос нас вполне устраивал. Он был сильно удален от населенных районов и, кроме того, трудно доступен. К нему можно было добраться лишь по нескольким дорогам и каньонам. Оторванность городского населения от других районов страны и замкнутость его образа жизни еще более уменьшала опасность распространения секретной информации через живущих поблизости друзей и знакомых.

Нерешенной оставалась проблема переселения школы-пансионата, располагавшейся на выбранной территории. Эта школа была частным учреждением, в котором учились дети из разных районов страны. Поэтому, если бы владельцы школы заупрямились, последствия могли бы быть для нас очень неприятными, не столько из-за возможной передачи этого дела в суд, сколько из-за широкого разглашения через своих учеников сведений о нашей деятельности.

Поэтому я испытал глубокое облегчение, когда после предварительных переговоров с владельцами школы узнал, что из-за трудностей, связанных с наймом учителей в военное время, они сами склонны закрыть ее. Они были счастливы закрыть школу и отдать участок в наше пользование, как они думали, на время, а на самом же деле навсегда.

Павел Судоплатов: все больше тревожных сообщений

...Важные события произошли и в нашей стране. В мае 1942 года Сталин получил письмо от молодого ученого-физика, специалиста по ядерным реакциям, будущего академика Флёрова, который обращал внимание на подозрительное отсутствие в зарубежной прессе с 1940 года открытых научных публикаций по урановой проблеме, а это, по его мнению, свидетельствовало о начале работ по созданию атомного оружия в Германии и других странах. Флёров предупреждал, что немцы могут первыми создать атомную бомбу.



Г.Н.Флёров

По времени поступление этого письма совпало с информацией нашей резидентуры, из оккупированного немцами Харькова. Нам сообщали, что бывший политэмигрант в СССР Ф. Хоутерманс прибыл в Харьков со специальной миссией, направленной военным командованием Германии с целью получения дополнительных данных в украинском физико-техническом институте об использовании в военных целях советских исследований по проблеме урана.

Хоутерманс в период немецкой оккупации Харькова фактически стал одним из руководителей украинского физико-технического института. В сообщениях агентуры указывалось, что Хоутерманс прибыл в Харьков «в эсэсовской форме».

С санкции руководства я немедленно проинформировал Капицу о появлении Хоутерманса в Харькове и Киеве в составе немецкой военной миссии по демонтажу научного оборудования. Капица придавал этому сообщению важное значение, указав, что это подтверждает развитие работ в Германии по созданию урановой бомбы.

И мне (в то время я занимался организацией партизанского движения и сбором разведывательной информации по Германии и Японии) поручили выяснить все об атомных разработках в Германии.

Информация от агентуры, полученная в деловых и промышленных кругах Швеции, была противоречивой. В Германии и Скандинавии упорно циркулировали слухи о работах немцев над «сверхоружием», но никаких подробностей об этих работах мы не знали. Только после войны стало ясно, что под «сверхоружием» имелась в виду двухступенчатая ракета на основе модели «Фау-2», которая могла бы достигнуть побережья США.

Информация по атомной бомбе, поступившая из США и Англии, совпадала. Она подтвердилась, когда мы получили сообщение о возможности создания атомной бомбы со слов видного физика-ядерщика Елизаветы Мейтнер. Мейтнер была в поле зрения нашей разведки с тех пор, когда в 1938 году встал вопрос о возможности ее приезда в Советский Союз для работы. Потом ей пришлось бежать из фашистской Германии в Швецию, где Нильс Бор помог ей устроиться на работу в Физический институт Академии наук. Агентов-женщин, вышедших на Мейтнер, инструктировала по указанию Берии заместитель резидента НКВД в Стокгольме Зоя Рыбкина.

В марте 1942 года Берия направил Сталину всю информацию, поступившую из США, Англии, Скандинавии и оккупированного Харькова.

В письме он указывал, что в Америке и Англии ведутся научные работы по созданию атомного оружия.

В феврале 1943 года, когда британские спецслужбы провели диверсионную операцию в Веморке (Норвегия), где был завод тяжелой воды, необходимой для атомного реактора, Сталин поверил, что

атомный проект приобретает реальное содержание. О подробностях диверсии нам сообщили наши источники в Норвегии, Филби и кембриджская группа из Лондона. Я не придавал особого значения этим сообщениям, потому что ущерб от нее показался мне незначительным, и был удивлен, когда Берия приказал мне взять на заметку эту операцию. Его, естественно, насторожило, что, несмотря на имевшуюся договоренность с англичанами о совместном использовании наших агентурных групп в Скандинавии, Западной Европе и Афганистане для проведения крупных операций по диверсиям и саботажу, англичане не просили нас о поддержке своего рейда в Веморке. Это говорило о том, что диверсионной операции в Норвегии англичане придавали особое значение.

До начала 1943 года у нас никаких практических работ в области создания атомной бомбы не велось. Еще до нападения немцев Государственная комиссия по военно-промышленным исследованиям отклонила предложения молодых физиков-ядерщиков Института физико-технических исследований в Харькове и немецкого ученого эмигранта Ланге начать работы по созданию сверхмощного взрывного устройства. Предложение было направлено в отдел изобретений Наркомата обороны, но его сочли преждевременным и не поддержали.

В марте 1942 года Берия предложил Сталину создать при Государственном Комитете Обороны научно-консультативную группу из видных ученых и ответственных работников для координации работ научных организаций по исследованию атомной энергии. Он также просил Сталина разрешить ознакомить наших видных ученых с информацией по атомной проблеме, полученной агентурным путем, для ее оценки. Сталин дал согласие и предложил, чтобы независимо друг от друга несколько ученых дали заключение по этому вопросу.

По проблеме создания в ближайшем будущем атомной бомбы высказались, с одной стороны, академик Иоффе и его молодой ученик профессор Курчатов, которых ознакомили с материалами разведки, с другой — академик Капица (его проинформировали устно о работах по атомной бомбе в США, Англии и Германии).

Иоффе привлекли к исследованиям по атомной энергии по совету академика Вернадского. Он был известен западным ученым, поскольку в 20—30-х годах совершил ознакомительные поездки в лаборатории Западной Европы и США. В 1934 году, находясь в Бельгии, Иоффе

отклонил предложение уехать на работу в США, хотя в то время противоречия в наших научных кругах между физиками резко обострились. Особенно остро конфликтовали московские и ленинградские ученые. Непримируемую позицию к школе Иоффе занимали, в частности, и некоторые влиятельные профессора Московского университета. Это продолжалось не один год. (Я помню, как московский профессор сказал мне: «Павел Анатольевич, зачем вы консультируетесь у этих деятелей из Ленинградского физико-технического института? Это же банда!») Иоффе оценил громадную важность информации об атомных исследованиях в Америке и поддержал необходимость начала работ по созданию советской атомной бомбы. В дальнейшем Иоффе сыграл видную роль в улаживании конфликтов между учеными Московского университета и Академии наук, и он был одним из инициаторов создания вскоре после войны трех главных центров атомных исследований.

Капица считал, что проблема создания атомной бомбы бросает вызов современной физике и ее решение возможно только совместными усилиями наших ученых и ученых США и Англии, где проводятся фундаментальные исследования по атомной энергии.

Мне рассказывали, что в октябре 1942 года Сталин на своей даче в Кунцеве принял только Вернадского и Иоффе. Вернадский, ссылаясь на неформальную договоренность крупнейших физиков мира о совместной работе, предложил Сталину обратиться к Нильсу Бору и другим ученым, эмигрировавшим в США, а также к американскому и английскому правительствам с просьбой поделиться с нами информацией и вместе проводить работы по атомной энергии. На это Сталин ответил, что ученые политически наивны, если думают, что западные правительства предоставят нам информацию по оружию, которое даст возможность в будущем господствовать над миром. Однако Сталин согласился, что неофициальный зондажный подход к западным специалистам от имени наших ученых может оказаться полезным.

После этой встречи, как мне позднее рассказывал Ванников, нарком боеприпасов, один из руководителей атомной программы, впервые руководство страны окончательно убедилось в реальной возможности создания атомного оружия, и Сталин так был заворожен мощным разрушительным потенциалом атомной бомбы, что в конце

октября 1942 года предложил дать кодовое название плану нашего контрнаступления под Сталинградом — операция «Уран». Во всех идеях и предложениях у него всегда присутствовал этот внутренний мотив, непонятный собеседникам.

На основе информации из Лондона от источника в концерне «Империял кемикал индастриз», который играл важную роль в английском проекте «Трубный сплав», Сталин приказал Первухину, наркомун химической промышленности, оказать самую серьезную поддержку ученым в работе по созданию атомного оружия.

Лесли Гровс: 1942 г. Манхэттенский инженерный округ

В один из дней середины сентября 1942 г., примерно за полтора месяца до высадки союзников в Северной Африке, мне было сделано чрезвычайно интересное предложение. В то время я служил в Вашингтоне. Занимая пост заместителя начальника инженерных войск по строительству, я ведал всеми строительными работами для армии на территории США и базах, расположенных в прилегающих водах. Работа заключалась в строительстве лагерей, аэродромов, заводов по производству боеприпасов и химических веществ, железнодорожных станций, портовых сооружений и других объектов. И хотя это был важный и ответственный пост, я, как и каждый кадровый офицер, стремился получить назначение за границу в действующую армию. Поэтому я ответил, что меня устраивает любое назначение на театр военных действий, однако прежде чем дать окончательный ответ, мне нужно согласовать его с командующим Службой снабжения армии генерал-лейтенантом Б. Сомервелом.

На следующее утро, сразу же после того, как я закончил доклад о военном строительстве, я разыскал Сомервела и спросил, не будет ли он возражать против моего ухода с занимаемого поста. К моему крайнему удивлению, он сообщил, что я не могу покинуть Вашингтон.

— Военный министр выдвинул вашу кандидатуру на очень важную должность, — добавил он, — и она уже одобрена президентом.

— Где?

— В Вашингтоне.

— Я не хочу оставаться в Вашингтоне.

— Если вы справитесь с этим делом, мы выиграем войну.

Когда я понял, что он имеет в виду, мое настроение совсем упало.

— А, вот вы о чем... — сказал я.

— Если это вообще осуществимо, вы, я уверен, с этим справитесь. Зайдите к Стайеру (генерал-майор У. Д. Стайер был начальником штаба Службы снабжения армии США), он вам расскажет подробнее.

Я был крайне разочарован таким оборотом событий.

В то время мне не были известны подробности нашей программы по атомным делам, однако по характеру моих обязанностей я знал о ее существовании и о главной цели — создать атомную бомбу, которая, как надеялись, будет обладать чудовищной силой. Безусловно, это был крупный проект. Полная стоимость его, как предполагалось, не превысит 100 миллионов долларов, что было выше стоимости любой из работ, проводившихся под моим руководством, но значительно меньше наших обычных еженедельных расходов. В сочетании с другими немногими сведениями, которые мне были известны, это не особенно обрадовало меня. Зная я в то время все, мое разочарование было бы еще большим.

В то же утро я навестил Стайера. Он подтвердил мои самые худшие предчувствия, сказав, что я буду назначен ответственным за проводимые армией работы по созданию атомной бомбы и кратко охарактеризовал мои будущие обязанности. «Основные исследования уже проведены. Вам предстоит лишь довести эти черновые проекты до законченного вида, построить несколько заводов и организовать их эксплуатацию. На этом ваша миссия, собственно, будет закончена, а одновременно с ней и война». Я и тогда уже был настроен скептически, однако лишь спустя несколько недель я понял, насколько сверхоптимистическую картину нарисовал мне Стайер.

В ходе обсуждения мы пришли к выводу, что мне не следует оставлять руководство строительством здания Пентагона, так как, во-первых, мое внезапное отстранение от работ по строительству Пентагона привлекло бы значительно большее внимание, чем отстранение меня от других обязанностей; во-вторых, поскольку строительством Пентагона заинтересовались многие члены Конгресса, было удобнее не передавать руководство этой работой на последнем этапе кому-либо менее знакомому со всей историей этого строительства и множеством его политических аспектов.

Мы также выработали текст приказа о моем назначении руководителем атомного проекта, который должен был подписать Сомервел.

Прежде чем я ушел, Стайер заметил, что генерал Маршалл дал указание о производстве меня в бригадные генералы и что приказ о присвоении звания выйдет через несколько дней. Тогда я высказал

соображение, с которым Стайер согласился: мне не следует приступать официально новым обязанностям, пока я не буду утвержден в звании бригадного генерала. Я предчувствовал, что у меня могут возникнуть трения с учеными, привлеченными к работам по проекту, поэтому мое положение будет более выгодным, если они будут видеть во мне с самого начала генерала, а не полковника, недавно произведенного в генералы. Это был верный шаг. Как ни странно, но мне часто приходилось наблюдать, что символы власти и ранги действуют на ученых сильнее, чем на военных.

Ко времени моего назначения исследования по использованию энергии атома, начавшиеся в январе 1939 г. с доказательства расщепляемости атома урана, развивались все ускоряющимися темпами.

Это открытие могло быть использовано в двух направлениях. Большинство физиков понимало, что энергию, высвобождаемую в результате деления атома, можно использовать как в мирных целях, так и для создания мощного оружия. Первыми среди ученых, осознавших возможность военного использования атомной энергии и его влияние на политику, были в основном те, кто успел познакомиться с гитлеровским «новым порядком». Большая часть американских физиков не обращала внимания на этот аспект: они еще не привыкли расценивать то или иное научное открытие с точки зрения его военного применения. Некоторые из европейских и американских ученых, представлявшие потенциальные возможности атомного оружия, были подавлены мыслью о тех опустошениях, которые оно может произвести.

По мере роста могущества гитлеровского рейха многие ученые начали сомневаться в правильности информирования ученых враждебной стороны о результатах исследований. Особенно большое беспокойство проявляли ученые, бежавшие в Америку от преследований нацистов. Эти ученые высоко оценивали способности своих немецких коллег, оставшихся в Германии, и знали об их успехах в области атомных исследований. Они также хорошо знали, какое давление может быть оказано на ученых, чтобы заставить их отдать все силы военным приготовлениям Гитлера. Большая часть американских ученых не видела грозившей опасности с такой же ясностью, как эти ученые-эмигранты.

Тем не менее, американцы и англичане попытались достигнуть соглашения о засекречивании данных исследований в области атомной энергии. Эффективность этого соглашения, однако, сильно снизилась из-за отказа французских ученых от участия в нем.

В это же время группа ученых, бежавших в Америку, стала средоточием усилий, направленных на то, чтобы поставить в известность правительство США об опасностях и перспективах использования атомной энергии. Еще в марте 1939 г. Э. Ферми обсуждал с представителем министерства военно-морского флота Дж. Б. Пеграмом вопрос о развитии исследований в этой области. Однако Ферми отнесся тогда довольно скептически к возможному военному использованию энергии атома, и поэтому правительство США не проявляло серьезного интереса к данному вопросу до октября 1939 г., когда Александр Сакс, личный друг и советник президента Рузвельта, обратился к нему с предложением поддержать исследования по атомной энергии.

Сакс, в течение некоторого времени изучавший возможности использования атомной энергии, пришел к выводу, что правительство должно оказать активную помощь исследованиям. С этой целью он обсудил вопрос с группой ученых Колумбийского университета и с Эйнштейном. Последний согласился подписать соответствующее письмо президенту США. Сакс написал письмо и, дав подписать его Эйнштейну, направил в Белый дом. В этом письме подчеркивалась серьезность проблемы использования атомной энергии в военных целях. Президент, на которого аргументы Сакса произвели большое впечатление, создает Консультативный комитет по урану и поручает ему изучить этот вопрос.

Комитет по урану состоял из представителей Национального бюро стандартов, армии и военно-морского флота. На заседаниях комитета изучались как перспективы получения энергии, так и возможности создания оружия с использованием урана. В результате комитет по урану предложил армии и военно-морскому флоту выделить некоторые, не очень большие, средства для закупки необходимых для исследований материалов. Деятельность этого комитета стала более энергичной с апреля 1940 г., когда стало известно, что Институт кайзера Вильгельма в Берлине начал интенсивные исследования, связанные с ураном.

В июне 1940 г. был образован Национальный комитет по оборонным исследованиям (НДРК) под председательством доктора Ванневара Буша. Комитет по урану вошел в него в качестве одного из подкомитетов и сыграл важную роль в дальнейшем развитии атомных исследований. Были заключены договоры с университетами, частными и общественными организациями. К ноябрю 1941 г. было заключено 16 договоров на общую сумму около 300 тысяч долларов.

Весной и летом 1941 г. вся программа работ по атомным исследованиям тщательно изучалась с целью установления их оборонного значения.

В результате Буш, разделяя уверенность британских ученых в большой оборонной важности этих исследований, пришел к выводу, что усилия США в области военного использования атомной энергии должны быть расширены. Этот вопрос он обсудил с президентом и заручился его поддержкой. В этот период Рузвельт как раз образовал группу по вопросам высшей политики, состоявшей из него самого, вице-президента Уоллеса, военного министра Стимсона, начальника штаба генерала Маршалла, Буша и Конэнта.

В ноябре 1941 г. урановый проект перерос рамки НДРК и был непосредственно подчинен Управлению научных исследований и разработок (ОСРД), одним из подразделений которого стал НДРК. Одновременно Буш, который возглавлял ОСРД, создал планирующий совет для проектирования как опытных заводов, так и в последствии промышленных комбинатов.

Практически целью всех лабораторных исследований, проводившихся в то время, было осуществление управляемой цепной реакции в уране-235 — редком изотопе урана, содержащемся в природном уране в количестве 0,7 процента. Этот изотоп обладает способностью легко делиться, чего лишен составляющий основную массу урана изотоп с атомным весом 238. Однако уже вскоре стало ясно, что, до тех пор пока не получены неслыханные по тем временам количества этого редкого изотопа в чистом виде, цепную реакцию осуществить не удастся.

Таким образом, определилась основная проблема — разработка промышленного процесса получения вещества, которое до этого получали лишь в микроскопических количествах. Все процессы, предназначавшиеся для достижения этой цели, были основаны на

использовании ничтожного различия в физико-химических свойствах изотопов урана. Радостные надежды вселили в нас исследования, теоретически предсказавшие возможность превращения урана-238 в новый, легко делящийся элемент — плутоний, который мог быть отделен от исходного урана химическим способом. Эти надежды основывались на том, что выделение плутония окажется более доступным процессом, чем разделение изотопов урана.

Группе исследователей в Калифорнийском университете, возглавляемой Гленном Сиборгом, было поручено выделить плутоний, и к марту 1941 г. ей удалось добыть первое микроскопическое количество плутония-239. Несколько позже было подтверждено предсказание о том, что плутоний при облучении нейтронами делится так же легко, как и уран-235. Особенно настойчиво указывал на необходимость более тщательного изучения возможности военного использования плутония Эрнест Лоуренс.

В декабре 1941 г. после проведения необходимых исследований это предложение было поддержано ОСРД. Решение основывалось на расчетах необходимого количества плутония, оценках эффективности его военного использования и примерных оценках времени производства, естественно, в предположении, что процесс вообще осуществим. В этом же месяце при поддержке и по инициативе ОСРД в Металлургической лаборатории Чикагского университета начались интенсивные исследования, которыми руководил лауреат Нобелевской премии Артур Комптон, приобретший широкую известность после открытия эффекта, названного его именем. Основной целью исследований было накопление сведений, необходимых для проектирования, строительства и эксплуатации заводов по переработке урана в плутоний.

Другие университетские лаборатории, а также несколько промышленных предприятий занимались поисками достаточно быстрого и экономичного способа разделения изотопов урана.

Вступление США во вторую мировую войну положило конец мирным исследованиям в области атомной энергии и дало мощный толчок работам по созданию атомной бомбы. [\[7\]](#)

С этого момента Буш, как и многие другие ответственные лица, начали сознавать, что, несмотря на всю важность лабораторных исследований, наиболее жгучими проблемами становились

проектирование и строительство промышленных установок. Для этих целей был создан планирующий совет, однако с каждым днем становилась очевидной необходимость в более мощной организации. Буш и его коллеги заслуживают самой высокой оценки, так как они смогли понять ограниченность руководимой ими организации и публично признать это во имя интересов страны.

Приняв такое решение, Буш на заседании Группы по вопросам высшей политики 16 декабря 1941 г. рекомендовал поручить строительные работы инженерным войскам США и ввести в курс работ проекта какого-нибудь сведущего офицера. Генерал Маршалл поручил это генерал-майору Стайеру. В марте 1942 г., докладывая президенту о плутониевом проекте, Буш снова предложил привлечь инженерные войска к строительству, связанному с проектом. Вскоре Конэнт занялся изучением всей атомной программы в целом. В его докладе Бушу высказывалось преобладавшее тогда мнение, что существует несколько основных способов производства делящихся материалов, сулящих примерно одинаковые шансы на успех. Этими методами для получения урана-235 были: центрифугирование, диффузия и электромагнитное разделение; для получения плутония рекомендовалось использовать уран-графитовые и уран-тяжеловодные реакторы. Эти методы были достаточно разработаны, чтобы приступить к строительству экспериментальных заводов и, может быть, к пробному проектированию производственных комбинатов.

17 июня 1942 г. Буш направил президенту подробный доклад, где указывал, что создание атомного оружия вполне возможно. Описывая далее пути создания такого оружия, он выражал уверенность, что при благоприятных обстоятельствах его можно изготовить за столь короткое время, которое даст возможность оказать влияние на исход войны. Этот доклад Буша был одобрен президентом.

На следующий день для выполнения задач, связанных с атомной программой, Стайер поручил полковнику Дж. Маршаллу сформировать новый округ инженерных войск.

Наступление осени 1942 г. совпало с новой ориентацией проекта. Работы не могли далее ограничиваться стенами лабораторий, ибо ученые уже обладали сведениями, достаточными для того, чтобы приступить к предварительному проектированию промышленных установок. Никто в тот момент не мог сказать, оправдается ли на

практике тот или иной метод получения делящихся материалов, но, исходя из предположения, что хотя бы один из них все-таки оправдается, можно было заранее определить наши потребности.

Генеральная задача, поставленная перед американскими специалистами, была двоякой: во-первых, создать оружие, способное обеспечить победу в войне, и, во-вторых, сделать это раньше наших противников. Чтобы справиться с этими двумя задачами, мы должны были работать ускоренными темпами.

Первоначальная задача, стоявшая перед инженерными войсками, ограничивалась всего-навсего строительством и эксплуатацией производственных комбинатов. Задачу, связанную с непосредственным созданием бомбы и ее использованием, перед ними не ставили.

О масштабах проекта также не было ясного представления. Никто не мог даже предполагать, что расходы по проекту будут исчисляться миллиардами долларов. Лишь позднее нам стало ясно, что риск, на который мы тогда шли, показался бы в нормальных условиях совершенно безрассудным. Лишь позднее мы привыкли без страха вести крупные работы, несмотря на большие пробелы в знаниях. Лишь позднее все интересы, будь то чисто научные устремления ученых или сохранение дружественных взаимоотношений с другими странами, оказались подчиненными одной главной цели. Лишь позднее, наконец, все участники проекта свыклись с мыслью, что в наших условиях спешка, которую обычно стремятся избежать, была необходимой.

Но пока работы по проекту велись обычными, испытанными методами.

18 июня 1942 г., как только был получен приказ об образовании специального округа, полковник Маршалл поставил об этом в известность командующего инженерными войсками генерала Рэйболда, его заместителя и начальника строительных работ генерала Робинса, а также меня — заместителя Робинса по строительству.

К его рассказу о выданных ему неограниченных полномочиях я и Робинс отнеслись скептически. Мы знали по опыту, что подобное внимание оказывается лишь до той поры, пока не возникнет какой-нибудь новый проект. Однако, несмотря на весь наш скепсис, мы были готовы помочь Маршаллу.

Своим заместителем Маршалл назначил подполковника К. Николса, и они вдвоем приступили к организации округа. Посетив

Буша и ознакомившись с общим состоянием проекта, Маршалл рассказал мне, что для решения задач, поставленных перед ним, ему срочно нужна квалифицированная помощь. После короткого обсуждения я высказал мысль, что фирма «Стоун и Вебстер» наиболее удовлетворяет нашим требованиям. Она, во-первых, имеет опыт совместной работы с учеными; во-вторых, это крупная фирма, имеющая большие инженерные и строительные резервы, и, в-третьих, Маршалл согласился с моими доводами и тут же начал набрасывать план привлечения этой фирмы к работам проекта.

25 июня Маршалл, Николс и Стайер присутствовали на заседании Комитета S-1 ОСРД (так теперь стал называться комитет по урану). В ходе дискуссии выяснилось, что методы центрифугирования и диффузии для получения урана-235 еще окончательно не разработаны и потребуется некоторое время, прежде чем можно будет приступить к проектированию соответствующих заводов. Была также проведена оценка необходимой потребности первых промышленных установок в электроэнергии. Для эксплуатации заводов, которые предполагалось построить, была необходима мощность порядка 108 тысяч киловатт. Поэтому намечалось довести к концу 1943 г. мощность электростанций до 150 тысяч киловатт. Поскольку многие исследования, проводившиеся в лабораториях: по договорам с ОСРД, тормозились из-за отсутствия средств, полковник Маршалл договорился о передаче ОСРД 15 миллионов долларов из бюджета инженерных войск. Это позволило продлить срок договоров до 30 июня, т. е. до конца финансового года. Еще с большими трудностями Маршалл столкнулся при обеспечении исследований необходимыми редкими материалами и оборудованием. Трудности со снабжением стремительно возрастали и, если бы не были приняты срочные меры, могли остановить все исследования.

Возник вопрос и о названии проекта. В конце июня Рэйболд пригласил Робинса, Маршалла, Николса и меня и сообщил нам, что на совещании с Сомервелом и Стайером решено назвать новую организацию, т. е. комплекс заводов для изготовления разных частей атомной бомбы, лабораторией по разработке заменяющих материалов или ДСМ. Мне это название показалось сомнительным с точки зрения сохранения секретности, поскольку оно не могло не возбудить любопытства. Предлагалось еще несколько названий, но Рэйболд

оставил первое, поскольку Сомервел с ним уже согласился. На этом же совещании мы приняли окончательное решение: в качестве инженерной и строительной фирмы-подрядчика выбрать фирму «Стоун и Вебстер». Инженерные войска должны были взять на себя приобретение всех земельных участков, которые смогут потребоваться в ходе работ.

29 июня официальные представители фирмы «Стоун и Вебстер» встретились с Робинсом, Маршаллом, Николсом и мной. Мы с Робинсом стремились выяснить, сможет ли фирма без ущерба для других работ, проводимых ею по договорам с инженерными войсками и другими ведомствами, уделить достаточно сил и средств работам по проекту. (Я всеми силами стремился помочь полковнику Маршаллу, однако при этом старался сделать так, чтобы его проект не повредил работам, за которые отвечал сам.) Их ответы удовлетворили нас, и сделка состоялась.

Еще раньше по просьбе Маршалла я через свое управление начал подыскивать удобный район для строительства производственных комбинатов. Предполагалось сосредоточить все предприятия для производства делящихся материал лов в одном месте, и для этого, следовательно, необходим был очень большой участок земли. Поэтому мы сосредоточили внимание на сравнительно мало развитых районах, где цена на землю была еще не так велика, как в других местах. Нужный нам район должен был находиться в центре страны, чтобы исключить опасность прямого нападения противника, располагать большими резервами электрической энергии. Сообщение района с Вашингтоном, Нью-Йорком и Чикаго должно было быть удобным и не очень длительным.

Район должен был располагать довольно значительными водными ресурсами. Кстати, потребление воды будущими заводами нам было совершенно неизвестно, однако мы предполагали, что оно будет очень большим.

Существенным требованием, предъявляемым к району, был его климат (он должен был позволять вести крупные строительные работы круглый год). И, наконец, район должен был располагать резервами рабочей силы как для строительных работ, так и для обслуживания заводов.

Учитывая все это, я пришел к выводу, что наилучшим местом будет район города Ноксвилла в штате Теннесси. Местность, по-видимому, удовлетворяла всем нашим требованиям и была весьма удобной с точки зрения поселения будущего персонала.

Это обстоятельство казалось нам особенно счастливым, поскольку мы предчувствовали, что большую часть квалифицированного обслуживающего персонала нам придется переводить из других частей страны. Маршалл согласился с моим выбором, и 1 июля он в обществе Николса, представителей фирмы «Стоун и Вебстер» и Управления по развитию долины Теннесси (ТВА) начали обследовать местность в районе Ноксвилла. Управление ТВА, по мнению его главного инженера полковника Парнера, могло обеспечить потребность проекта в электроэнергии, однако для этого ему надо было оказать помощь в приобретении мощного электросилового оборудования.

Несколько дней спустя в Металлургической лаборатории было организовано несколько встреч с представителями фирмы «Стоун и Вебстер» для введения их в курс работ по плутониевому проекту. Комптон очень беспокоился о возможной нехватке окиси урана, поэтому фирме было поручено немедленно закупить 350 тонн этого материала. В это же время предпринимались попытки к выбору места для строительства опытного завода по переработке урана, так как было решено не приступать к строительству промышленного комбината, пока не заработает экспериментальный реактор и не будет проверена полупромышленная установка. Для строительства опытного завода было выбрано место недалеко от Чикаго, в Аргоннском лесу, находившемся в ведении лесного заповедника графства Кук. Лесная комиссия, возглавлявшаяся К. Смитом, отнеслась к нам благожелательно, однако разъяснить ей, что завод будет строиться так, чтобы не затрагивать ее планов, стоило больших усилий. В соответствии с договором об аренде земельного участка как участок, так и все выстроенные на нем здания должны были быть после войны возвращены заповеднику.

9 июля Маршалл, Николс и представители фирмы «Стоун и Вебстер» приняли участие в заседании Комитета S-1 ОСРД. Среди прочего было решено, что эта фирма перепоручит проектирование и изготовление оборудования для завода по производству тяжелой воды в Трейле (штат Колумбия) бостонской фирме «Бэджер и сыновья», а

его строительство и эксплуатацию — канадской фирме «Консолидэйтед майнинг энд смелтинг», на земле которой он будет расположен.

Этот завод создавался в качестве резерва для производства тяжелой воды, которая могла быть использована как замедлитель в реакторе в том случае, если реактор с графиком не удастся создать.

Трудность состояла в том, что никто еще не мог сказать, сколько тяжелой воды может производить такой завод, сколько ее нам может понадобиться и даже понадобится ли она вообще. Это зависело от типа технологического процесса получения плутония, который еще не был выбран к моменту, когда было решено строить завод. Мы готовились к тому, что она нам может понадобиться, и поэтому предусматривали постройку еще более мощных предприятий. К счастью, графит оправдал возлагавшиеся на него надежды — тяжелая вода нам не понадобилась. Наш запас тяжелой воды был впоследствии передан Канаде для экспериментального реактора.

Строительство трех более мощных заводов по производству тяжелой воды проводилось компанией «Дюпон» и обошлось приблизительно в 20 миллионов долларов.

На том же заседании 9 июля была утверждена первая предварительная программа строительства. Строительство реакторов для получения плутония должно было начаться 1 октября 1942 г., завода по получению урана-235 методом центрифугирования — 1 января 1943 г., газодиффузионного завода — 1 марта 1943 г. и завода по электромагнитному разделению — 1 ноября 1942 г. Вскоре выяснилось, что эти сроки нереальны, поскольку исследования к тому времени не дали тех результатов, которые позволили бы начать проектирование заводов. Меня очень тревожила нечеткость со сроками начала работ, поэтому я предложил добиться принятия всеми заинтересованными лицами подробного графика, которого я мог бы потом придерживаться.

Маршаллу же доставляли беспокойство проблемы финансирования проекта. По его подсчетам, стоимость проекта должна была составить 85 миллионов долларов, однако все его попытки получить их окончились неудачей. Тогда мы решили через Буша обратиться за помощью непосредственно к президенту.

13 июля проекту была присвоена очередность в снабжении АА-3, а на случай затруднений с необычными материалами и оборудованием обещана очередность ААА^[8]. Однако такой порядок был явно недостаточен для столь дорогостоящего и необычного предприятия, каким являлся проект, и действительно, скоро начали возникать трудности со снабжением. Наши с Робинсом подозрения о непродолжительном внимании к проекту, казалось, начинают оправдываться.

К концу июля начали поступать первые сведения о необходимых затратах на освоение района в долине Теннесси. Стоимость этого участка должна была составить больше двух миллионов долларов, причем нужно было еще переселить около 400 семей. Встретившись с такой перспективой, Маршалл решил отложить все дела по приобретению участка и сосредоточить внимание на технологии получения плутония. В тот момент ядерный реактор в Чикаго, на котором предполагалось проверить осуществимость цепной реакции, еще не начал действовать. Первый опыт на нем был поставлен лишь в декабре.

Маршалл также уделял большое внимание организации работ по заключению договоров, среди которых наиболее важными были договоры с фирмой «Мэллинкрод» на очистку двуокиси урана и фирмами «Метал хайдридз» и «Вестингауз» на получение из двуокиси урана металлического урана, необходимого для получения плутония. Одновременно с помощью Николса он занимался усовершенствованием всей организации, стремился четко распределить обязанности и наладить взаимосвязь ее различных подразделений, набрать квалифицированный персонал, подыскать служебные помещения и выполнить тысячи других необходимых дел.

Для помощи в организационных делах Маршалл привлек к работе несколько кадровых военных, подбирая тем временем людей для руководящей административной работы. Последние набирались в основном из гражданских лиц, длительное время связанных по работе с инженерными войсками. Они были хорошо знакомы с работой государственного аппарата, а их способности были хорошо известны нам. Их призвали на нестроевую службу в армию, и из них-то и было создано основное ядро организации, сыгравшее большую роль в дальнейшем.

11 августа Маршалл показал мне проект приказа о создании нового округа. В приказе проекту присваивалось кодовое название ДСМ. Я снова возразил против такого названия, ибо считал, что оно вызовет излишнее любопытство. После некоторых споров мы решили назвать проект по местонахождению управления Маршалла — Манхэттену. Рэйболд согласился с этим предложением, и Манхэттенский инженерный округ (МЕД) начал свою деятельность.

В это же время проводилось переоборудование существующих лабораторий в Беркли, где занимались электромагнитным разделением, а также Чикагской лаборатории. Началось проектирование завода по производству тяжелой воды в Трейле, однако строительство этого завода, требовавшее большого количества меди, сразу же вступило в конфликт с заводом синтетического каучука, которому было отдано предпочтение в снабжении этим металлом.

Летом 1942 г. всякое предприятие, не имевшее высшей категории по снабжению, не могло рассчитывать на успех. Фирма «Стоун и Вебстер» определила, что на строительство полупромышленного предприятия для разделения урана электромагнитным методом при условии снабжения его по категории АА—3 потребуется 11 месяцев. Однако та же работа, но проводимая по категории АА-1, заняла бы всего восемь месяцев.

В последние дни августа наш выбор территории в долине Теннесси был подвергнут ожесточенной критике, вызванной главным образом желанием некоторых научных руководителей иметь производственный комбинат неподалеку от своих лабораторий.

В середине сентября Маршалл еще раз присутствовал на заседании комитета С-1. На нем был принят ряд решений, из которых наиболее важным было решение начинать работы в Теннесси. Не менее важным было также решение о начале проектирования и закупок материалов для создания небольшого предприятия по электромагнитному разделению стоимостью 30 миллионов долларов.

16 сентября я дал разрешение на снабжение медью строительства завода в Трейле по высшей категории. Это позволило использовать для проекта медь из фондов инженерных войск, что, правда, затрагивало интересы других работ, проводимых инженерными войсками.

Я сделал это, чтобы поддержать Маршалла в столь важном деле. Мне и в голову не приходило, что на следующий день я сам буду

нуждаться в помощи.

Павел Судоплатов: группа «С»

...Получив от НКВД доклад о первой цепной ядерной реакции, осуществленной Ферми, Курчатов обратился к Первухину с просьбой поручить разведывательным органам выяснить ряд важных вопросов о состоянии атомных исследований в США. В связи с этим была проведена реорганизация деятельности служб разведки Наркомата обороны и НКВД. В течение пяти лет, в 1940–1945 годах, научно-техническая разведка велась специальными подразделениями и отделениями Разведупра Красной Армии и 1-го управления НКВД — НКГБ, заместителем начальника которого я был до февраля 1942 года. В 1944 году было принято решение, что координировать деятельность разведки по атомной проблеме будет НКВД. В связи с этим под моим началом была создана группа «С» (группа Судоплатова), которая позднее, в 1945 году, стала самостоятельным отделом «С». Помимо координации деятельности Разведупра и НКВД по сбору информации по атомной проблеме, на группу, а позднее отдел, были возложены функции реализации полученных данных внутри страны. Большую работу по обработке поступавшей научно-технической информации по атомной бомбе проводили сотрудники отдела «С» Зоя Зарубина, Земсков, Масся, Грознова, Покровский. Зарубина и Земсков, насколько я помню, под руководством Терлецкого перевели наиболее важные материалы по конструкции ядерных реакторов и самой атомной бомбы. К тому времени Зоя Зарубина имела большой опыт оперативной и переводческой работы, участвовала в мероприятиях Ялтинской и Потсдамской конференций союзников в 1945 году. Согласно решению правительства отдел «С» стал рабочим аппаратом бюро № 2 Спецкомитета правительства СССР по «проблеме № 1». Квалифицированные специалисты и ученые, работавшие в отделе, регулярно докладывали о получаемых разведывательных материалах на заседаниях комитета и научно-технического совета, который возглавлял нарком боеприпасов Ванников.

Курчатов и ученые его группы часто бывали у Берии, обсуждая вопросы организации работ в соответствии с получаемой от НКВД информацией. Фактически Курчатов и Иоффе поставили перед

Сталиным вопрос о замене Молотова Берией в качестве руководителя всех работ по атомной проблеме.

Обычно после посещения кабинета Берии на Лубянке Курчатов, Кикоин, Алиханов и Иоффе поднимались ко мне, где мы обедали в комнате отдыха, после чего они углублялись в работу над документами, полученными из-за границы.

Наши ученые, чтобы ускорить научные работы по атомной энергии, были очень заинтересованы в регулярном ознакомлении с ходом этих работ в США. В письме от 7 марта 1943 года заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Первухину Курчатов писал:

«Получение данного материала имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».

Курчатов подчеркивал, что «вся совокупность сведений... указывает на техническую возможность решения всей проблемы в значительно более короткий срок, чем это думают наши ученые, не знакомые еще с ходом работ по этой проблеме за границей».

В другом письме от 22 марта 1943 года Курчатов сообщал, что внимательно рассмотрел последние работы американцев по трансурановым элементам и установил новое направление в решении всей проблемы урана. «До сих пор, — пишет Курчатов, — работы по трансурановым элементам в нашей стране не проводились. В связи с этим обращаюсь к вам с просьбой дать указание разведывательным органам выяснить, что сделано в рассматриваемом направлении в Америке».

Наши источники информации и агентура в Англии и США добыли 286 секретных научных документов и закрытых публикаций по атомной энергии. В своих записках в марте—апреле 1943 года Курчатов назвал семь наиболее важных научных центров и 26 специалистов в США, получение информации от которых имело огромное значение. С точки зрения деятельности разведки, это означало оперативную разработку американских ученых в качестве источников важной информации.

В феврале 1944 года состоялось первое совещание руководителей военной разведки и НКВД по атомной проблеме в кабинете Берии на Лубянке. От военных присутствовали Ильичев и Мильштейн, от НКВД — Фитин и Овакимян. Я был официально представлен как руководитель группы «С», координировавший усилия в этой области. С этого времени разведка Наркомата обороны регулярно направляла нам всю поступающую информацию по атомной проблеме.

Должен признаться, я не был обрадован поручением Берии. Возглавляя работу группы «С» по координации добычи и реализации разведданных по атомной бомбе, я испытывал трудности, так как не имел технического образования, не говоря уже о знаниях в области физики. Одновременно я руководил действиями диверсионных партизанских отрядов в тылу немецких армий, и это было моей основной обязанностью.

Осенью 1944 года Берия в качестве заместителя председателя правительства, курировавший производство вооружений и боеприпасов, официально возглавил работу по созданию атомного оружия. Это было инициировано Курчатовым. Его письмо носит исключительно важный характер и заслуживает опубликования без купюр.

В 1944 году Хейфец вернулся в Москву и доложил мне и Берии свои впечатления о встречах с Оппенгеймером и другими известными учеными, занятыми в атомном проекте. Он сказал, что Оппенгеймер и его окружение глубоко озабочены тем, что немцы могут опередить Америку в создании атомной бомбы.

Выслушав доклад Хейфеца, Берия сказал, что настало время для более тесного сотрудничества органов безопасности с учеными. Чтобы улучшить отношения, снять подозрительность и критический настрой специалистов к органам НКВД, Берия предложил установить с Курчатовым, Кикоиным и Алихановым более доверительные, личные отношения. Я пригласил ученых к себе домой на обед. Однако это был не только гостеприимный жест: по приказанию Берии я и мои заместители — генералы Эйтингон и Сазыкин — как оперативные работники должны были оценить сильные и слабые стороны Курчатова, Алиханова и Кикоина. Мы вели себя с ними как друзья, доверенные лица, к которым они могли обратиться со своими повседневными заботами и просьбами.

Однажды вечером после работы над очередными материалами мы ужинали в комнате отдыха. На накрытом столе стояла бутылка лучшего армянского коньяка. Я вообще не переношу алкоголя, даже малая доза всегда вызывала у меня сильную головную боль, и мне казалось, что наши ведущие ученые по своему складу и напряженной умственной работе также не употребляют алкогольных напитков. Поэтому я предложил им по чайной ложке коньяку в чай. Они посмотрели на меня с изумлением, рассмеялись и налили себе полные рюмки, выпив за успех нашего общего дела.

В начале 1944 года Берия приказал направлять мне все агентурные материалы, разработки и сигналы, затрагивавшие лиц, занятых атомной проблемой, и их родственников. Вскоре я получил спецсообщение, что младший брат Кикоина по наивности поделился своими сомнениями о мудрости руководства с коллегой, а тот немедленно сообщил об этом оперативному работнику, у которого был на связи.

Когда я об этом проинформировал Берию, он приказал мне вызвать Кикоина и сказать ему, чтобы он воздействовал на своего брата. Я решил не вызывать Кикоина, поехал к нему в лабораторию и рассказал о «шалостях» его младшего брата. Кикоин обещал поговорить с ним. Их объяснение было зафиксировано оперативной техникой прослушивания, установленной в квартирах ведущих ученых-атомщиков.

Я был удивлен, что на следующий день Берия появился в лаборатории у Кикоина, чтобы окончательно развеять его опасения относительно брата. Он собрал всю тройку — Курчатова, Алиханова, Кикоина — и сказал в моем присутствии, что генерал Судоплатов придан им для того, чтобы оказывать полное содействие и помощь в работе; что они пользуются абсолютным доверием товарища Сталина и его личным. Вся информация, которая предоставляется им, должна помочь в выполнении задания советского правительства. Берия повторил: нет никаких причин волноваться за судьбу своих родственников или людей, которым они доверяют, — им гарантирована абсолютная безопасность. Ученым будут созданы такие жизненные условия, которые дадут возможность сконцентрироваться только на решении вопросов, имеющих стратегически важное значение для государства.

По указанию Берии все ученые, задействованные в советском атомном проекте, были обеспечены приличным жильем, дачами, пользовались спецмагазинами, где могли наравне с руководителями правительства покупать товары по особым карточкам; весь персонал атомного проекта был обеспечен специальным питанием и высококвалифицированной медицинской помощью. В это же время все личные дела ученых, специалистов и оперативных работников, напрямую участвовавших в проекте или в получении разведывательной информации по атомной проблеме, были переданы из управления кадров в секретариат Берии. Тогда же в секретариат Берии из американского отдела передали наиболее важные оперативные материалы по атомной энергии, добытые разведкой. Из дела оперативной разработки «Эноммоз» по атомной бомбе, до сих пор хранящегося в архиве службы внешней разведки, было изъято около двухсот страниц. В целях усиления режима безопасности без санкции Берии никто не имел доступа к этим материалам. Помню конфликт с заместителем Берии Завенягиным, который требовал ознакомить его с документами. Я отказал ему, и мы крепко поссорились; он получил доступ к материалам разведки только после разрешения Берии.

Большие административные способности Берии в решении атомной проблемы признают и участники нашей атомной программы, например, академик Харитон в своем интервью о создании атомной бомбы в журнале «Огонек» (1993 г.).

Когда мы получили данные о том, что американские власти уделяют особое внимание секретности своего атомного проекта, Эйтингон и я предложили использовать группы нелегалов в качестве курьеров и для работы с источниками информации: мы понимали, что американская контрразведка обратит внимание на связи Хейфеца с прокоммунистическими кругами, имеющими выход на специалистов Манхэттенского проекта. Получив соответствующую директиву Москвы, Зарубин приказал Хейфецу немедленно прекратить разведывательные операции с использованием активистов компартии.

Однако ряд активистов компартии продолжали действовать по собственной инициативе. В 1943 году, нарушив полученное от Зарубина указание, они, не зная о наших выходах на семью Оппенгеймера, обратились к нему с просьбой о предоставлении информации Советскому Союзу о работах в Лос-Аламосе.

Оппенгеймер, опасавшийся раскрытия связей через жену и брата с нашими людьми, вынужден был поставить в известность американские спецслужбы об этой просьбе знакомого физика, связанного с компартией. Это привело к тому, что все связи с видными физиками, участвовавшими в работах по атомной бомбе, были переключены на канал нелегальной разведки и использование специальных курьеров, имевших безупречное прикрытие в глазах американской контрразведки.

Лесли Гровс: служба безопасности «Манхэттенского проекта»

В течение первого года существования Манхэттенского инженерного округа внутреннюю службу по охране секретности обеспечивала контрразведка Военного министерства и, таким образом, она относилась к компетенции руководителя так называемого отдела G —2 генерал-майора Дж. В. Стронга. Еще в феврале 1942 г. он и Эдгар Гувер — глава ФБР — поделили между собой сферы деятельности в этой области. Было установлено, что наблюдением за гражданскими лицами, служащими в армии, находящимися в запасе, а также вольнонаемными будет заниматься военная контрразведка, 18 марта 1943 г. генерал Стронг потребовал от ФБР прекратить наблюдение за одним из ученых, работавшим в лаборатории Беркли, чтобы уменьшить вероятность раскрытия слежки за ним. Благодаря наблюдению за лидерами коммунистической партии в районе Сан-Франциско ФБР догадывалось о существовании проекта. Однако лишь 5 апреля ФБР было официально извещено о существовании МЕД. В это же время Стронг сообщил Тамму, помощнику Гувера, о планах армии по охране работ проекта, и они договорились, что Манхэттенский проект будет относиться к компетенции армии.

Собственная служба безопасности Манхэттенского инженерного округа состояла тогда всего из нескольких офицеров и сотрудников, выполнявших простейшие задания по охране секретности и осуществлявших определенную связь с военной контрразведкой. Это соответствовало нашему общему принципу — не брать на себя ту работу, которую могут сделать за нас другие и сделать более квалифицированно. Однако уже в том же году мы лишились возможности полагаться на эту в прошлом достаточно централизованную организацию. Нашим единственным выходом было учредить собственную полноценную службу безопасности (к концу войны штат агентов нашей службы безопасности составлял 485 человек).

Руководство этой службой я поручил майору Ленсдэйлу, в прошлом способному молодому юристу. Работая в военной

контрразведке, он в течение нескольких месяцев почти все свое время посвящал нашим проблемам. При полной поддержке и одобрении генерала Стронга он создал специальную организацию. Особо подобранные агенты и офицеры в каждой из его специализированных групп подчинялись непосредственно ему, он же в свою очередь — непосредственно Стронгу и мне. Таким способом нам удалось использовать средства военной контрразведки, избежав при этом опасности разглашения через ее сеть сведений о характере нашей работы.

Когда возникла необходимость перевести эту службу в систему МЕД, мы образовали специальную группу контрразведки, в которую влились существовавшие ранее у нас небольшие силы. Впоследствии эта группа подвергалась кое-каким изменениям, но в общих чертах ее структура сохранялась в первоначальном виде.

На протяжении всего существования Манхэттенского инженерного округа между нашей службой безопасности и ФБР существовала самая тесная связь. Это сотрудничество было весьма полезным, поскольку ФБР располагало огромным количеством сведений агентурного происхождения, крайне ценных для нас, и в то же время в наше поле зрения попадали факты, представлявшие интерес для ФБР.

Деятельность нашей контрразведки направлялась главным инженером округа, имевшим в своем подчинении старшего офицера по безопасности, которым был сначала капитан Калверт, а впоследствии подполковник Парсонс. В каждой лаборатории, на каждом заводе или другом объекте имелся офицер службы безопасности, располагавший необходимым ему количеством подчиненных. Он подчинялся старшему офицеру по безопасности, местному представителю штаба округа и начальнику объекта.

Из-за специфики нашей деятельности, тесной связи с ФБР и Управлением цензуры часть дел, большая, чем мне хотелось, должна была проходить через мою штаб-квартиру в Вашингтоне, где ими занимался Ленсдэйл с помощниками. По временам мне с трудом удавалось установить прямую связь с объектами, что приводило к ненужным, хотя и не очень серьезным трениям.

Основной задачей службы безопасности было установить контроль за поведением различных сотрудников проекта с целью

уменьшения вероятности попадания секретных данных в руки врага. Буш еще раньше опасался последствий, связанных со свободным обменом информацией внутри проекта. Этот поток сведений необходимо было прекратить, если мы хотели обогнать противника в соревнованиях за первенство в атомном оружии.

Краеугольным камнем секретности, по моему мнению, должна была стать система, которая бы ограничивала информацию каждого сотрудника кругом его непосредственных обязанностей. Мое правило было ясным и недвусмысленным: каждый должен знать все, что относится к его непосредственной работе, и ничего сверх этого. Такой принцип не только способствовал сохранению тайны, но и положительно сказывался на общей производительности труда сотрудников проекта, ибо их внимание сосредоточивалось на определенной задаче. Эта система позволяла ограничиваться при спорах с сотрудниками таким объяснением: цель проекта — получение некоторого особого материала, а отнюдь не удовлетворение их любопытства или увеличение их научных познаний.

Тем не менее, служба безопасности не составляла содержания основной деятельности проекта. Задача состояла в том, чтобы создать атомную бомбу достаточной мощности, которая могла бы положить конец войне и чем раньше, тем лучше. Безопасность была при этом существенным, но не главным элементом нашей деятельности.

Мне ни разу не был задан вопрос, против какой конкретно иностранной державы следует направлять деятельность нашей службы безопасности. Поначалу казалось естественным, что ими являются страны оси, особенно Германия. Эта страна была единственным из наших противников, имевшим возможность воспользоваться той информацией, которую он мог заполучить от нас. Япония, по нашему мнению, не имела достаточного для этого промышленного потенциала, научных кадров и необходимого сырья. Италия находилась в том же положении, усугублявшимся ее легкой уязвимостью к бомбовым ударам союзной авиации. У нас также не было оснований считать, что секретные данные, попавшие в руки Японии, быстро и без искажений будут переданы Германии. В равной степени мы не были уверены в тесном взаимодействии итальянской и немецкой разведок.

Наша стратегия в области охраны тайны очень скоро определилась. Она сводилась к трем основным задачам: предотвратить

попадание в руки к немцам любых сведений о нашей программе; сделать все возможное для того, чтобы применение бомбы в войне было полностью неожиданным для противника и, насколько это возможно, сохранить в тайне от русских наши открытия и детали наших проектов и заводов.

Все меры по охране секретности, включая проверку и оформление персонала, были подчинены основной цели — созданию бомбы. Быстрота в проведении этих мероприятий была беспрецедентной.

Естественно, при приеме на работу мы делали все возможное, чтобы установить, не было ли в прошлом нанимаемого лица чего-нибудь такого, что могло превратить его в источник опасности. На время, пока производилась быстрая проверка личности принимаемого человека, ему поручался несекретный участок работы. Поскольку сами переговоры по найму таили в себе возможность утечки секретной информации во внешний мир, мы еще до непосредственного разговора с намеченным лицом стремились убедиться в соответствии его квалификации нашим нуждам.

В работах проекта было занято некоторое количество иностранцев, несмотря на то, что достоверную информацию о прошлом их обычно было невозможно получить. Некоторые из них эмигрировали из стран, с которыми мы вели войну, или из стран, где господствовал режим, которого они не смогли вынести. Обычно им можно было доверять сведения, от которых зависела безопасность США, однако не исключалось, что среди них мог оказаться человек, проникший сквозь нашу систему проверки с враждебными намерениями. Несмотря на всю серьезность грозившей нам с этой стороны опасности, находились «критики», которым доставляло удовольствие разглаживать о наших якобы гестаповских методах работы. Тем не менее, мы были убеждены в абсолютной необходимости осуществлять контроль за людьми, о прошлом которых у нас или у англичан не было достаточных сведений.

Приступив к руководству МЕР, я обнаружил, что некоторые лица, уже работавшие там по несколько месяцев, еще не прошли проверки с точки зрения их лояльности.

Любое выражение сомнения в благонадежности этих людей грозило серьезными осложнениями, поскольку они уже располагали значительными секретными сведениями. Отстранение их от работы

только увеличивало бы опасность (я припоминаю, что толчком к измене Бенедикта Арнольда послужило недоверие к нему). Кроме того, если бы нам пришлось уволить кого-либо без публичного объяснения причин, возмущение его друзей и коллег серьезно мешало бы их успешной работе.

Действительно, не было никакой возможности подробно ознакомиться с прошлым, степенью лояльности и привычками многих тысяч строительных и эксплуатационных рабочих в Ок-Ридже, Ханфорде и на других объектах. Вообще говоря, проверялись все, однако степень проверки зависела от ряда соображений. Проверка служащих, не имевших доступа к секретным сведениям (водителей грузовиков, работников столовых и тому подобных), ограничивалась полицейской проверкой и сличением отпечатков пальцев. Прошлые тех лиц, которые имели доступ к секретной информации, подвергалось более тщательной проверке.

Каждый из сотрудников, допускавшихся в закрытую зону или к данным, относящимся к ней, должен был предварительно заполнить соответствующую анкету. По каждому сомнительному пункту анкеты проводилось самое тщательное расследование.

Все отпечатки пальцев посылались в ФБР. Если в делах ФБР уже имелись отпечатки кого-либо, они возвращались для повторного сравнения вместе со сделанными ранее при задержании этого лица в прошлом. Большая часть этих сделанных отпечатков была связана с уличными происшествиями и пьянством. Каждый подвергался допросу в тех случаях, когда он не рассказывал сам об истинных причинах его ареста в прошлом. В зависимости от его поведения при допросе, серьезности обвинений в прошлом и, конечно, в зависимости от нашей нужды в людях, его квалификации такой человек либо оставлялся на работе, либо увольнялся. Многие из тех, кто давал неправильные объяснения своим арестам в прошлом, были уволены, однако не меньшее число их было оставлено. Большинство из них впоследствии использовалось на работе не в закрытых зонах.

Другой стороной этой деятельности являлась цензура печати. В этом деле нам большую помощь и содействие оказывало Управление цензуры, возглавлявшееся Б. Прайсом и Н. Говардом, редактором кливлендской газеты «Ньюс». Впоследствии Говарда сменил Локхард

из издательства Скрипс-Говарда, с которым мы в основном и поддерживали контакт.

Общие принципы нашего контроля за информацией были просты: запрещалось опубликовывать материалы, которые могли бы тем или иным путем раскрыть важные сведения или привлечь внимание к той или иной стороне деятельности проекта. И главное, надо было обеспечить, чтобы подобная информация не могла попасть в те органы прессы, которые доступны для противника или людей, достаточно знакомых с успехами науки, чтобы понять, о чем идет речь. Например, опубликование статьи, содержащей важные сведения, в газете города Амарилло (штат Техас) было менее опасным, чем появление статьи на ту же тему в нью-йоркской газете или центральном журнале. Мы не допускали также перепечатки иностранных статей на близкие темы.

Прессе, конечно, не очень нравился этот порядок, однако мы были озабочены в первую очередь тем, чтобы не вызвать интереса к нашей деятельности и возникновению у дотошных репортеров вопросов о назначении Манхэттенского проекта. При этом мы руководствовались очевидными соображениями, что анализ и сопоставление печатной информации является одним из основных источников разведки.

Именно с целью предотвращения появления статей и ненужной рекламы наших работ прессе и радио рекомендовалось избегать употребления некоторых слов, например атомная энергия. В соответствующий список для маскировки его истинного назначения были введены и другие слова, например иттрий. Нам это не очень нравилось, поскольку эти слова уже указывали прессе на какие-то важные государственные дела. Однако Гувер настоял: для гарантии лояльности прессы он был необходим. Мы вынуждены были с ним согласиться. Как выяснилось впоследствии, это была весьма разумная и совершенно необходимая мера.

Мы также требовали от прессы избегать частого упоминания таких географических названий, как Ханфорд, Ок-Ридж, и полностью исключить из употребления слово Лос-Аламос, так же как и любое упоминание о Манхэттенском инженерном округе. Кроме того, мы требовали не упоминать моего имени, чтобы не возбудить у иностранных разведок интереса к тому, чем я занимаюсь.

Однако в газетах городов, соседних с Ок-Риджем или Ханфордом, подобные правила применять было невозможно и нежелательно, так

как это только привлекло бы внимание местного населения. Лос-Аламос мы пытались полностью исключить со страниц прессы, в Ноксвилле же газетам было разрешено освещать темы, связанные с Ок-Риджем. Правда, это допускалось лишь в рамках обычной хроники общественной и частной жизни, исключая все, что могло бы навести среднего читателя на подозрение об истинной цели объекта или его значении.

У нас было несколько неожиданных случаев утечки информации, однако, к счастью, ни один из них, насколько мы могли убедиться, не привлек к себе интереса. Самым опасным по возможным последствиям случаем была радиопередача, в которой обсуждались возможные последствия атомного взрыва. Текст для этой передачи организовал один из репортеров радио. Задержавшись в командировке, он передал его в эфир через одну из небольших станций, где случайно этот текст не был проверен цензурой. Насколько нам стало известно, умышленного разглашения тайны не произошло. Передача была составлена по материалам беседы с одним ученым, непосредственно не связанным с проектом, однако догадавшимся о том, чем мы занимаемся, благодаря своим связям с сотрудниками проекта, работающими в городе, где он жил. Сам текст для репортера написал один из друзей этого ученого. Я не сомневался, что репортер просто добросовестно передал полученный текст по радио. То, что этот текст не был задержан сотрудниками радиостанции, объясняется обычным легкомыслием.

Другим случаем, очень обеспокоившим нас, было появление в одном центральном журнале статьи, в которой делались намеки на метод имплозии. Почему эта статья попала в журнал, несмотря на существование наших правил, казалось нам загадкой. В результате тщательного расследования удалось установить, что источником этих сведений был один очень наблюдательный иностранный журналист.

Еще один неприятный случай произошел незадолго до применения бомбы, когда некий конгрессмен, выступая по поводу закона, связанного с приобретением земель, упомянул о важности Ханфордского проекта. Это место из отчета Конгресса было затем перепечатано одной из газет без всяких комментариев. Я долго не мог избавиться от ощущения, что газета сделала это умышленно, чтобы

показать мне, что наши меры по охране секретности не столь уж эффективны.

После войны наше тесное сотрудничество с прессой не прекратилось. Статьи, написанные лицами, имевшими доступ к секретной информации, неизменно проверялись моими сотрудниками. В одном случае известная газета, узнав об одном нашем крупном строительстве, написала серию статей, в которых особенно подчеркивался необычный характер этого строительства. Издатель так и не согласился со мной, однако он все же снял эти статьи, когда я заявил ему, что они нанесли бы вред интересам США.

Павел Судоплатов: суета вокруг Oppenгеймера

...В 1943–1944 годах мы использовали различные каналы подходов к американским атомным секретам. Нашими главными целями были лаборатории Лос-Аламоса, заводы Ок-Риджа и лаборатории по ядерным исследованиям в Беркли. Мы также пытались проникнуть в промышленные фирмы, выполнявшие заказы, связанные с созданием атомного оружия.

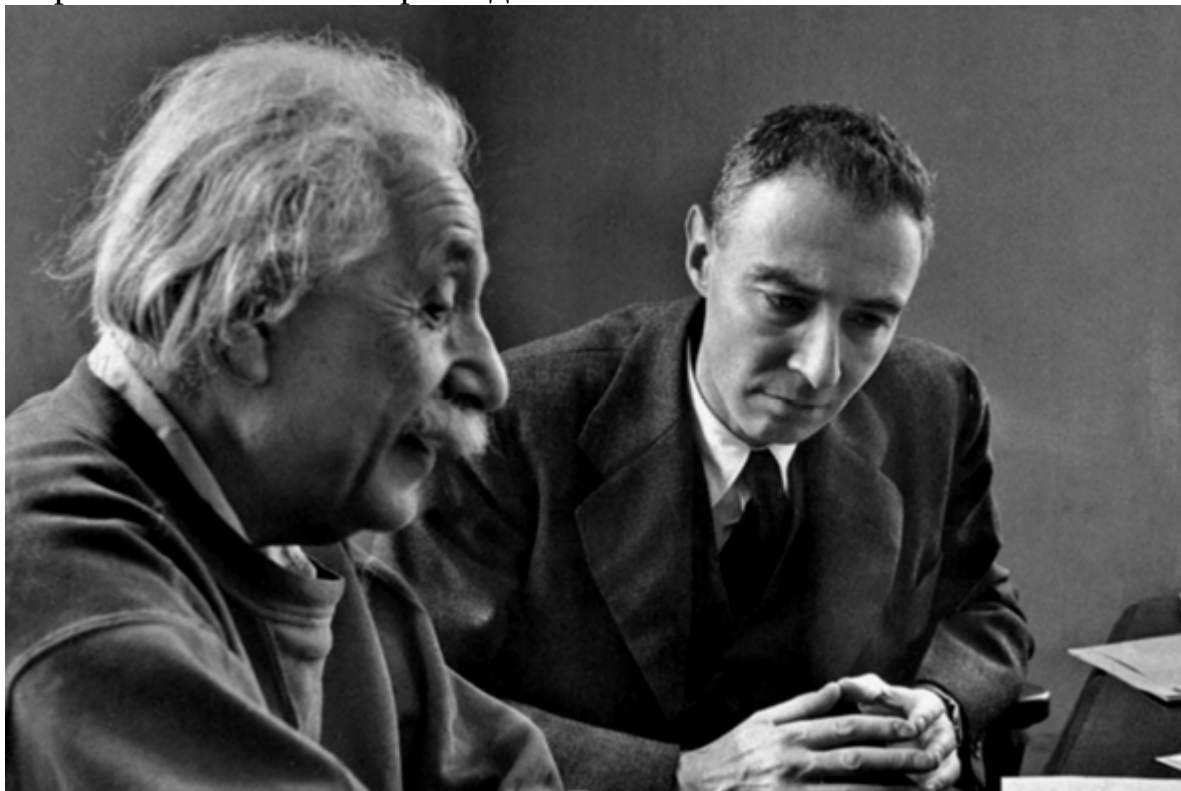
В 1943 году известный актер, руководитель Московского еврейского театра Михоэлс, вместе с еврейским поэтом, нашим проверенным агентом, Фефером совершил длительную поездку в США как руководитель Еврейского антифашистского комитета. Оперативное обеспечение визита Михоэлса и разработку его связей в еврейских общинах осуществлял Хейфец.

Берия принял Михоэлса и Фефера накануне отъезда и дал им указание провести в США широкую пропаганду большой значимости вклада еврейского народа в развитие науки и культуры Советского Союза и убедить американское общественное мнение, что антисемитизм в СССР полностью ликвидирован вследствие сталинской национальной политики.

Зарубин и Хейфец через доверенных лиц информировали Oppenгеймера и Эйнштейна о положении евреев в СССР. По их сообщению, Oppenгеймер и Эйнштейн были глубоко тронуты тем, что в СССР евреям гарантировано безопасное и счастливое проживание. В это же время до Oppenгеймера и Эйнштейна дошли слухи о плане Сталина создать еврейскую автономную республику в Крыму после победы в войне с фашизмом.

Oppenгеймер и Ферми не знали, что уже в то время они фигурировали в наших оперативных материалах как источники информации под кодовыми именами «Директор резервации», «Вексель», «Эрнст». Псевдоним «Вексель» использовался иногда и для источника обобщенных материалов, поступавших от ученых-физиков, участвовавших в американском атомном проекте. Насколько я помню, под общим псевдонимом «Стар» иногда фигурировали Oppenгеймер и

Ферми. Еще раз повторяю — никто из них никогда не был нашим завербованным агентом разведки.



Роберт Оппенгеймер и Альберт Эйнштейн

Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной, сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того, как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка («Лука») постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура Семенова.

Лиза Зарубина, жена Василия Зарубина, резидента в США, была выдающейся личностью. Обаятельная и общительная, она легко устанавливала дружеские связи в самых широких кругах. Элегантная женщина с чертами классической красоты, натура утонченная, она как магнит притягивала к себе людей. Лиза была одним из самых высококвалифицированных вербовщиков агентуры. Она привлекла к

работе беженцев из Польши и одного из помощников Сциларда. Она нашла выход на Сциларда через одного его родственника в Москве, работавшего в специальной лаборатории НКВД по авиационной технике. Лиза прекрасно владела английским, немецким, французским и румынским языками. Она выглядела типичной представительницей Центральной Европы, но могла неузнаваемо менять свою внешность и манеру поведения. Лиза состояла в родственных отношениях с Анной Паукер, видным деятелем румынской компартии. Старший брат Лизы руководил боевой организацией румынских коммунистов, и когда его судил военный трибунал, сумел дважды бежать из зала суда. В 1922 году он погиб в перестрелке.

Лиза стала сотрудником разведывательной службы еще в 1919 году. Одно время она работала в секретариате Дзержинского. Ее первым мужем был Блюмкин, застреливший в Москве в 1918 году немецкого посла графа Мирбаха. Блюмкин являлся ключевой фигурой в заговоре эсеров против Ленина в июле 1918 года. Когда мятеж эсеров провалился, Блюмкин явился с повинной, был прощен и продолжал работать в ЧК-ГПУ, выполняя задания Дзержинского и иногда Троцкого, с которым он также был знаком.

В 1929 году Блюмкин создал нелегальную резидентуру в Турции под видом торговой фирмы, используя финансовые средства, полученные от продажи хасидских древнееврейских рукописей, переданных ему из особых фондов Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Эти деньги предназначались для создания боевой диверсионной организации против англичан в Турции и на Ближнем Востоке. Однако Блюмкин передал часть средств Троцкому который после высылки из СССР жил в Турции. Кроме того, он привез в Москву письмо Троцкого, адресованное Радеку.

Лиза была потрясена этим. Она сообщила об этом руководству. Блюмкин был арестован, а позднее расстрелян.

Через несколько лет Лиза вышла замуж за Василия Зарубина, вернувшегося из Китая. Они были направлены на нелегальную работу в Европу по фальшивым документам — супружеская пара коммерсантов из Чехословакии. Семь лет Зарубины находились в различных странах Западной Европы, успешно провели ряд нужных разведывательных операций в том числе по вербовке сотрудника гестапо Лемана («Брайтенбах») и жены помощника министра

иностранных дел Германии («Юона»), с которой Лиза поддерживала связь до мая 1941 года.

В 1941 году Лизе Зарубиной было присвоено звание капитана госбезопасности. В США она часто ездила в Калифорнию, где Хейфец ввел ее в круг людей, близких к семье Oppenheimer. Благодаря связям Хейфеца Лиза получила все установочные данные на членов семьи и родственников Oppenheimer, отличавшихся левыми взглядами. Хейфец организовал встречу Лизы с женой Oppenheimer Кэтрин, которая симпатизировала Советскому Союзу, коммунистическим идеалам. Насколько я помню, Кэтрин Oppenheimer не фигурировала в оперативных документах как источник информации, но мы работали через женщину, близкую к Oppenheimerу, и, как мне кажется, этой женщиной была его жена.

Ветераны ЦРУ, работавшие у нас весной 1992 года над архивом ЦК КПСС, натолкнулись на материалы Коминтерна о связях Oppenheimer с членами законспирированной ячейки компартии США. Они обнаружили также и запрос нашей разведки Димитрову, председателю Коминтерна, в июне 1943 года с просьбой предоставить данные для использования этих связей.

Лиза Зарубина и Хейфец через жену Oppenheimer Кэтрин убедили Oppenheimer воздержаться от открытого высказывания взглядов в поддержку коммунистов и левых кругов, чтобы не привлекать внимания американских спецслужб. Они также уговорили Oppenheimer поделиться информацией с учеными, бежавшими от преследований нацистов. Oppenheimer согласился это сделать, а также допустить этих людей к научной работе в атомном проекте, если получит подтверждение их антифашистских взглядов.

Таким образом, Oppenheimer, Ферми и Сцилард помогли нам внедрить надежные агентурные источники информации в Ок-Ридж, Лос-Аламос и чикагскую лабораторию. Насколько я помню, в США было четыре важных источника информации, которые передавали данные о работе лаборатории в наши резидентуры в Нью-Йорке и Вашингтоне. Они также поддерживали связи с нашей нелегальной резидентурой, использовавшей для прикрытия аптеку в Санта-Фе. Материалы, которые получал в Нью-Йорке Семенов, а позднее Яцков, поступали от Фукса и одного из наших глубоко законспирированных агентов через курьеров.

Одним из этих курьеров была Лона Коэн. Ее муж, Морис Коэн, был привлечен к сотрудничеству Семеновым. В 1939 году Морис женился на Лоне и также привлек ее к разведывательной работе. Сначала Лона отказывалась от сотрудничества, рассматривая его как измену, но Морис убедил ее, что они действуют во имя высшей справедливости и что такого рода сотрудничество вовсе не является предательством. Центр дал согласие на ее работу, имея в виду, что в нелегальных операциях супружеские пары действуют наиболее эффективно.

Когда Мориса в июле 1942 года призвали на военную службу, было решено в качестве курьера использовать его жену. Яцков («Джонни»), сотрудник советского консульства в Нью-Йорке, принял Лону Коэн на связь от Семенова. Для прикрытия своих поездок в штат Нью-Мексико Лона посещала туберкулезный санаторий под предлогом профилактики. Фиктивное свидетельство о ее заболевании подготовили наши нелегалы в Санта-Фе. В 1992 году Яцков вспоминал о ней как о красивой молодой женщине. Вскоре после того, как в августе 1945 года атомные бомбы были сброшены на японские города, Лона совершила рискованную поездку в небольшой городок Альбукерке. Лона встретилась с агентами «Младом» и «Эрнстом». «Млад», он же молодой физик Т.Холл, отец которого работал меховщиком на фабрике родственников Эйтингона в США, был привлечен к сотрудничеству крупным агентом НКВД в белой эмиграции С.Курнаковым (псевдонимы «Бек», «Кавалерист»). Там ей должны были передать исключительно важные документы для московского Центра. Получив документы, Лона приехала на вокзал к самому отходу поезда с небольшим чемоданом, сумкой и ридикюлем. В условиях введенного в этом городке специального режима служба безопасности проверяла документы и багаж у всех пассажиров. И здесь Лона проявила высокий уровень профессиональной подготовки. Она поставила чемодан перед проверяющими и нервно перебирала содержимое своей сумки в поисках затерявшегося билета. Она передала ридикюль, где под салфетками лежал сверток с чертежами и детальным описанием первой в мире атомной бомбы, кондуктору вагона, который и держал его, пока она искала билет. Лона села в поезд уверенная, что кондуктор обязательно вернет ей ридикюль. Так и произошло. Когда Яцков встретил ее в Нью-Йорке, она сказала ему,

что все в порядке, но полиция почти держала эти материалы в своих руках. Этот эпизод впервые рассказан историком разведки Чиковым.

После ареста Юлиуса и Этель Розенбергов в 1950 году Коэнам удалось ускользнуть от американских властей. В Москве они прошли специальную подготовку как агенты-нелегалы. Получив от нашей службы новозеландские паспорта на имя Питера и Холен Крогер, Коэны осели в Лондоне. Они владели букинистическим магазином и в своем небольшом домике в предместье Лондона оказывали значительную помощь в радиосвязи резиденту КГБ Конону Молодому, действовавшему под именем Гордона Лонсдейла. Коэны были арестованы вместе с ним в 1961 году и приговорены английским судом к двадцати годам тюремного заключения, шесть лет провели в тюрьме, потом их обменяли. После своего освобождения они жили в Москве. Лона умерла в 1992 году, Морис пережил ее на три года.

Среди виднейших ученых, которых мы активно разрабатывали, используя их родственные связи и антифашистские настроения, был Георгий Гамов — русский физик, сбежавший в США в 1933 году из Брюсселя, где проходил международный съезд физиков. Возможность использования Гамова и подходов к нему через его родственников в СССР, которые фактически являлись нашими заложниками, нам подсказал академик Иоффе. Гамов имел широкие связи с американскими физиками и поддерживал дружеские отношения с Нильсом Бором. Мы поручили Лизе Зарубиной добиться его сотрудничества с нами. Лиза вышла на Гамова через его жену, тоже физика. Гамов преподавал в Джорджтаунском университете в Вашингтоне и, что особенно важно, руководил в Вашингтоне ежегодными семинарами по теоретической физике. Таким образом, он мог обсуждать с ведущими физиками мира последние, самые перспективные разработки.

Нам удалось воспользоваться широкими знакомствами, которыми располагал Гамов. Лиза Зарубина принудила жену Гамова к сотрудничеству в обмен на гарантии, что родственникам в Союзе будет оказана поддержка в трудные военные годы.

Мне помнится, что в некоторых случаях американские специалисты нарушали правила работы с секретными документами и показывали Гамову отчеты об опытах, консультировались у него. Нарушение режима работы с документами делалось по общему

согласию ученых. Проверка ФБР в 1948 году установила исчезновение более 1500 страниц из отчетной документации по созданию атомной бомбы в Лос-Аламосе. Однако от Гамовых удалось получить в устной форме общие характеристики ученых, узнать их настроения, оценки реальной возможности создания атомной бомбы. Мне кажется, что между Бором, Ферми, Оппенгеймером и Сцилардом была неформальная договоренность делиться секретными разработками по атомному оружию с кругом ученых-антифашистов левых убеждений.

Другой источник информации в Теннесси, получавший сведения от Ферми и Понтекорво, был связан с нелегальной группой, также использовавшей как прикрытие аптеку в Санта-Фе, откуда материалы пересылались с курьером в Мексику. Насколько я помню, три человека — научные сотрудники и клерки — копировали наиболее важные документы, получая к ним доступ от Оппенгеймера, Ферми и Вейскопфа,

Аптека в Санта-Фе (штат Нью-Мексико) была для нелегальной резидентуры, созданной в США Эйтингоном и Григулевичем в операции против Троцкого, запас-нойявкой в 1940 году. Какя уже писал, Эйтингон и Григулевич получили тогда от Берии широкие полномочия вербовать агентов без санкции Центра. К 1940 году у Григулевича за плечами был большой опыт разведывательной работы. В 30-х годах в Литве он принимал участие в ликвидации провокаторов охраны, проникших в литовский комсомол, затем участвовал в операциях против троцкистов за границей, воевал в Испании. Для действий в Латинской Америке у Григулевича было надежное прикрытие — сеть аптек в Аргентине, которой владел его отец.

В главе о Троцком я писал, что Эйтингон и Григулевич создали параллельную нелегальную сеть, которую можно было использовать в США и Мексике вне контактов с испанской эмиграцией в этих странах. Уезжая из Америки в 1941 году, Эйтингон и Григулсвич. аптеку оформили на одного из агентов их группы. Теперь эта сеть помогла выйти на интересующие нас источники информации по атомной проблеме.

Лесли Гровс: Ок-Ридж

...Другим центром по получению материалов для бомбы, кроме Ханфорда, был Ок-Ридж. Здесь были расположены все наши заводы, где ничтожные количества урана-235 отделялись от основного изотопа — урана-238.

В принципе существовало несколько способов для осуществления этого процесса, однако пригодными с точки зрения наших планов оказались только два: электромагнитный газодиффузионный (методы жидкостной термодиффузии и центрифугирования еще не были разработаны). Строительство соответствующих заводов было утверждено в конце 1942 г., т. е. почти одновременно с началом строительства плутониевого завода в Ханфорде. В 1944 г. мы решили построить еще один термодиффузионный завод в Ок-Ридже.

Подробная история заводов в Ок-Ридже и тех исследований, в результате которых они были созданы, заняла бы несколько томов. Я постараюсь нарисовать лишь общую картину этого гигантского комбината, известного в те времена под названием Клинтонского инженерного завода, и рассказать об основных трудностях на пути к получению делящихся материалов для бомбы, способной положить конец войне.

Сначала мы решили, что отдельные урановые заводы в Ок-Ридже нужно располагать как можно дальше один от другого, ибо если один из них постигнет катастрофа, другие не пострадают от взрыва или загрязнения. Поэтому электромагнитный и газодиффузионный заводы были расположены в лощинах на расстоянии 27 километров друг от друга. Позднее, однако, когда строился термодиффузионный завод, мы пренебрегли этими соображениями и построили его в непосредственной близости от парогенерирующей станции газодиффузионного завода, чтобы использовать пар максимально высокой температуры.

Электромагнитный завод (его условное название Y-12) занимал площадь около 330 гектаров в юго-восточной части запретного района, недалеко от Ок-Риджа. По количеству рабочих этот завод был самым большим в комбинате. Его строительство было начато (в феврале

1943 г.) и закончено (первая очередь в ноябре 1943 г.) раньше других. В течение года он был единственным действующим заводом, а до 31 декабря 1946 г. оставался единственным, где получали готовый продукт — полностью обогащенный уран, т. е. такой, какой необходим для бомбы.

Электромагнитный процесс был важнейшим звеном Манхэттенского проекта. Назначение процесса состояло в выделении урана-235 из природного урана в количествах и концентрации, достаточных для создания оружия. По своему существу это больше физический, чем химический, процесс, хотя в приготовлении материала химия играла большую роль. В принципе идея метода основана на том факте, что более тяжелый ион описывает в магнитном поле дугу большего радиуса, чем менее тяжелый. Таким путем можно разделить различные изотопы одного элемента.

Чтобы реализовать этот способ в крупных масштабах, пришлось провести колоссальные физические и химические исследования и, кроме того, выполнить множество исследований в сопряженных областях науки, таких, как металлургия, биология и медицина. Мы должны были спроектировать, построить и наладить эксплуатацию громадного завода с оборудованием невероятной сложности, не располагая при этом опытом полупромышленного характера. Идея создания полупромышленной установки из-за недостатка времени была оставлена с самого начала. По этой же причине исследования, проектирование и строительство велись почти одновременно и не могли основываться на каком-либо опыте.

Мы никогда не решились бы на столь рискованный эксперимент, если бы не глубочайшее доверие, которое мы испытывали к способностям и энергии Э. Лоуренса. Еще в самом начале атомных работ Лоуренс убедился, что электромагнитное разделение осуществимо, однако его оптимизм мало кто разделял. Этот метод требовал использования огромного количества исключительно сложных, еще не разработанных устройств, связанных с высокими напряжениями, высоким вакуумом и сильными магнитными полями. Для крупномасштабного производства этот метод казался почти неприемлемым. Дж. Фелбек, руководивший разработкой газодиффузионного процесса по заданию фирмы «Юнион карбайд», однажды сказал, что электромагнитное разделение напоминает ему

поиски иголки в стоге сена человеком в боксерских перчатках. Правда, для получения небольших количеств чистого урана-235 пригодность этого метода не вызывала сомнений. Мы все же воспользовались этим методом, ибо надеялись, что он обеспечит нам получение необходимого продукта в больших количествах.

Дальнейшие события подтвердили правильность нашего решения. Только благодаря ему мы смогли получить первые образцы урана-235 для экспериментов в Лос-Аламосе и несколько позднее для бомбы, сброшенной на Хиросиму. Без этого урана мы запоздали бы и с изготовлением плутониевой бомбы.

Еще задолго до начала необходимых исследований и до разработки основного оборудования мы начали проектировать и строить здание завода. Строительством вела фирма «Стоун и Вебстер». За научную разработку процесса отвечала Радиационная лаборатория Калифорнийского университета, возглавляемая Лоуренсом, и, наконец, эксплуатацию завода мы поручили фирме «Истмэн-Кодак», филиал которой «Теннесси Истмэн» имел большой опыт в химических производствах.

Во всей стране было всего три фирмы, которым мы могли, по нашему мнению, доверить изготовление электротехнического оборудования завода. Чтобы не перегружать каждую из них, мы распределили заказы между ними: «Дженерал электрик» поручалось производство электросилового оборудования, «Эллис-Чалмерс» — производство магнитов и «Вестингауз» — производство вакуумных камер.

Создание и эксплуатация такого завода вызвали много новых инженерных проблем, поскольку лабораторные методы обработки граммовых количеств урана нужно было приспособить для обработки тонновых. Успешность операции зависела от согласованности работы ученых, конструкторов, инженеров, строителей и наладчиков. Все привлеченные фирмы имели в Беркли столько своих представителей, сколько им было необходимо. Около 50 ведущих специалистов было переброшено из Беркли в фирму «Теннесси Истмэн». Еще одна большая группа ученых и инженеров из этой лаборатории постоянно находилась в Ок-Ридже, оказывая помощь в установке и наладке оборудования.

Нам с самого начала было ясно, что масштабы и стоимость завода будут гигантскими. Первая очень приблизительная оценка расходов выразилась в сумме порядка 12–17 миллионов долларов. Скоро она увеличилась до 35 миллионов. Эти подсчеты относились, правда, к проекту завода, значительно меньшего, чем тот, который был окончательно построен. В своем первом докладе президенту Рузвельту в начале декабря 1942 г. Военно-политический комитет определил стоимость всего проекта в 400 миллионов долларов.

В то время мы считали, что на электромагнитный процесс из этой суммы придется порядка 100 миллионов. Все эти расчеты были лишь приблизительными, так как никто не имел ясного представления о производительности такого завода и его масштабах. Стоимость сооружения завода за вычетом стоимости необходимого нам серебра, взятого в займы в государственном казначействе, на 31 декабря 1946 г. составила 304 миллиона долларов. На научные исследования было истрачено 20, на сооружение — 6 и на эксплуатацию — 204 миллиона долларов. Только стоимость электроэнергии составила около 10 миллионов долларов.

Приступая к строительству зданий, мы предполагали, что необходимую степень обогащения урана может обеспечить двухстадийный технологический процесс. Эти отдельные стадии процесса мы называли альфа и бета-стадиями. На альфа-стадии исходным продуктом будет естественный уран. Однако степень получаемого здесь обогащения могла оказаться недостаточной для бомбы. Необходимого обогащения мы рассчитывали достичь на второй, бета-стадии. Первоначальная конструкция разделительной установки для альфа-стадии имела вид большого овала, состоящего из 96 магнитов и 96 приемных камер. Почти сразу кто-то из калифорнийских ученых придумал для нее название «рейстрек» (т. е. гоночный трек), которое за ней и закрепилось.

Разделительные установки для бета-стадии должны были работать на продукте, получаемом на альфа-стадии. Конструктивно они должны были напоминать альфа-установки, и поскольку не было твердой уверенности в том, что они нам будут необходимы, мы решили сначала построить установки для альфа-стадии.

В окончательном виде завод Y-12 состоял из пяти альфа-установок (каждая из девяти рейстреков), трех бета-установок с

восемью рейтреками по 36 магнитов, химических и других вспомогательных корпусов. Установки были огромные. Например, два здания для альфа-установок занимали площадь по 18 тысяч квадратных метров каждое; внутри они представляли собой самый сложный лабиринт из труб и другого оборудования. Большая часть оборудования превосходила по масштабам и точности изготовления все, что до сих пор когда-либо разрабатывалось. Многие узлы были созданы заново. Из-за трудностей в снабжении и кадрах, постоянной спешки и перегруженности фирм-поставщиков другими заказами все это уникальное оборудование изготавливалось в тяжелых условиях.

Сооружение завода таких масштабов в короткие сроки требовало хорошо организованной и четко управляемой армии строителей. Чтобы сформировать такую армию, представители фирмы «Стоун и Вебстер» опросили около 400 тысяч человек и завербовали во всех концах страны наиболее опытный руководящий персонал.

Фирма «Теннесси Истмэн» начала немедленно обучать свой руководящий персонал методам эксплуатации электромагнитных заводов на экспериментальных установках, уже работавших в Радиационной лаборатории Калифорнийского университета.

Тогда же начался набор эксплуатационного персонала для заводов. Сначала мы считали, что обойдемся штатом в 2500 человек. Но это предположение оказалось грустным свидетельством нашей неспособности предвидеть масштаб и сложность предприятия. На самом деле впоследствии штат завода составил 24 тысячи человек. Основная трудность при наборе обслуживающего персонала состояла в том, что мы не знали наших будущих потребностей в людях. Тем не менее, к моменту пуска каждого завода его штат должен был быть укомплектован.

Часто при подготовке обслуживающего персонала приходилось искажать и маскировать смысл будущей работы, с тем чтобы избежать утечки секретной информации.

Вначале при Университете штата Теннесси в Ноксвилле были организованы курсы, которые затем были преобразованы в училище и перенесены сначала в Ок-Ридж, а затем непосредственно на завод. Для удобства обучения и отработки методов эксплуатации во избежание потери драгоценного продукта на альфа-стадии установки бета-стадии некоторое время работали на небогатом естественном уране.

На протяжении всего строительства и эксплуатации завода Y-12 разнообразие, неожиданность и сложность возникающих проблем требовали от руководителей изобретательности и энергии. Их успешное решение служит подтверждением блестящих качеств окриджских руководителей. Одним из труднейших моментов оказалась своевременная и правильная последовательность поставки технологического оборудования. При этом не следует забывать об огромном количестве этого оборудования: гигантских овальных электромагнитов, вакуумных приемных камер, генераторов, вакуумного оборудования, установок по химическому выделению продукта и тысяч других аппаратов. О количестве оборудования дает представление тот факт, что в течение только двух недель было получено 128 вагонов одного лишь электрооборудования. Для хранения прибывающего оборудования в ожидании поступления узлов, которые должны были быть установлены ранее, был построен специальный склад. Особо секретные детали хранились на специальной, строго охраняемой территории в нераспакованном виде вплоть до момента установки.



Зал управления завод Y-12

Монтаж первого рейстрека начался, когда строительство другого крыла здания еще не было закончено. В тот же день, когда была закончена установка мостовых кранов и залита бетонная крыша здания, началась распаковка и установка тяжелых магнитов.

Когда сооружение здания подходило к концу, его площадь была разбита на отдельные сектора, доступ в которые был установлен только по специальным пропускам. Это вызвало поначалу замешательство, однако со временем люди привыкли к ограничениям, и темп работ существенно не снизился.

Одной из серьезных неполадок, с которой мы столкнулись при налаживании оборудования, был выход из строя магнитов. Эти огромные магниты были целиком заключены в толстую сварную оболочку из стали. После длительных догадок и рассуждений о причинах неисправности мы решили вскрыть один из них, надеясь,

что визуальное исследование поможет найти дефект. Магнит после этого должен был быть отправлен обратно фирме-изготовителю для устранения дефектов.

По всей вероятности, неисправность была обусловлена неверной конструкцией серебряной обмотки, витки которой располагались слишком близко один от другого, или засорением наполнявшего полость магнита масла. Эти примеси забивались в узкие зазоры между витками, периодически вызывая их замыкание.

Я считал подобные факты совершенно недопустимыми. Конструкция таких ответственных узлов должна была быть более надежной. В задании на изготовление магнитов следовало предусмотреть степень чистоты циркулирующего масла и требование невозможности его засорения при эксплуатации. Самым неприятным было то, что никто из нас и не подумал раньше о серьезных недостатках этой конструкции. Еще более досадным было узнать, что Лоуренс имел подобные неприятности на одном из своих циклотронов.

Когда обнаружили неисправность магнитов, сооружение одного рейстрека было уже закончено, второй — близок к завершению, а монтаж третьего только начался. Мы приняли самые срочные и энергичные меры для исправления положения. Магниты были демонтированы и отправлены в Милуоки для переделки. Массивные серебряные обмотки уложили заново, теперь уже с большим зазором. Был срочно построен специальный завод для травления стали, все стальные патрубки подвергались обработке для полного удаления ржавчины. Затем все детали были собраны с соблюдением самых тщательных мер предосторожности. Все вновь устанавливаемое оборудование впоследствии подверглось аналогичной обработке. Конструкцию магнитов немедленно исправили. В дальнейшем у нас не наблюдалось ни одного случая выхода из строя магнитов.

При общем анализе ситуации мы обнаружили, что саботажник, проникший в состав персонала, легко может подбросить в масло через заправочные люки горсть железных опилок, что выведет из строя секцию рейстрека. Поэтому около этих мест мы немедленно установили посты наблюдения.

Одной из серьезных трудностей, которую мы, как не имевшие ранее дела с такими мощными магнитами, не могли предвидеть, было смещение многотонных камер под влиянием магнитных сил. Камеры,

весившие около 14 тонн, сдвигались на расстояние порядка 7–8 сантиметров, что вызывало сильные напряжения в присоединенных к ним трубах. Эта проблема была решена после закрепления камер приваренными к ним толстыми стальными полосами.

Другой неприятностью были запасные детали. Определить потребность в них до эксплуатации завода было невозможно, и поэтому количество тех или иных деталей определялось практически наугад. В результате мы начали быстро испытывать острую нужду во многих деталях, в то время как другие мертвым грузом лежали на складах. Для лабораторных исследований нам требовались некоторые крайне редкие вещества, например самарий, рений, иттрий и другие редкие и редкоземельные элементы. Некоторые из веществ, раньше использовавшихся ограниченно, требовались в больших количествах. Например, только один рейстрек на альфа-стадии потреблял еженедельно до 15 тысяч литров жидкого азота.

Однажды работа одной из камер рейстрека была остановлена: внутрь вакуумной системы попала мышь. Ее присутствие там не позволяло достигнуть необходимого высокого вакуума. После нескольких дней безуспешных поисков неисправности камера была отключена и разобрана. Останки мыши (кусочки шкурки и хвост) объяснили нам причину неисправности, однако как мышь могла попасть в камеру, так и осталось для нас тайной.

Более серьезные неприятности причинила нам птица, однажды севшая на внешнюю электрическую проводку и вызвавшая короткое замыкание сети. Пришлось отключать сеть, а это вызвало перерыв в работе установки на несколько дней.

Были другие причины, вызывавшие перебои в подаче тока — грозы, неисправности выключателей и генераторов, питавших обмотки магнитов, и т. д.

Многие используемые нами материалы были исключительно ценными. Для предотвращения их непроизводительных потерь была установлена строгая отчетность. Такие отходы, как трубы, ветошь, фильтровальные материалы, бумага, резиновые перчатки, одежда, собирали и тщательно сохраняли с тем, чтобы потом извлечь имевшиеся на них ничтожные количества урана, в особенности его изотопа урана-235.

Через каждые четыре недели на установках альфа-стадии и через две — на установках бета-стадии производилась инвентаризация. Проводились исследования по изучению возможных потерь.

В начале 1946 г. был введен еще один метод проверки — «детектор лжи». Он применялся в основном к персоналу, имевшему доступ в химический корпус, где получали окончательный продукт с целью установления кражи урана или осведомленности о такой краже. На первых испытаниях присутствовал сам изобретатель этого прибора, а в дальнейшем нам помогал один из его помощников.

Громадное количество одного из использовавшихся нами драгоценных материалов потребовало проведения особой операции. Летом 1942 г. из предварительных расчетов стало ясно, что нам понадобится огромное количество хорошо проводящего металла для обмоток и шин. Поскольку, однако, потребность оборонной промышленности в меди превышала ее запасы в стране, правительство приняло решение частично заменять медь, где это возможно, серебром из запасов государственного казначейства.

По этому поводу полковник Маршалл посетил второго секретаря казначейства США Д. Белла. Последний заявил, что он располагает 47 тысячами тонн свободного серебра и еще около 39 тысяч тонн серебра, для использования которого нужно разрешение Конгресса. Я говорю здесь о тоннах серебра, хотя мера исчисления этого металла была причиной небольшого забавного инцидента, случившегося с Николсом, когда он во время переговоров упомянул о пяти — десяти тысячах тонн необходимого нам серебра. В ответ он услышал: «Полковник, в казначействе не принято говорить о тоннах. Единицей веса серебра является унция» (одна унция примерно равна 30 грамм).

По условиям выработанного соглашения необходимое серебро мы должны были получить из хранилищ в Вест-Пойнте и вернуть его обратно через шесть месяцев после окончания войны. Кроме того, было предусмотрено, что прессе об этой операции не будет сообщено и что казначейство сохранит его на своем балансе. За исключением описанного выше мелкого инцидента, все наши взаимоотношения с казначейством носили самый теплый и сердечный характер.

Ни одна из частных фирм по вполне понятным причинам не могла взять на себя ответственность за сохранность такого количества серебра, поэтому Манхэттенский инженерный округ вынужден был

взять эту ответственность на себя. Это потребовало создания специальных отдельных подразделений для охраны и учета серебра, учреждения особой инспекции с привлечением квалифицированных консультантов и организации переработки серебра в нужные нам проводники.

Серебряные слитки были переданы нам в Вест-Пойнте по ведомости. Мы доставили их на завод, где из них были отлиты стержни, более пригодные для изготовления из них шин и обмоток. Для обмоток крупных магнитов, потреблявших основное количество серебра, одна фирма изготовила полосы, которые были переданы затем фирме «Эллис-Чалмерс», где их, тщательно изолировав, наматывали на ярмо магнитов.

На всех стадиях обработки серебра специальная охрана Манхэттенского проекта наблюдала за обращением с ним и сопровождала все перевозки. Только перевозку готовых магнитов мы решили не охранять, поскольку серебряные обмотки были скрыты под тяжелой сварной оболочкой из стали. Вскрыть эту оболочку стоило многих трудов, и мы убедились в этом, когда разбирали один из магнитов в Ок-Ридже. Кроме того, мы не имели оснований не доверять работникам железных дорог.

Несмотря на колоссальную стоимость серебра, мы стремились ограничиться лишь самыми необходимыми мерами предосторожности и, принимая эти меры, в первую очередь стремились замаскировать сам факт использования серебра.

Для этого применялись кодированные коммерческие документы, в качестве адресатов использовался невоенный персонал и т. д. Естественно, все устные и письменные средства передачи сведений велись в соответствии с установленным порядком обращения с совершенно секретной информацией.

Каждое лицо, связанное с этой деятельностью, подвергалось детальной предварительной проверке, и те, кто не прошел ее, не допускались на территорию, где велись эти работы. Серебро, находившееся в зоне производства, охранялось круглосуточно.

Обычное наблюдение за сохранностью тайны осуществлялось сотрудниками службы безопасности и разведки местного округа инженерных войск. Наблюдение же за всей операцией по использованию серебра велось особой группой сотрудников округа.

Наша система учета серебра была очень сложной, так как должна была отражать все этапы превращения 14 тонн серебра в различные изделия с точностью до последней унции.

Для организации учета была привлечена одна известная нью-йоркская бухгалтерская фирма, обеспечившая постоянную проверку системы отчетности.

Мы не предпринимали никаких действий по извлечению серебра из отходов до тех пор, пока ожидаемая стоимость извлеченного серебра не оказывалась сравнимой с расходами по его извлечению. Несмотря на это, за все время мы потеряли лишь 35 тысячных процента от полного количества государственного серебра, оценивавшегося в 300 миллионов долларов.

Электромагнитный процесс создавал ряд специфических трудностей, поскольку уран — это и радиоактивное и ядовитое вещество. Многие из других использовавшихся материалов также доставляли серьезные неприятности при обращении с ними. В производстве широко использовались установки с высокими температурами и давлениями и даже такие опасные вещества, как фосген. В больших количествах применялся жидкий азот, имеющий температуру 196 °С ниже нуля. Для производства было характерно использование огромных количеств электроэнергии. Только одна камера, а их было 96 в каждой рейстрекке альфа-стадии и 36 в рейстрекке бета-стадии, потребляла столько же энергии, сколько крупная радиостанция.

Чтобы гарантировать точное выполнение норм техники безопасности, установленных в инженерных войсках, и заодно подчеркнуть еще раз их важность, я вскоре после начала работ выпустил дополнительную инструкцию по технике безопасности. По этой инструкции о всяком несчастном случае надо было немедленно телеграфом сообщать лично мне, а не позже чем через сутки после этого направлять подробный рапорт с указанием всех деталей и тех мер, которые приняты для предотвращения подобных случаев в будущем.

За все время работы завода произошло восемь несчастных случаев со смертельным исходом. Пять человек были убиты током, один отравлен ядовитым газом, один погиб от ожогов и еще один разбился, упав с большой высоты.

Колоссальные трудности с наладкой оборудования, с устранением неисправностей, борьба за повышение производительности и ликвидацию потерь, неподготовленность обслуживающего персонала, работавшего среди еще не убранного строительного мусора, не смогли помешать фирме «Теннесси Истмэн» успешно справиться с заданием. Первая партия обогащенного урана была отправлена в Лос-Аламос в марте 1944 г., т. е. примерно через год после начала строительства завода. Концентрация этого урана была еще невысокой, но достаточной для экспериментаторов, ожидавших его с нетерпением.

Самый ответственный момент наступил незадолго перед сбрасыванием бомбы на Хиросиму. В письме Оппенгеймеру, датированном 3 июля 1945 г., Николс сообщил о количестве материала, который будет отгружен для Лос-Аламоса к 24 июля. Работа в Ок-Ридже стала еще более лихорадочной, чем обычно, и к назначенному сроку запасы материала даже превысили количество, указанное Николсом.

Химические операции при электромагнитном процессе обычно представляются как вспомогательные по сравнению с грандиозной физической идеей всего проекта. Это далеко не так. Ведь поскольку с химии начинался и химией заканчивался любой процесс разделения урана, эффективность всего производства зависела от химических производств не меньше, чем от физических. Химики-ученые и химики-технологи должны были идти в ногу с новыми открытиями в области физики. Они так же, как и физики, вынуждены были создавать производство, не располагая достаточными данными. Они не могли опаздывать, чтобы не сорвать всей программы. И они, действительно, ни разу нас не подвели.

Газодиффузионный процесс (позднее получивший условное название проект К—25), гигантский по масштабам многоступенчатый метод отделения урана-235 от урана-238, основанный на явлении молекулярной диффузии, был совершенно новым. Он основывался на явлении, заключающемся в том, что если газообразное соединение урана прокачивать через пористую перегородку, то более легкие молекулы, в состав которых входит изотоп урана с атомным весом 235, будут проникать через перегородку быстрее более тяжелых молекул, содержащих уран-238. Основой всего метода была, следовательно, перегородка — пористая тонкая металлическая мембрана, имевшая

несколько миллионов микроскопических отверстий на квадратный сантиметр. Эти мембраны сгибали в трубы и помещали в герметическую полость — диффузионную камеру. Когда через каскад таких камер прокачивался газообразный гексафторид урана, последний постепенно обогащался легкой фракцией. Однако разность масс молекул гексафторида урана-238 и урана-235 столь мала, что для достижения заметного обогащения этот процесс надо было повторять тысячи раз.

Основные научные исследования были выполнены лабораторией Колумбийского университета с условным названием СЭМ (спешиэл эллой мэтириэлс — специальные сплавы), которую возглавляли Юри и Даннинг. В ноябре 1942 г. эти исследования были признаны комитетом С—1 следующими по важности после электромагнитного и плутониевого проектов. В следующем месяце был заключен официальный контракт с компанией М. У. Келло на проведение ею научной разработки, проектирования, обеспечения оборудованием и строительства завода по получению урана-235 с производительностью и степенью обогащения, достаточными для создания бомбы. Для удобства и обеспечения секретности эта компания организовала отдельный специальный филиал «Келлекс», которому и была поручена вся работа по проекту. Между «Келлексом» и Колумбийским университетом установилась тесная связь. «Келлекс» получил от университета основные теоретические данные о процессе и на их основе организовал проектирование промышленного предприятия.

Филиал «Келлекс» возглавлял высококвалифицированный инженер Кейт. Первоначально предполагалось поручить «Келлексу» и строительство завода, однако я, учитывая объем необходимых научных проектных работ, воспрепятствовал этому. Контракт на строительство был заключен с фирмой «Джонс компани» из штата Северная Каролина, известной мне ранее отличным исполнением работ для армии. Эксплуатацию предполагалось поручить компании «Юнион карбайд». Общее руководство нашими работами в этой компании осуществляли ее вице-президент Дж. Рэферти и Л. Блисс, а эксплуатацией непосредственно руководил Фелбек.

Мы знали, что потребность в энергии завода К—25 будет высокой. Многие месяцы как до сооружения, так и после сооружения завода мы ошибочно были убеждены, что если подача электроэнергии

прекратится хотя бы на долю секунды, то завод нельзя будет пустить снова в течение многих дней. Некоторые называли даже срок порядка двух с половиной месяцев. Как оказалось впоследствии, это предположение было неправильным. Тем не менее все наши проекты были построены с его учетом. В частности, по этой причине мы не решились полагаться только на гидроэлектростанцию Теннесси, линия передачи которой получалась довольно длинной и, следовательно, подверженной различным случайностям. Дополнительно в Ок-Ридже была построена специальная тепловая электростанция, которая попутно удовлетворяла еще, правда, не столь большую потребность завода в электроэнергии нестандартной частоты. Использование тока нестандартной частоты было довольно частым явлением на заводах Манхэттенского проекта. Мы не могли идти на облегчение задачи, используя оборудование, рассчитанное на использование тока стандартной частоты, так как это означало бы риск.

Для защиты нашего энергоснабжения от случайностей электроэнергия от теплоэлектроцентрали к газодиффузионному заводу подавалась по подземному кабелю. Несмотря на эти предосторожности, один случай вредительства все-таки был. Форма его, правда, была одной из примитивных: в резиновую оболочку силового кабеля был забит гвоздь. Преступника нам так и не удалось найти. Вероятнее всего, это было сделано каким-то озлобленным рабочим.

Основная трудность при строительстве этого завода, которую мы не могли устранить почти до конца 1944 г., была связана с изготовлением материала для мембран, являвшихся основой всего процесса. Задержка с получением этого материала мешала нам монтировать оборудование завода. Чтобы дать представление о степени этой неприятности, достаточно сказать, что на строительство и заказ специального оборудования уже было израсходовано 200 миллионов долларов, а еще никто не знал, сможем ли мы располагать достаточным количеством материала для мембран. Все же, несмотря на такую серьезную опасность, мы форсировали строительство крупнейшего в истории завода, одни только помещения которого занимали площадь более четырех тысяч гектаров.

Первое успешное разделение изотопов урана методом газовой диффузии было осуществлено в Колумбийском университете в январе

1942 г., а первая большая лабораторная установка была собрана лишь к октябрю. Мембрана этой установки была не больше серебряной монеты в один доллар. Для испытания отдельных узлов завода впоследствии строили различные опытные установки, однако полная полупромышленная модель завода так и не была создана. Ок-риджский завод был уникальным в этом отношении. Его проект был создан на основе опыта эксплуатации установки с мембранной площадью меньше 13 квадратных сантиметров. Однако ценность даже этого опыта стала очень сомнительной, когда обнаружилось, что использованный в опытной установке материал не удастся применить в условиях завода. Основная заслуга компании «Юнион карбайд» в период проектирования и строительства завода заключалась как раз в разработке удовлетворительного материала для мембран и в организации его массового производства через десять месяцев после создания.

Проблема разработки и изготовления насосов для прокачивания газа через диффузионные секции была решена компанией «Эллис-Чалмерс». Кейт буквально обшарил всю промышленность США и пришел к выводу, что единственной нашей надеждой может быть только эта компания. При первом разговоре ее представители не были склонны браться за работу главным образом из-за перегруженности другими военными заказами. Тогда Кейт попросил нескольких специалистов из «Юнион карбайд» и меня поехать в Милуоки, чтобы убедить «Эллис-Чалмерс» принять наш заказ. Эта компания уже участвовала в работах проекта, занимаясь производством гигантских магнитов для электромагнитного завода, и ее президент весьма нежелательно отнесся к нашим новым просьбам. Но в конце концов он дал согласие на переговоры с главным инженером. Каково же было наше удивление, когда главный инженер заявил о возможности выполнения этого заказа: компания уже производила насосы такого типа, правда, несколько меньшей мощности. Договор компания выполнила безупречно.

На обратном пути из Милуоки нам пришлось провести ночь в Чикаго. В номере гостиницы мы горячо обсуждали очередную важную проблему: как предотвратить опасность выхода из строя одной из многих секций. Следя за дискуссией, я выразил недоумение: почему нельзя просто отключить вышедшую из строя секцию. Разница в

составе газа в двух соседних секциях должна была быть ничтожно малой, поэтому я не понимал, как могут последующие секции «почувствовать» отключение одной из предыдущих. Вопрос, заданный как бы невзначай, на самом деле тут же подсказал ответ. Этот случай является примером часто возникающей ситуации, когда правильное решение приходит в голову постороннему, а не тому, кто долго бьется над ним.

Чтобы уменьшить последствия коррозии, мы предполагали изготавливать все трубопроводы общей длиной в сотни километров из чистого никеля. «В этом случае, — указал К. Килер, руководитель компании „Крейслер“, которая должна была изготавливать диффузионные секции, — наши потребности в никеле превысят его мировую добычу». Он настаивал на толстом (до 10 сантиметров) никелевом покрытии. Беспрецедентная сама по себе задача покрытия толстым слоем никеля внутренней поверхности труб была решена одной небольшой фирмой в Белльвилле (штат Нью-Джерси). Эта фирма изобрела оригинальный способ никелирования, при котором в качестве электролизера использовалась сама труба. Для получения однородного покрытия труба во время процесса вращалась. Изобретательность этой фирмы избавила нас от крайне сложной проблемы.

Нам были необходимы приборы для регистрации различных изотопов одного и того же химического элемента. Это требование было также беспрецедентным в истории науки. Кроме того, существовала еще проблема регулирования потока газа внутри очень чувствительной к колебаниям давления системы огромной протяженности. Меня эта опасность волновала меньше, чем других, и, вероятно, потому, что я подходил к ней как инженер, а не как теоретик. Мнение многих английских ученых было крайне пессимистическим. Практически нельзя добиться такой регулировки потока, при которой бы не возникали колебания и внутренние возмущения в системе, — считали одни. Образующиеся в результате этих возмущений волны будут сильно снижать эффективность установки и даже смогут повредить мембраны. Другие прямо заявляли, что установка не сможет работать.

Нам нужно было быть абсолютно уверенными в том, что в трубопроводах протяженностью в сотни километров, особенно в

местах их сварки, течь воздуха внутрь системы будет не больше, чем через отверстие от булавки. Эту задачу решили инженеры промышленных фирм. Применение усовершенствованного гелиевого течеискателя позволило устанавливать свищи в каждом отрезке системы труб еще до ее монтажа. Мы не могли допустить даже малейшей негерметичности системы, поэтому пришлось разработать новые методы сварки. Как только важность абсолютной герметичности всей системы стала для нас очевидной, мы не останавливались ни перед чем, чтобы достичь ее. В частности, были организованы специальные курсы для сотрудников фирм, связанных с изготовлением оборудования для завода К—25 или его эксплуатацией.

Весьма серьезный вопрос, связанный с газодиффузионным заводом, возник, когда научный совет по технике безопасности предупредил нас о возможности случайного взрыва делящегося материала при скоплении его где-либо внутри системы. Этим опасениям было уделено самое пристальное внимание, хотя лично я сомневался в их оценке этой опасности. Меня поддержали Николе, Конэнт и Толмен. Совет, по нашему мнению, преувеличивал опасность. После обсуждения этого вопроса еще с Фелбеком и Кейтом мы решили игнорировать мнение совета.

Очистка оборудования перед его установкой имела решающее значение, поэтому мы стремились производить ее по нормам, принятым в хирургии. Она состояла в полном удалении с изделий грязи, жира, окиси, окалина и других посторонних примесей. Присутствие любой из них, даже в ничтожных количествах, могло привести к полному провалу всей программы.

Методы очистки были разработаны компанией «Крейслер». Каждый из этих методов был известен и раньше, но применение их всех в определенной комбинации и последовательности было совершенно необычным. В зависимости от типа деталей применялось до десяти операций очистки. Некоторые детали очищались на фабрике под наблюдением сотрудников филиала «Келлекс». Большую часть их, однако, надо было очищать непосредственно перед монтажом, и поэтому на заводе К—25 пришлось построить специальный цех очистки.

Наряду с тщательной очисткой деталей и узлов оборудования общие требования к чистоте при монтаже были столь строги, что

поначалу они даже мешали темпам строительства. Все рабочие перед входом в соответствующие здания должны были переодеваться в чистую одежду. Первое время этому требованию должны были подчиняться все без исключения. Мы должны были подчиняться этому правилу, даже если просто выходили погулять на несколько минут.

Делалось все возможное, чтобы полностью избавиться от грязи и пыли. Для уборки помещений вместо метел и тряпок применяли пылесосы и мокрые губки. Однако в дальнейшем по мере накопления опыта строгость этих норм оказалось возможным несколько ослабить.

При составлении графика строительства мы наметили пять основных этапов:

- 1) сооружение одной секции в главном каскаде;
- 2) окончание сооружения целого производственного корпуса;
- 3) сдача в эксплуатацию значительной части всего завода, позволяющей получать слегка обогащенный материал (сроком для третьего этапа, принятым 1 января 1944 г., мы назначили 1 января следующего года);
- 4) окончание строительства остальных корпусов завода, что должно было обеспечить получение максимального количества урана-235 для его использования в первой бомбе;
- 5) окончание строительства всего завода и достижение его проектной мощности.

Получить слегка обогащенный уран к 1 января 1945 г. не удалось. Зато остальные намеченные задачи были выполнены точно в срок (в разгар строительных работ штат объекта К—25 составлял около 25 тысяч человек. Стоимость проектирования, конструкторских работ и оборудования на конец 1946 г. составила 253 миллиона долларов. Полная стоимость работ, выполненных по договорам, равнялась 275 миллионам долларов).

В том виде, в каком газодиффузионный процесс был осуществлен, он представлял полностью американское достижение. Англичанам были сообщены только некоторые общие его характеристики. Следует напомнить, что первые работы в этом направлении начались в Англии, хотя они и не вышли за пределы теории и лабораторных экспериментов.

Весной 1942 г. в США было проведено несколько предварительных конференций с участием представителей Англии

Эйкерса, Саймона и Пайерлса, на которых обсуждались основные закономерности метода газовой диффузии и возможные типы производственных установок. Однако английская точка зрения на проект завода сильно отличалась от нашей, как и предлагаемые ими методы и оборудование. По этим причинам обсуждение не могло иметь для нас сколько-нибудь серьезного значения.

Осенью 1943 г. англичане прислали в США группу ученых и инженеров для ознакомления с нашими планами работ по газодиффузионному методу. Они пробыли у нас с сентября до конца 1943 г., изучив в деталях наши проекты, и не согласились с тем путем, который мы избрали. По мнению большинства наших специалистов, это объяснялось тем, что наш проект был основан не на их теоретических разработках. Проблема выбора материала для мембран обсуждалась с англичанами также во всех деталях, однако это не повлияло на наш выбор.

В декабре 1943 г. англичане предложили рассмотреть возможность осуществления кругового цикла, т. е. направления полученного продукта вновь в первую секцию каскада. Теоретически такое предложение выглядело очень привлекательно, так как оно позволяло существенно сократить число секций. Однако оно было связано с повышением требований к мембранам, которые к тому времени, несмотря на годы исследований, так и не были разработаны. Это предложение сильно усложняло конструкцию конвертора и эксплуатацию отдельных секций.

Я категорически возражал против любых серьезных изменений в проекте, ибо это задержало бы строительство завода.

Английская группа предложила также проект завода в виде каскада каскадов. По этому проекту завод должен состоять не из одного длинного каскада, а из нескольких частей, каждая из которых представляет отдельный каскад, определенным образом соединяющийся с соседними частями. Такая схема была слишком сложна и поэтому имела ряд недостатков. Американский вариант проекта казался нам вполне удовлетворительным. Мы, правда, изучили предложения англичан во всех деталях, чтобы убедиться в правильности нашего решения. Обсуждение с ними вопросов конструкции завода было особенно полезно для поисков способов

регулирования и ликвидации нарушений в режиме эксплуатации завода.

Англичане вносили и другие предложения, но ни одно из них не было принято. Основная польза от этих предложений сводилась к стимулированию мышления и деятельности инженеров «Келлекса».

С февраля по май 1944 г. несколько ученых из английской группы оказали нам некоторую помощь в решении некоторых теоретических вопросов. Это были Пайерлс, Киртон, Скайрн и Фукс. Они жили в Нью-Йорке и пользовались правом разъезжать по всей стране.

Я уже упоминал, что первым процессом разделения урана, с которым я познакомился после моего назначения, был процесс жидкостной термодиффузии. Процесс происходит в колонне, представляющей собой длинную вертикальную трубу, охлаждаемую снаружи и содержащую внутри нагретый цилиндр. Эффект разделения изотопов в такой колонне обусловлен тем, что более легкая фракция накапливается у горячей поверхности внутреннего цилиндра и движется вверх вследствие закона конвекции.

С практической точки зрения этот метод не годился в качестве основного, поскольку он требовал громадного количества пара. По грубым минимальным подсчетам стоимость такого производства достигала сумм порядка двух миллиардов долларов, но и она не казалась мне достоверной. Я лично бы увеличил ее до трех миллиардов, если бы пришлось осуществлять этот процесс. Масштабы исследовательских работ, проведенных в этом направлении Абельсоном, хотя и на достаточном научном уровне, были весьма ограничены.

Он начал свои работы в Институте Карнеги в Вашингтоне и уже летом 1941 г. добился получения некоторого количества урана-235. Интерес военно-морского флота к его работам был связан с надеждой на получение нового источника энергии. Поэтому военно-морской флот сразу стал поддерживать его исследования сначала в Институте Карнеги, а затем предоставил ему возможность работать в своей исследовательской лаборатории. Здесь эти работы велись в течение ряда лет.

ОСРД, а впоследствии МЕД, внимательно следили за развитием работ Абельсона. Сам способ и результаты неоднократно обсуждались

компетентными научными совещаниями. Никто из участников не был, однако, особенно восхищен возможностями этого метода.

Тем не менее, в июне 1944 г. Оппенгеймер высказал предположение, что метод термодиффузии было бы неплохо применить на первой стадии разделения для получения слегка обогащенного продукта, который затем использовать в качестве исходного материала на других заводах. Насколько мне известно, Оппенгеймер был первым, кто оценил преимущества такого приема. Я не колеблясь решил, что эта идея достойна того, чтобы испытать ее на практике.

Почему никто об этом не подумал раньше, я затрудняюсь сказать. Вероятно, это произошло потому, что, когда мы изучали метод термодиффузии, мы рассматривали его в качестве единственного, забывая о возможности комбинирования различных процессов. Подобный шаг был сделан позднее, когда мы решили ограничить степень обогащения продукта газодиффузионных заводов и использовать его как исходный материал для бета-стадии электромагнитного способа.

Если бы я раньше разглядел возможности термодиффузии, мы быстрее применили бы этот метод, потратили бы на строительство завода немного больше времени, но зато он был бы мощнее и лучше. Это наверняка положительно повлияло бы на уровень производства урана-235 в июне и июле 1945 г. Помогло бы это закончить войну раньше, я не могу утверждать, однако никак не могло повлиять на срок испытания в Аламогордо, поскольку там была использована бомба имплозионного (взрывного) типа из плутония. Даже в том случае, если бы производительность уранового завода была к тому моменту выше, мы не смогли бы пойти на использование урана-235 при испытаниях.

Через несколько дней, после того как Оппенгеймер высказал свое предложение, мы приступили к его реализации. В то время военно-морской флот уже строил полупромышленную установку на своей верфи в Филадельфии. Она была почти готова, и методы ее эксплуатации отработаны.

Чтобы в предельно короткий срок запустить подобный, этой установке большой завод, мы решили поручить всю эту операцию фирме «Фергюсон», и 26 июня 1944 г. в день, когда договор с ней был

подписан, адмирал Кинг по моей просьбе приказал передать ей все планы работ флота.

Для облегчения проектирования и строительства я приказал, чтобы все основные производственные узлы нашего завода были копиями филаделфийской установки. Много времени мы сэкономили, используя черновые эскизы вместо принятых детальных чертежей.

В спешке выбирали возможные места размещения завода, упоминался Детройт, однако мы остановились на Ок-Ридже, решив построить завод по соседству с тепловой электростанцией завода К—25. Такое расположение сочетало преимущество использования уже имевшихся резервов пара с близким расположением к заводу К—25, который должен был работать на продукте термодиффузионного завода.

Кроме того, мы стремились не строить новых закрытых объектов на новых территориях. Это производство получило секретное кодовое наименование S—50.

Когда был решен вопрос о месте строительства нового завода, компания «Юнион карбайд» выразила опасение, указав на возможность взрыва пара высокого давления, которым должен был снабжаться этот завод, и на последствия такого взрыва для работы завода К—25. Они также опасались, что промышленная вода электростанции окажется зараженной продуктом завода S—50, что может вызвать нарушение работы электростанций.

Опасности разрушительного взрыва пара я не придавал большого значения, а чтобы исключить возможность загрязнения воды, мы предусмотрели ряд контрольно-регулирующих устройств. Основным оборудованием завода были колонны, объединявшиеся в каскады (по 102 колонны), которые мы называли решетками. Колонна представляла собой вертикальный цилиндр высотой 15 метров и состояла из никелевой трубы, проходящей внутри медной трубы большего диаметра. Медная труба с внешней стороны была окружена водяной рубашкой. Колонны располагали тремя группами, в каждой по семи решеток, что составляло в сумме 2142 колонны. Колонны лаборатории военно-морского флота были нестандартными и количество их было невелико. Компания «Фергюсон» должна была, однако, организовать их Массовое производство. Было запрошено около 20 фирм, но ни одна из тех, кому можно было доверить производство колонн, не

согласилась выполнить заказ. В конце концов две фирмы согласились попробовать. Преодолев ряд серьезных трудностей, они смогли разработать метод производства, позволявший изготавливать до 50 колонн в день. 5 июля, т. е. через девять дней после заключения контракта, компания «Фергюсон» направила заказ на первую партию колонн, а 9 июля уже началась расчистка площадки под строительство завода.

В августе началась стажировка обслуживающего персонала в исследовательской лаборатории военно-морского флота, а в сентябре произошел мощный взрыв на полупромышленной установке, при котором пострадало несколько человек и были разрушены многие узлы. Мы были убеждены, что взрыв произошел по не зависящим от нас причинам (как оно впоследствии и оказалось), но это событие требовало тщательного расследования и, конечно, несколько задержало работу.

Необходимость иметь готовый продукт как можно раньше диктовала нам суровые сроки строительства. Даже срок в шесть месяцев для сооружения главного производственного корпуса казался многим оптимистическим, а я отвел на строительство 120 дней. При строительстве этого завода мы пользовались высшими льготами как в снабжении, так и во всех остальных областях. Монтажники, трубопроводчики, сварщики, электрики, плотники и эксплуатационный персонал бок о бок в бешеном темпе работали на смежных участках. Как только такелажники устанавливали колонну на место и монтажники заканчивали ее сборку, она тут же испытывалась под давлением и подвергалась очистке силами эксплуатационного персонала. Через 69 дней после начала строительства третья часть завода была закончена и началась его пробная эксплуатация. К концу октября колонны выдали первую партию продукта, а в июне следующего года завод достиг расчетной максимальной мощности.

Сначала эксплуатация завода не ладилась. Серьезно мешали полное отсутствие опыта эксплуатации полупромышленной установки, нехватка подготовленного персонала и, как неожиданно выяснилось, недостаточное количество пара. Нас преследовали утечки рабочего материала и пара высокого давления. Лишь к январю 1945 г. удалось полностью, справиться со всеми трудностями.

Использование пара высокого давления (до 60 килограммов на квадратный сантиметр) было рискованным предприятием, особенно если учесть, что оборудование изготовлялось и монтировалось в такой спешке. Мешавших нам течей удалось бы наверняка избежать, если бы мы имели больше времени на работу над проектом.

На одной решетке из-за ее спешной сборки была особенно сильная утечка пара высокого давления. Образовавшиеся облака пара и шум сильно затрудняли работу обслуживающего персонала. Мы, однако, не останавливали эту часть завода, несмотря на условия, которые в обычное время требовали бы немедленного прекращения производства.

Лишь только тогда, когда завод достиг максимальной проектной мощности, мы отключили эту решетку для ремонта.

К октябрю стало очевидным, что через соединения наверху и у основания колонн уходит слишком много пара. Поэтому мы решили заменить все резьбовые соединения сварными. К январю все решетки были уже переоборудованы и вновь готовы к производству.

По мере ввода в эксплуатацию различных заводов Ок-Риджа нас все больше начинал волновать вопрос о способе их наиболее эффективного использования.

Вся проблема в целом была крайне сложна не только из-за постоянно менявшейся производительности и степени обогащения отдельных установок, но и из-за того, что продукт одного процесса служил исходным материалом другого и это соотношение могло также меняться. Кроме того, по мере ввода в строй дополнительного оборудования, а начиная с весны 1945 г. это происходило почти ежедневно, производительность также увеличивалась, что в свою очередь влияло на эффективность установок, работавших на обогащенном материале. Мы знали, что в процессе эксплуатации можно повысить производительность, но результаты нам трудно было предвидеть.

Поскольку правильное решение этой задачи имело определяющее значение для успеха всего предприятия, я попросил Николса сосредоточить максимум внимания на ее решении. Для этого он в декабре 1944 г. организовал специальную группу из ученых и инженеров, в основном офицеров или мобилизованных в армию, во главе с майором Питерсоном, задача которых состояла в выработке

оптимального плана эксплуатации заводов с учетом изменений всех характеристик отдельных процессов.

Эта группа приступила к работе, когда точное количество урана-235, необходимого для создания бомбы, было еще неизвестно. Питерсон неоднократно обсуждал с Оппенгеймером вопрос о важности количества необходимого материала и степени его обогащения. В результате степень обогащения была установлена. Под руководством Питерсона группа смогла также разработать наилучший вариант использования электромагнитных, газодиффузионного и термодиффузионного заводов. Составленный ими план непрерывно изменялся по мере повышения производительности и изменений сроков ввода в строй новых объектов.

К маю 1945 г. стало очевидно, что сделанные еще до Ялтинской конференции расчеты были правильными и что в конце июля мы уже будем иметь достаточное количество урана для создания одной бомбы.

После тщательного анализа ситуации совместно с Николсом, Питерсоном и Оппенгеймером день 24 июля был установлен в качестве предельного срока. [\[9\]](#)

К концу этого дня достаточное (даже несколько большее) количество урана было отправлено в Лос-Аламос для изготовления первой бомбы, предназначенной для Японии.

Павел Судоплатов: ученые в ядерную эпоху

Оппенгеймер предложил директору проекта генералу Гровсу пригласить для работы в Америке виднейших ученых Европы. Среди них был Нильс Бор. Бор ни в коей мере не был нашим агентом, но он оказал нам неоценимые услуги. После разговора с Мейтнер в 1943 году в Швеции он активно выступил за то, чтобы поделиться атомными секретами с международным антифашистским сообществом ученых. В формировании позиции Бора и Мейтнер огромную роль сыграла известная финская писательница Вуолийоки, видный агент нашей разведки. Вуолийоки приговорили в Финляндии за шпионаж в пользу СССР к смертной казни, но ее освободили под давлением общественности (один ее зять был заместителем министра иностранных дел Швеции, другой — одним из руководителей компартии Англии — Палм Датт), и она оказалась в Швеции.

Впоследствии нам удалось через Вуолийоки и Мейтнер найти подходы к Бору и устроить с ним встречу наших сотрудников Василевского и Терлецкого в ноябре 1945 года в Копенгагене.

В 1943 году, как пишет один из участников операции нашей разведки по атомной проблеме Феклисов, Оппенгеймер предложил включить Клауса Фукса в состав группы английских специалистов, прибывавшей в Лос-Аламос для участия в работе над атомной бомбой.

В 1933 году немецкий коммунист Фукс вынужден был искать убежище в Англии. Получив в Бристольском университете образование, он продолжал работать там как физик. В 1941 году Фукс сообщил о своем участии в атомных исследованиях видному деятелю коммунистического и рабочего движения Юргену Кучинскому. Кучинский проинформировал нашего посла в Англии Майского. Майский был в натянутых отношениях с резидентом НКВД в Лондоне Горским и поэтому поручил военному атташе Кремеру войти в контакт с Фуксом. Фукс сначала встречался с Урсулой Кучински («Соня»), агентом военной разведки, одним из организаторов сети «Красная капелла».

Фукс перед отъездом в США был проинструктирован об условиях возобновления связи с ним. В США Фукс должен был в общении с

американскими коллегами подчеркнуть, что он единственный человек в группе английских специалистов, которому грозил немецкий концлагерь. По этой причине Фукс пользовался абсолютным доверием Оппенгеймера и по его указанию получил доступ к материалам, к которым не имел формально никакого отношения. Оппенгеймеру приходилось вступать в острый конфликт с генералом Гровсом, который категорически возражал, чтобы до сведения английских ученых доводилась обобщенная информация по результатам исследований и экспериментов (нас информировал об этом Фукс).

Кстати, английские власти и разведка также поставили перед своими специалистами задачу по сбору всей информации по атомной бомбе, поскольку американцы не собирались делиться с ними атомными секретами.

Возможно, была еще одна причина, по которой Оппенгеймер пригласил Фукса в Лос-Аламос, а позднее — в Центр научных исследований в Принстоне. Может быть, Оппенгеймер знал, что Фукс не останется после войны в Америке. Я помню, что в агентурных материалах зафиксированы его слова: информация должна передаваться теми, кто по личным обстоятельствам покинет Лос-Аламос и страну после окончания работы по атомной бомбе. Кроме того, Оппенгеймер имел основания предполагать, что Фукс связан с коммунистами, и это тоже могло сыграть свою роль.

Лиза Зарубина восстановила связь с двумя глубоко законспирированными агентами, польскими евреями, на западном побережье. Они были легализованы Эйтинггоном в начале 30-х годов во время его краткой нелегальной командировки в США. Первоначально планировалось, что эти агенты оседут в Калифорнии с целью организации диверсий на транспортных судах, вывозящих в Японию стратегическое сырье (уголь, нефть, металл) в случае военного конфликта между СССР и Японией. Более десяти лет эти агенты не привлекались к активным действиям.

Один из них был зубной врач (кодовое имя «Шахматист»), получивший французский медицинский диплом в конце 20-х годов. Его обучение оплатило ГПУ. Жене зубного врача удалось установить дружеские отношения с семьей Оппенгеймера. Так была создана конспиративная связь с семейством Оппенгеймера и его ближайшим окружением, выпавшая из поля зрения американской контрразведки.

Насколько я помню, ФБР не знало и о конспиративных контактах Зарубиной. Только в 1946 году в связи с другими разоблачениями ФБР твердо установило, что Зарубина была сотрудницей советской разведки, но она уже находилась в Москве.

Таким образом, Семенов и Лиза Зарубина создали систему надежных связей, а Квасников и Яцков под руководством Овакимяна обеспечили бесперебойную передачу информации по атомному оружию на заключительном этапе работ в Лос-Аламосе в 1945 году.

Эндшпиль. Секретные доклады на заседании спецкомитета правительства СССР по атомной проблеме

Надо отметить, что ознакомление наших ученых с научными трудами разработчиков американского атомного оружия — Оппенгеймера, Ферми, Сциларда — имело важное значение для широкого развертывания у нас работ по атомной бомбе. Хочу подчеркнуть, что эта информация поступала к нам конспиративным путем с их ведома. Насколько я помню, так через «Роберта» и «Директора резервации», как именовался в нашей переписке Лос-Аламос, мы получили пять секретных обобщенных докладов о ходе работ по созданию атомной бомбы. Подобный материал был направлен не только нам, но и шведским ученым. По нашим разведданным, насколько я помню, шведское правительство располагало детальной информацией по атомной бомбе в 1945–1946 годах. Шведы отказались от создания собственного ядерного оружия из-за колоссальных затрат. Но тот факт, что они имели достаточно данных, чтобы принять решение по этому вопросу, позволяет сделать вывод: шведы получали, как и мы, информацию по атомной бомбе, в частности и от Бора, после того как он покинул Лос-Аламос.

Комитет Обороны СССР постановлением ГКО за № 7357 установил сроки окончания строительства циклотронной лаборатории при Ленинградском физико-техническом институте — к 1 января 1946 года. Ответственность за выполнение задания возлагалась на двух академиков — А. Иоффе, директора Физтеха, и А. Алиханова, заведующего объектом. А через месяц, 21 февраля, Сталин подписывает постановление ГКО № 7572 «О подготовке специалистов по физике атомного ядра» для лаборатории № 2 и смежных с ней учреждений.

Постановление содержало 16 пунктов с изложением подробных обязанностей по обустройству и финансированию учебно-материальной базы, выделению лабораторных помещений, обеспечению обслуживающим персоналом и постройке циклотрона для Московского университета. Увеличение численности обучаемых

предусматривалось доукомплектованием старших курсов по специальности «Физика атомного ядра» путем перевода студентов-отличников из других вузов.

Плановые задания по подготовке специалистов в областях химии радиоактивных и редких элементов, компрессорных машин и молекулярной физики были определены для Ленинградского университета и Политехнического института, Московского института тонкой химической технологии. Кроме того, Центральное статистическое управление в месячный срок провело учет и регистрацию специалистов-физиков, работавших во всех отраслях народного хозяйства, научно-исследовательских и других учреждениях, после чего Курчатову предложили провести отбор нужных ему специалистов.

Мы знали, что военные эксперты и специалисты по взрывчатым веществам играют ведущую роль в развитии работ по атомной бомбе в Америке. В свою очередь, и мы приняли решение, учитывая американский опыт, назначить крупного специалиста по производству взрывчатых веществ, видного организатора военной промышленности Ванникова ответственным за инженерное и административное обеспечение нашего атомного проекта. Ванников сыграл в работах по атомной бомбе в СССР ту же роль, что и генерал Гровс в США.

Мы были не только проинформированы о технических разработках американской атомной программы, но знали и о внутренних чисто человеческих конфликтах и соперничестве между учеными и специалистами, работавшими в Лос-Аламосе, о напряженных отношениях ученых с генералом Гровсом — директором проекта. В особенности мы отметили информацию о серьезных разногласиях генерала Гровса и Сциларда. Гровс был в ярости от академического стиля научной работы Сциларда и его отказа подчиняться режиму секретности и военной дисциплине. Борьба с генералом стала своеобразным хобби Сциларда. Гровс не доверял ему и считал рискованным его участие в проекте. Он даже пытался отстранить его от работы, несмотря на громадный вклад Сциларда в осуществление первой в мире цепной ядерной реакции урана.

Оппенгеймер, по словам Хейфеца, был человеком широкого мышления, который предвидел как колоссальные, возможности, так и опасности использования атомной энергии в мирных и военных целях.

Мы знали, что он останется влиятельной фигурой в Америке после войны, и поэтому нам необходимо было тщательно скрыть контакты с ним и его ближайшим окружением. Мы понимали, что подход к Оппенгеймеру и другим видным ученым должен базироваться на установлении дружеских связей, а не на агентурном сотрудничестве, и нашей задачей было использовать то обстоятельство, что Оппенгеймер, Бор и Ферми были убежденными противниками насилия. Они считали, что ядерную войну можно предотвратить путем создания баланса сил в мире на основе равного доступа сторон к секретам атомной энергии, что, по их мнению, могло коренным образом повлиять на мировую политику и изменить ход истории.

В разведывательной работе разграничение между полезными связями, знакомствами и доверительными отношениями весьма условно. В служебных документах употребляется специальный термин — агентурная разведка, что означает получение материалов на основе работы агентов и офицеров разведки, действующих под прикрытием какой-либо официальной должности. Однако ценнейшая информация зачастую поступает от источника, который не является агентом, взявшим на себя формальные обязательства по сотрудничеству с разведкой и получающим за это деньги. В оперативных документах этот источник информации все равно рассматривается в качестве агентурного, поскольку выход на него базируется на контактах и связях с агентами или доверенными лицами из близкой к нему среды.

Я был поражен, что мировоззрение многих виднейших западных физиков и наших ученых совпадает. Как я уже писал, Вернадский в 1943 году вполне искренно предлагал Сталину просить американское и английское правительства поделиться с нами информацией об атомных исследованиях и вместе с западными учеными работать над созданием атомной бомбы. Таких же взглядов придерживались Иоффе, Капица, Нильс Бор.

Бор после бесед с Оппенгеймером, очевидно, знавший об утечке информации к советским и шведским ученым, встречался с президентом Рузвельтом и пытался убедить его в необходимости поделиться с русскими секретами Манхэттенского проекта, чтобы ускорить работы по созданию бомбы. Наши источники в Англии сообщили, что Бор не только делал это предложение президенту Рузвельту, но, якобы по его поручению, вернулся в Англию и пытался

убедить английское правительство в необходимости такого шага. Черчилль пришел в ужас от этого предложения и распорядился, чтобы были приняты меры для предотвращения контактов Бора с русскими.

Супруги Зарубины, несмотря на достигнутые результаты в работе, недолго прожили в Вашингтоне. И произошло это не по их вине и не из-за активности ФБР. Один из подчиненных Зарубина, сотрудник резидентуры НКВД в посольстве подполковник Миронов, направил письмо Сталину, в котором обвинял Зарубина в сотрудничестве с американскими спецслужбами. Миронов в письме указал — он следил за Зарубиным — даты и часы встреч Зарубина с агентами и источниками информации, назвав их контактами с представителями ФБР. Для проверки выдвинутых обвинений Зарубины были отозваны в Москву. Проверка заняла почти полгода. Было установлено, что все встречи санкционировались Центром и ценная информация, полученная Зарубиным, не бросала на него и тени подозрений в сотрудничестве с ФБР. Миронов был отозван из Вашингтона и арестован по обвинению в клевете. Однако когда он предстал перед судом, выяснилось, что он болен шизофренией. Его уволили со службы и поместили в больницу.

В 1943 году в Центре было принято решение строить контакты с учеными-атомщиками с использованием нелегальных каналов. Непосредственное руководство действиями нелегалов было возложено на нашего резидента в Мексике Василевского. После отъезда Зарубиных Василевский руководил сетью агентов из Мехико, иногда посещая Вашингтон, но долго там не задерживался, чтобы не привлекать внимания американской контрразведки. Было решено свести к минимуму использование опорных пунктов резидентуры в Вашингтоне.

Я вспоминаю, что Василевский рассказывал мне, как в 1944 году он приехал в Вашингтон и, в частности, должен был передать в Центр материалы, полученные (от Ферми, но, к своему ужасу, узнал, что шифровальщик отсутствует. Наследующий день американская полиция доставила шифровальщика в посольство, подобрав в одном из баров, где он напился до бесчувствия. Василевский немедленно принял решение не использовать посольство в Вашингтоне для передачи особо важных сообщений. В 1945 году за успешную работу в разработке линии Ферми в США Василевский был назначен моим

заместителем по отделу «С». Почти два года он возглавлял отдел научно-технической разведки в НКВД, а потом в Комитете информации — нашем центральном разведывательном ведомстве, существовавшем с 1947 по 1951 год. Василевский был уволен из органов безопасности в 1947 году — стал одной из первых жертв начавшейся антисемитской кампании. В апреле — июле 1953 года он начал вновь работать в аппарате, но его опять уволили — теперь уже по сокращению штатов как «подозрительного» человека. Умер Василевский в 1979 году.

Описание конструкции первой атомной бомбы стало известно нам в январе 1945 года. Наша резидентура в США сообщила, что американцам потребуется минимум один год и максимум пять лет для создания существенного арсенала атомного оружия. В этом сообщении также говорилось, что взрыв первых двух бомб, возможно, будет произведен через 2–3 месяца.

В это время наша разведка активизировалась, и мы получили значительную информацию о Манхэттенском проекте и о планах использования месторождений урановой руды в Бельгийском Конго, Чехословакии, Австралии и на острове Мадагаскар. Агентам военной разведки удалось проникнуть в канадскую фирму, создавшую специальную корпорацию по разработке урановой руды. Резидент военной разведки «Мольер», он же вице-консул в Нью-Йорке Михайлов, сообщал о работах лаборатории в Беркли, близ Сан-Франциско по анализу урановых руд. Примерно в это же время сотрудничавший с нами начальник разведки чехословацкого правительства в Лондоне Моравец проинформировал нас, что английские и американские спецслужбы проявили большой интерес к разработке урановых месторождений в Судетских горах. Он получил доступ к материалам англо-чешских переговоров по вопросу эксплуатации месторождений урана в послевоенный период.

По мере приближения окончания войны в Советском Союзе начали предпринимать первые шаги по геологическому поиску урановой руды.

В феврале 1945 года нами была получена информация и захвачены немецкие документы о высококачественных запасах урана в районе Бухово — в Родопских горах. Мы обратились к Димитрову, в то

время уже главе болгарского правительства, и болгарские власти оказали нам содействие в разработке месторождений урана.

Постановление ГКО № 7408 от 27 января 1945 года за подписью Сталина адресовалось только Молотову и Берии. Приведу его полностью.

«Совершенно секретно, особой важности:»

«1. Организовать в Болгарии поиски, разведку и добычу урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также геологическое изучение других известных или могущих быть открытыми месторождений урановых руд и минералов.

2. Поручить НКВД СССР (т. Молотову) провести переговоры с правительством Болгарии о создании смешанного Болгарско-Советского акционерного общества с преобладанием советского капитала для производства поисков, разведки и добычи урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также производства геологического изучения других известных или могущих быть открытыми в Болгарии месторождений урановых руд и минералов.

Переговоры с болгарскими властями и всю документацию по созданию и оформлению акционерного общества проводить, именуя месторождение радиевым».

Созданное советско-болгарское горное общество возглавил Щорс — сотрудник нашей разведки, горный инженер по образованию.

Урановая руда из Бухово была нами использована при пуске первого атомного реактора. В Судетских горах в Чехословакии урановая руда оказалась более низкого качества, но тоже использовалась нами. Мы скрывали эти работы от американцев и англичан. Для координации наших разведывательных и контрразведывательных мероприятий в Чехословакию был направлен опытный работник разведки, бывший резидент в Италии Рогатнев.

Поставкам болгарского урана, ввиду более высокого его качества, уделялось исключительное внимание. Димитров лично следил за урановыми разработками. Мы направили в Болгарию более трехсот горных инженеров, срочно отозвав их из армии; район Бухово охранялся внутренними войсками НКВД. Однако вскоре через агентуру нам стало известно, что американские спецслужбы готовят диверсионные акты с целью сорвать поставки урана в Советский Союз

и одновременно выявить подлинный размах работ, чтобы определить сроки создания ядерного оружия в СССР. Американцы даже пытались организовать похищение Щорса. Мы приняли контрмеры: Эйтингон занялся проверкой американских разведчиков и их жен, задержанных при содействии нашей агентуры из местных турок вблизи урановых месторождений, но успеха не достиг.

Из Бухово поступало примерно полторы тонны урановой руды в неделю. Наша разведка обеспечила работавших на урановых рудниках американскими инструкциями и методикой по технике добычи урана и его учету. В 1946 году в СССР были открыты и сразу же стали разрабатываться крупные месторождения урана более высокого качества. Однако интенсивные работы в Бухово продолжались: мы хотели создать у американцев впечатление, что болгарский уран нам крайне необходим. Подписанное Завенягиным, заместителем Берии, соглашение с правительством Болгарии о разработках и поставках урана, дезинформационные мероприятия, организованные Эйтингоном и группой офицеров, подтверждали важность для нас этих урановых разработок.

В марте 1945 года мы направили на имя Берии обобщенный доклад об успешном развитии работ в США по созданию атомной бомбы. В этом докладе детально описывались американские центры, в частности лаборатория в Лос-Аламосе, заводы в Ок-Ридже, давалась подробная характеристика деятельности американской фирмы «Келекс», дочерней компании «Келлок» в Нью-Йорке, отмечались работы по атомной бомбе, проводимые крупнейшими фирмами США «Джоунс констракшн», «Дюпон», «Юнион карбайт», «Кемикл компани» и другими. В докладе указывалось, что американское правительство затратило 2 миллиарда долларов на разработку и производство атомного оружия и что в общей сложности в проекте занято более ста тридцати тысяч человек.

Кроме того, агентура сообщала о строго ограниченном круге лиц, которым было известно назначение проводимых работ; о допуске к таким данным правительственных чиновников только по личному разрешению президента США; о создании в рамках проекта собственной контрразведки, полиции и иных служб; об изъятии из библиотек США всех ранее открытых публикаций по исследованиям в области атомной энергии; о замене настоящих фамилий ученых и

специалистов, имевших непосредственное отношение к работам в таких атомных центрах, как Лос-Аламос, Ок-Ридж, Хэнфорд, псевдонимами; о физической охране ответственных лиц, а также о других подобных мероприятиях.

В апреле 1945 года Курчатов получил от нас очень ценный материал по характеристикам ядерного взрывного устройства, методе активации атомной бомбы и электромагнитному методу разделения изотопов урана. Этот материал был настолько важен, что уже на следующий день органы разведки получили его оценку.

Курчатов направил Сталину доклад, построенный на основе разведданных, о перспективах использования атомной энергии и необходимости проведения широких мероприятий по созданию атомной бомбы.

Через 12 дней после сборки первой атомной бомбы в Лос-Аламосе мы получили описание ее устройства из Вашингтона и Нью-Йорка. Первая телеграмма поступила в Центр 13 июня, вторая — 4 июля 1945 года. Кстати, пять лет спустя эти телеграммы, возможно, были расшифрованы американцами и послужили основанием для давления на Фукса, чтобы он признался в шпионаже. Я, однако, не могу полностью поверить в это, хотя подтверждаю, что источники, указанные в телеграммах, «Чарльз» и «Млад» — это Фукс и Понтекорво.

Мы доложили Берии, что два источника, не связанные друг с другом, сообщили о предстоящем испытании ядерного устройства.

После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки наши работы по созданию атомной бомбы приобрели широкий размах. В это время мы получили из США особенно ценные материалы.

Детальный доклад Фукса («Чарльз») был доставлен диппочтой после того, как он встретился 19 сентября со своим курьером Гарри Голдом. Доклад содержал тридцать три страницы текста с описанием конструкции атомной бомбы. Позднее мы получили дополнительное сообщение по устройству атомной бомбы через каналы связи от Холла («Млад»), которое передала Лона Коэн. Не помню, чье описание бомбы было более подробным. Но сходство было поразительным. Мне кажется, что в материалах содержалось подробное изложение главы доклада правительству и Конгрессу США по устройству атомной бомбы, которая по соображениям секретности была опущена в

официальной публикации, — докладе комиссии Смита, опубликованном 12 августа 1945 года. Мы знали, что Оппенгеймер и генерал Гровс редактировали этот доклад. Фукс сообщил, что Оппенгеймер отказался подписать доклад, опубликованный комиссией, поскольку, как он считал, в нем была дезинформация, направленная на то, чтобы задержать атомные исследования в других странах.

Среди материалов, которые мы получили в сентябре-октябре 1945 года, были некоторые разделы доклада, не попавшие в отчет комиссии Смита и фотографии помещений заводов в Ок-Ридже. Они были особенно ценными, поскольку мы также приступили к строительству предприятий и форсировали работы по созданию первого атомного реактора. Я припоминаю, что двенадцатистраничная справка-доклад, составленная Семеновым, по устройству атомной бомбы была подписана Василевским и направлена Берии и Сталину. Этот документ фактически лег в основу программы всех работ на следующие 3–4 года.

Качество и объем полученной информации от источников в США и Англии был весьма важен для организации и развития нашей атомной программы. Подробные доклады, содержащие данные об эксплуатации первых атомных реакторов, спецификации по производству урановой и плутониевой бомбы сыграли важную роль в ускорении наших работ. Ценными были данные о конструкции системы фокусирующих взрывных линз и размерах критической массы урана и плутония для взрыва ядерного устройства; о сформулированном Фуксом принципе имплозии — сфокусированном взрыве вовнутрь; данные о плутонии-240, детонаторном устройстве, времени и последовательности операций по производству и сборке бомбы и способе приведения в действие содержащегося в ней инициатора. Были получены данные о строительстве заводов по очистке и разделению изотопов урана, что значительно сокращало время на переработку урановой руды, а также дневниковые записи о первом испытательном взрыве атомной бомбы в США в июле 1945 года.

После атомной бомбардировки американцами Хиросимы и Нагасаки Политбюро и ГКО (Государственный Комитет Оборона) 20 августа 1945 года приняли решение о кардинальной реорганизации работы по атомной энергии — проблеме № 1. Для этого был создан

Спецкомитет правительства с чрезвычайными полномочиями. Берия как член Политбюро и заместитель председателя ГКО был назначен его председателем, Первухин — заместителем, генерал Махнёв — секретарем.

В комитет входили члены Политбюро — Маленков (секретарь ЦК ВКП(б) по кадрам), Вознесенский (председатель Госплана); академики Курчатов и Капица; нарком боеприпасов Ванников, заместитель наркома внутренних дел Завенягин. Рабочим аппаратом комитета было специально созданное 1-е главное управление при Совете Народных Комиссаров СССР. Начальником управления был назначен Ванников, Завенягин стал его первым заместителем. При Спецкомитете был научно-технический совет, его председатель — Ванников, заместитель председателя — Иоффе. Отдел «С», который я возглавлял в НКВД—НКГБ, был рабочим аппаратом так называемого 2-го бюро комитета.

Сталин предложил, чтобы Иоффе и Капица стали членами Спецкомитета по проблеме № 1. Однако Иоффе отказался, ссылаясь на свой преклонный возраст. Он сказал, что будет более полезен в научно-техническом совете. Именно Иоффе рекомендовал назначить профессора Курчатова на должность научного руководителя атомной программы.

Участвуя в заседаниях Спецкомитета, я впервые осознал, какое важное значение имели личные отношения членов правительства, их амбиции в принятии важных государственных решений. Наркомы, члены этого комитета, стремились во что бы то ни стало утвердить свое положение и позиции. Очень часто возникали жаркие споры и нелिцеприятные объяснения. Берия выступал в качестве арбитра и добивался безусловного неукоснительного выполнения всех директив руководства.

Я поддерживал дружеские отношения и с Иоффе, и с Капицей. По предложению Берии я подарил Капице охотничье ружье. Капица как-то посетовал, что у него сохранился в плохом состоянии лишь один экземпляр книги о русских инженерах, написанный его тестем — академиком Крыловым, крупнейшим инженером-кораблестроителем. Я прибег к услугам специальной правительственной типографии — книгу напечатали в двух экземплярах на отличной бумаге. Капица послал один экземпляр Сталину, надеясь попасть к нему на прием.

Мне пришлось наблюдать растущее соперничество между Капицей и Курчатовым на заседаниях Спецкомитета. Капица был выдающейся личностью, прекрасным тактиком и стратегом, крупнейшим организатором науки. Часто научные выступления он комментировал с большим чувством юмора. Я помню, что одно заседание Спец-комитета в 1945 году проходило в часы трансляции из Лондона футбольного матча между нашей командой и английской. Члены Политбюро и правительства были шокированы, когда Капица предложил прервать заседание и послушать матч. Возникла неловкая пауза, но Берия, ценивший юмор, к всеобщему изумлению, объявил перерыв. Напряжение спало. А затем настроение присутствующих поднялось, поскольку наша команда победила.

Капица, сыгравший важную роль в инициировании наших работ по атомной проблеме и установлении контактов с западными учеными, в частности Терлецким с Бором, естественно, претендовал на самостоятельное и руководящее положение в реализации атомного проекта.

Но вскоре отношения между Капицей, Берией и Вознесенским испортились. Капица предложил, чтобы Курчатов консультировался с ним по оценке результатов работ и выводов, прежде чем докладывать на заседаниях Спецкомитета. Первухин поддержал Капицу, но Берия и Вознесенский не согласились. Берия потребовал, чтобы Капица и Курчатов вносили в правительство альтернативные предложения. Более того, Берия предложил Капице на базе своего института продублировать ряд экспериментов Курчатова.

Капица был возмущен и утверждал, что такая переориентация его института будет означать фактическое свертывание работ по теоретической физике в Советском Союзе. Точно не помню, но, по моему, месяц спустя в ноябре 1945 года, Капица обратился к Берии и Вознесенскому за объяснением, почему с ним не проконсультировались, когда принимали решение о создании новых учебных институтов по подготовке специалистов в области ядерной физики вне Академии наук — Инженернофизического (МИФИ) и Физико-технического (МФТИ).

Капица написал Сталину, что Берия и Вознесенский не прислушиваются к мнению ученых, что только ученым можно доверить руководство атомным проектом. После неудачных попыток

добиться от Сталина поддержки в этом конфликте Капица вскоре был выведен из состава Спецкомитета. Его оставили в покое, но лишили доступа к атомным разработкам.

Однако Капица в ряде публикаций в Англии и США в 1950—1960-х годах представлял как «координатор работ и разведки по атомному оружию». В 1946 году он обратился к Эйнштейну с предложением приехать в СССР для работы в области физики «в самой свободной для творчества стране».

Это вызвало целый переполох в спецслужбах США и американском посольстве в Москве. ФБР стало активно разрабатывать Эйнштейна, считая его связанным какими-то негласными договоренностями с Капицей, роль которого в советском атомном проекте в 1946 году американцам не была известна.

Спецкомитет по атомной проблеме обладал чрезвычайными полномочиями по мобилизации сил любых ресурсов и резервов для создания атомной бомбы. На практике это означало, что когда в Сибири стали строиться заводы по переработке урановой руды, пришлось сильно ограничить в электроснабжении ряд предприятий. Я вспоминаю яростные споры и нецензурную брань членов комитета Первухина и Вознесенского, когда обсуждался вопрос о том, за какими предприятиями сохранить в полном объеме потребление электроэнергии. Для меня было совершенно неожиданным, что Первухин, защищая предприятия курируемой им химической промышленности, нападал на Вознесенского, члена Политбюро, старшего по положению.

В первый послевоенный год разведывательные операции по атомной проблеме пользовались особым приоритетом. В декабре 1945 года Берия оставил пост наркома внутренних дел и переехал с Лубянки в Кремль, в кабинет заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров. Заседания Спецкомитета по атомной проблеме также стали проходить в Кремле, а не в НКВД. Как начальник 2-го бюро комитета, сотрудник аппарата правительства, я получил постоянный пропуск на вход в Кремль в любое время.

27 декабря 1945 года в адрес Берии мы направили для рассмотрения на спецкомитете правительства переведенные с английского языка материалы по конструкции атомной бомбы,

образцы корпуса детонатора бомбы, полученные по линии агентуры органов безопасности и военной разведки.

Заседания Спецкомитета обычно проходили в кабинете Берии. Это были жаркие дискуссии. Помимо острых споров о распределении электроэнергии, Первухин продолжал свои нападки на Вознесенского, требуя увеличения фондов цветных металлов для нужд предприятий химической промышленности, занятых в производстве ядерного топлива. Меня удивляли взаимные претензии членов правительства. Берия вмешивался в эти споры, призывая Первухина и Вознесенского к порядку. И я впервые увидел, что все в этом особом правительственном органе считали себя равными по служебному положению независимо от того, кто из них был членом ЦК или Политбюро.

Я сохранил вплоть до своего ареста хорошие отношения с Ванниковым и секретарем комитета генералом Махнёвым. Они были блестящими знатоками нашей промышленности, могли безошибочно указать, какому заводу можно поручить выполнение заказов по атомному проекту.

Я часто заходил в кабинет Махнёва. Его почему-то считают генералом НКВД, но это не так. Прекрасный организатор производства боеприпасов и работ по атомной бомбе, он никогда не служил в органах госбезопасности. Махнёва очень интересовала информация о работе американских промышленных предприятий и фирм, участвовавших в атомной программе. Зачастую мы получали эту информацию из открытых источников, по линии ТАСС и регулярно составляли обзоры экономических показателей и технологического потенциала, почерпнутые из научно-технических журналов об американских фирмах, занятых отдельными заказами правительства в связи с созданием атомной бомбы.

Только тогда я понял, какой большой интерес и внимание к экономическим вопросам и развитию промышленности проявлял Берия. Я узнал, что Берия как заместитель председателя ГКО в годы войны отвечал не только за деятельность спецслужб, но и за производство вооружения к боеприпасов, работу топливно-энергетического комплекса. В особенности его интересовали вопросы добычи и переработки нефти. В кабинете Берии стояли макеты нефтеперерабатывающих заводов. По его инициативе Ванников,

Устинов и Байбаков (им не было еще 40 лет) были выдвинуты на высокие посты наркомов производства боеприпасов, вооружения и нефтяной промышленности.

Участие в заседаниях под председательством Берии открыло новый, неизвестный мне мир. Я знал, что разведка имела важное значение во внешней политике, обеспечении безопасности страны, но не меньшее значение имело восстановление народного хозяйства и создание атомной бомбы. До сих пор я вспоминаю наших талантливых организаторов промышленности и директоров заводов, участвовавших в решении сложнейших организационных и технических вопросов. Выработка этих решений оказалась гораздо интересней, чем руководство агентурной сетью в мирное время. Хозяйственная деятельность позволяла людям проявлять таланты и способности в решении таких проблем, как преодоление нехватки ресурсов, срывы поставок оборудования и материалов. Организовать слаженную работу многих производственных отраслей промышленности для реализации атомной программы было делом не менее сложным, чем успешное проведение разведывательно-диверсионных операций в годы войны.



Первое советское ядерное испытание

Берия, грубый и жестокий в общении с подчиненными, мог быть внимательным, учтивым и оказывать каждодневную поддержку людям, занятым важной работой, защищал этих людей от всевозможных интриг органов НКВД или же партийных инстанций. Он всегда предупреждал руководителей предприятий о их личной ответственности за неукоснительное выполнение задания, и у него была уникальная способность как внушать людям чувство страха, так и воодушевлять на работу. Естественно, для директоров

промышленных предприятий его личность во многом отождествлялась с могуществом органов госбезопасности. Мне кажется, что вначале у людей превалировал страх. Но постепенно у работавших с ним несколько лет чувство страха исчезало и приходила уверенность, что Берия будет поддерживать их, если они успешно выполняют важнейшие народнохозяйственные задачи. Берия часто поощрял в интересах дела свободу действий крупных хозяйственников в решении сложных вопросов. Мне кажется, что он взял эти качества у Сталина — жесткий контроль, исключительно высокая требовательность и вместе с тем умение создать атмосферу уверенности у руководителя, что в случае успешного выполнения поставленной задачи поддержка ему обеспечена.

notes

Примечания

Имеется в виду белорусская стратегическая наступательная операция советских войск «Багратион», проводившаяся с 23 июня по 29 августа 1944 г.

Динабург — старое до 1893 г. название латвийского города Даугавпилс, который в 1656–1667 гг. назывался Борисоглебов (по русским летописям Невгин), а до 1920 г. — Двинск.

Вартегау — название Западной Польши после ее аннексии фашистской Германией.

30 августа 1944 г., сразу после окончания Ясско-Кишиневской операции, войска 2-го Украинского фронта начали Румынскую операцию, получившую название Бухарестско-Арадская. К моменту начала наступления юго-восточнее Трансильвании находилось шесть немецких дивизий — все, что осталось от группы армий «Южная Украина». Но в самой Трансильвании, а также на венгеро-румынской границе имелись значительные части союзной Германии венгерской армии общей численностью свыше 20 дивизий.

Флепс Артур Мартин — обергруппенфюрер СС, который в то время командовал 5-м горнострелковым добровольческим корпусом СС.

Вместе с тем показания генерала Гровса в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, где после войны рассматривалось дело Оппенгеймера, были не в защиту ученого. — Прим. ред.

Здесь умышленно допущена неточность. Известно, что официальное вступление США во вторую мировую войну связано с нападением японцев на Пирл-Харбор. Оно произошло 7 декабря 1941 г. и было для США полной неожиданностью. Решение же Белого дома о выделении средств и ресурсов на создание атомного оружия было принято 6 декабря 1941 г., т. е. за день до начала войны и, следовательно, независимо от событий ближайших дней. Таким образом, если США и собирались когда-либо вступить в войну по своей инициативе, то вероятные сроки создания атомного оружия здесь играли немаловажную роль. Это еще раз разоблачает далеко идущие политические цели, которые преследовали работы над атомной бомбой. — Прим. ред.

AA-3, AAA — так обозначается в США степень важности, а следовательно, и очередности снабжения необходимыми материалами работ по правительственному заказу, AAA — высшая из этих степеней. — *Прим. ред.*

Гровс торопился испытать атомную бомбу до окончания войны с Японией и повергнуть мир к ногам Соединенных Штатов. Он не раз заявлял, что если бы бомба не была сделана раньше конца войны, не следовало бы и начинать эту затею. — Прим. ред.



Your gateway to knowledge and culture. Accessible for everyone.



z-library.sk

z-lib.gs

z-lib.fm

go-to-library.sk



[Official Telegram channel](#)



[Z-Access](#)



<https://wikipedia.org/wiki/Z-Library>